

RESPUBLICA
LITERARIA

№2 2020

Respublica Literaria

2020. Т. 1. № 2.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор - Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора - Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Лазаревич А. А. (Институт философии, Минск,
Республика Беларусь)
Дробизева Л. М. (ФНИСЦ РАН, Москва, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Синеокая Ю. В. (ИФ РАН, Москва, Россия)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)
Campbell C. (Техаский университет в Остине, США)

Редакционная коллегия:

Аблажей А.М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Афонасин Е.В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Борисов Е. В. (ТГУ, Томск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зазулина М. Р. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Мадюкова С. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжениаков А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск,
Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (Тихоокеанский университет, Хабаровск,
Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Dr. David C. Lewis (Yunnan University, China; University
of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура, Зелена Гура,
Польша)

Editorial council:

Chief editor-M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor-A.V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Editor – Grishaeva V. N.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Lazarevich A. A.
(Institute of philosophy, Minsk, Republic of Belarus)
Drobizheva L. M. (FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Sineokaya Yu. V. (IP RAS, Moscow, Russia)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples ' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)
Liberska H. (University of Bydgoszcz.
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)

Editorial Board:

Ablazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Afonasin E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Borisov E. V. (TSU, Tomsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zazulina M. R. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Madyukova S. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Dr. David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Аникина А. Б. Функционирование миметического круга П. Рикёра в различных нарративных репрезентациях прошлого	5
Бердаус С. В. Первая философия Э. Гуссерля в контексте феноменологии как науки	20
Берестов И. В. Специфика преемственности концепций в элейской философской школе	28
Доманов О. А. Форма и формальные подходы в истории философии и современности.....	52
Зайкова А. С. В защиту аналитической феноменологии времени.....	60
Ковальчук К. С. «Двойные речи» (Dissoi logoi).....	70
Косарев А. В. Основания релятивизма Дж. Марголиса в споре Р. Рорти и Х. Патнэма	79
Родин К. А. Витгенштейн о намерении и теориях действия.....	88
Санжениаков А. А. Институализация философской школы: истоки нестоицизма Юста Липсия.....	95
Суворкина Т. М., Афонасин Е. В. Продик Кеосский. Фрагменты и свидетельства	102

СОЦИОЛОГИЯ

Зазулина М. Р. Формирование систем жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ в условиях модернизации (на примере этнолокальных сообществ татар Новосибирской области).....	120
Лбова Е. М. Настоящее и будущее российской высшей школы через призму типологии университетов.....	133
Подойницына И. И. Частные вузы и формирование элиты в России: якутский кейс.....	141

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аязбекова С. Ш. Феномен двоеверия в тюркской цивилизации.....	150
Ким, И. Е., Ильина, Д. В. Незримый оппонент: скрытая дискуссия в научно-популярной статье лингвистической тематики.....	166
Для авторов. Требования к оформлению статей.....	184

CONTENTS

PHILOSOPHY

Anikina A. B. Functioning of the P. Ricoeur's mimetic circle in the various narrative representations of the past	5
Berdaus S. V. The first philosophy of E. Husserl in the context of phenomenology as a science.....	20
Berestov I. V. A Feature of the Conception Inheritance in the Eleatic School of Philosophy.....	28
Domanov O.A. Form and Formal Approaches in the History of Philosophy and Today.....	52
Zaykova A. S. In favour of analytic phenomenology of time	60
Kovalchuk X. S. Pairs of Arguments (Dissoi logoi).....	70
Kosarev A. V. Foundations of relativism by J. Margolis in the polemic of R. Rorty and H. Putnam	79
Rodin K. A. Wittgenstein on intention and theory of action.....	88
Sanzhenakov A. A. Institutionalization of a philosophical school: the origins of Justus Lipsius' neostoicism	95
Suvorkina T. M., Afonasin E. V. Prodicus of Keos. Fragments and Testimonia.....	102

SOCIOLOGY

Zazulina M. R. Formation of life support systems for rural ethno-local communities in the context of modernization (on the example of ethno-local communities of Tatars in the Novosibirsk region).....	120
Lbova E. M. The present and the future of Russian higher education shown through university typology	133
Podoyntsyna I. I. Private universities and elite formation in Russia: Yakut case ..	141

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Ayazbekova S. Sh. Tengrism and dual faith of the turkic-mongolian peoples	150
Kim I. E., Ilina D. V. (The invisible opponent: a hidden discussion in a linguistic popular science article.....	166
For authors. Submission guidelines.....	184

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (165.5)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИМЕТИЧЕСКОГО КРУГА П. РИКЁРА В РАЗЛИЧНЫХ НАРРАТИВНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ПРОШЛОГО¹

А. Б. Аникина

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
lieda27@gmail.com

Аннотация. Научный исторический и мифологический нарративы о прошлом сосуществуют независимо друг от друга, однако в последнее время они все чаще смешиваются. Чтобы найти способы выделить те свойства, которые позволяют различать их, мы обращаемся к концепции тройственного мимесиса П. Рикёра. Нарративы представляют собой когнитивные инструменты, поэтому они практически вездесущи. Поскольку в нарративе как таковом не содержится ничего, что позволило бы отличить один тип от другого, необходимо обратить внимание на то, как они функционируют, на способы репрезентации реальности, которые используют разные типы нарративов. Для этого в статье используется концепция миметического круга П. Рикёра, которая позволяет учитывать не только собственно нарративное измерение, но и его «глубину», степень приближения к реальности.

Ключевые слова: П. Рикёр, миметический круг, нарратив, репрезентация прошлого, Сталинский миф.

Для цитирования: Аникина, А. Б. (2020). Функционирование миметического круга П. Рикёра в различных нарративных репрезентациях прошлого. *Respublica Literaria*. Т. 1. №. 2. С. 5-19. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.5-19

FUNCTIONING OF THE P. RICOEUR'S MIMETIC CIRCLE IN THE VARIOUS NARRATIVE REPRESENTATIONS OF THE PAST

A. B. Anikina

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
lieda27@gmail.com

Abstract. Scholar's and mythological historical narratives coexist independently, but now they have been increasingly confused. To find ways to compare them and highlight the properties which distinguish them, we turn to P. Ricoeur's concept of triple mimesis. Narratives are cognitive tools, so they are almost omnipresent. Since there is nothing in the narrative that would distinguish one type from another, it is necessary to pay attention to how they function, to the ways of representing reality that use different types of narratives. For this, the article uses the concept of P. Ricoeur's mimetic circle, which takes into account not only the narrative dimension itself, but also its "depth", the degree of approximation to reality.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00801. «Концепция тройственного мимесиса П. Рикёра как основание верифицируемости исторических нарративов».

The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00801 "The Concept of the Tripartite Mimesis of P. Ricoeur as the Basis for Verification of Historical Narratives".

Keywords: P. Ricoeur, mimetic circle, narrative, representation of the past, Stalin myth.

For citation: Anikina, A. B. (2020). Functioning of the P. Ricoeur's mimetic circle in the various narrative representations of the past. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 5-19. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.5-19

По данным Левада-центра «в 2019-м году суммарные оценки положительного отношения жителей России («восхищение», «уважение» и «симпатия») к Сталину достигли максимального показателя за все годы исследований – их демонстрировал каждый второй участник опроса» [Динамика отношения к Сталину, 2019]. Наиболее значительно (на 12 %) выросло число респондентов, испытывающих «уважение» к вождю. С одной стороны, этот факт не имеет никакого отношения к исторической науке. История занимается изучением событий прошлого независимо от того, вызывают ли они симпатию или отвращение у людей современных. Однако, с другой стороны, этот факт кое-что говорит об обращении с прошлым в нашей стране, а история все еще претендует на монополию на достоверное прошлое. Однако в обществе эти претензии уже не воспринимаются всерьез, о чем говорит, в том числе, и приведенный факт.

Дело здесь не столько в фигуре самого Сталина, речь идет о тенденции подменять историю мифологией. Историков, и вообще образованных людей, не может не беспокоить тот факт, что, несмотря на множество томов исторических исследований, хорошо написанных, основанных на документах, в обществе сохраняется запрос именно на миф. Это явление распадается на несколько аспектов. Помимо чисто социальных (низкий уровень жизни, образования, запрос на «порядок»), политических (целенаправленная пропаганда со стороны государства) и прочих, имеется и эпистемологический аспект, на котором мы остановимся в данной статье. Чтобы обоснованно разобраться в этом вопросе попробуем сравнить разные типы нарративов о прошлом – научный, мифологический и художественный.

Такое предложение может показаться очень странным, ведь считается, что это абсолютно разные дискурсы, они существуют в параллельных пространствах и не пересекаются. Однако мы видим, что на самом деле разные типы исторических нарративов сегодня активно выполняют функции друг друга. Государство, которое является одним из крупнейших заказчиков науки, поддерживает историческую мифологию. Художественные фильмы, которые и не претендуют на истинность, рассматриваются как «искажающие» действительность². Но с другой стороны, это происходит именно потому, что кино становится способом исследования реальности, в том числе, и прошлой. Судьи и парламенты выносят суждения об исторических событиях³. Журналисты делают масштабные расследования, претендующие на историческую достоверность⁴. Наконец, люди, имеющие

² Например, общественные дискуссии вокруг фильмов «Матильда» и «Смерть Сталина».

³ Процессы над нацистскими деятелями, признание геноцида армян парламентом Франции.

⁴ Например, фильм блогера и журналиста Ю. Дудя «Беслан».

ученую степень, пишут псевдонаучные исследования, хотя это как раз и не ново⁵. Здесь открывается возможность для сравнения: если разные нарративы о прошлом настолько взаимозаменяемы, значит между ними есть структурное сходство. В этом контексте более актуальной становится задача как раз найти различия между ними.

Почему такая ситуация стала возможной? Вероятно, в силу определенных свойств нарратива вообще. Самое базовое понятие нарратива дала Барбара Х. Смит: «кто-то рассказывает кому-то, что что-то произошло» [Smith, 1981, p. 209]. Звучит элементарно, но уже здесь имплицитно содержатся сложные вопросы: для чего рассказывает? почему именно об этом, а не о чем-то другом? почему именно так? Тогда обратимся к более формализованному понятию нарративного предложения, как его сформулировал А. Данто: «Нарративные предложения содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, но при этом описывают более раннее из них» [Данто, 2002, с. 155]. Конечно, историческое повествование преимущественно описывает не одно событие, а множество, но суть та же – события описываются не сами по себе, а как имеющие значение для чего-то последующего. Исторический нарратив, как бы сложен он ни был, может быть сведен к нарративному предложению, что удобно в целях анализа. Таким образом, нарративы – это основной способ придания смысла человеческим действиям через организацию кажущихся несвязанными и независимыми элементов существования в единое целое [см.: Mink, 1987].

Нарратив как познавательный инструмент

Как показывает П. Рикёр, нарратив способен выполнять эти функции в силу того, что он обладает рядом важных свойств. Во-первых, ему присуща особая структура «начало–середина–конец», которая есть также структура события. Событие для Рикёра это привилегированный объект памяти, но, кроме того, и объект истории (хотя его статус в истории есть предмет споров). Такой изоморфизм представляет собой одну из причин, по которой нарратив становится столь удобной формой репрезентации прошлого: «нарративное действие пере-обозначает мир в его временном измерении в той мере, в какой рассказывать, повествовать – значит заново совершать действие» [Рикёр, 2000, с. 99]. Кроме того, повествовательная структура «начало–середина–конец» изоморфна течению человеческой жизни, которая объективно имеет начало и конец (в отличие от события, которое человеческое сознание выделяет произвольно из последовательности явлений окружающей жизни).

Во-вторых, нарратив обладает важной способностью интегрировать разрозненные факты в сюжет. Подобно тому, как рассказанное время, выводимое Рикёром из августиновского растяжения души, есть «несогласное согласие», так в нарративе на первый план выходит именно «функция “сведения воедино”», которая присуща рассказу,

⁵ Ярким примером служит докторская диссертация В. Р. Мединского [Гамзин, 2012; Козляков, 2014].

выступающему как целое по отношению к излагаемым событиям» [Рикёр, 2004, с. 338]. Это свойство связано с присоединением к повествовательной форме логической связности. Здесь нужно отметить изоморфизм, но уже между структурой нарратива «начало–середина–конец» и логической формой «причина–событие–следствие» или между структурой силлогизма «большая посылка–меньшая посылка–заключение».

Третье свойство нарратива, унаследованное от особенностей человеческой памяти – его избирательность. Мы не включаем в повествование абсолютно все события, но только те, которые укладываются в определенную логику: «любое повествование – это структура, налагаемая на события, которая одни события соединяет вместе, а другие исключает как не имеющие значения» [Данто, 2002, с. 136]. Если бы у нас не было механизма отделения значимого от незначимого, вряд ли было бы возможным осмысление мира⁶.

Логическая связность и критерий значимости, в свою очередь, обусловлены наличием общего смысла нарратива как целого, относительно которого и выстраивается логика повествования. Структурно смысл нарратива соответствует значению события в памяти или в истории. В нарративной схеме организации информации событие понимается, когда объясняются его роль и значение в связи с некоторыми целью, проектом или целым (человеческая жизнь, история). Значение и есть то, что делает событие чем-то большим относительно составных его элементов, что выделяет его из череды феноменов: «Значение события определяет устойчивое сохранение его результатов вдали от истоков. Оно коррелятивно значению самого рассказа, смысловое единство которого сохраняется в течение длительного времени» [Рикёр, 2004, с. 343].

Возможность и способность присваивать значение явлениям – это необходимое условие человеческого существования. Неумолимость и объективная бессодержательность двух пределов жизни – рождения и смерти – наводит ужас на человека, и он также прибегает к нарративам, позволяющим осмыслить, наделить хоть каким-то смыслом эти два предела, и как следствие, то, что между ними – его собственная жизнь – тоже обретает смысл. То есть, четвертое необходимое свойство нарратива, в приложении и к памяти, и к истории состоит в его способности придать смысл человеческим действиям, отличить их от просто физических явлений.

Указанные свойства делают нарратив самостоятельным познавательным инструментом в отношении прошедшего опыта. Его глубокая укорененность в жизненном мире соединяется с логической формой, позволяющей извлекать из этого мира существенные феномены и детали, осуществлять абстрагирование от бесконечного их многообразия для того, чтобы сделать их доступными для осмысления. «Термин “нарратив” обозначает

⁶ Любопытно, что процесс отбора феноменов опыта посредством нарратива аналогичен работе молекулярных механизмов долговременной памяти. Регулирование процессов запоминания происходит с помощью двух белков, один из которых активизирует усиление синаптических связей, а другой их подавляет. Для того, чтобы опыт был записан в память живого организма, сигнал о нем должен вызвать такую реакцию, которой будет достаточно не только для усиления синаптических связей, обеспечивающих запоминание, но и для отключения гена, подавляющего такие связи [Кандель, 2007, Глава 19].

различные формы, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта» [Брокмейер, Харре, 2000, с. 37].

Перечисленными свойствами определяется универсальность и повсеместность нарративов: мы хотим иметь дело только с тем, что имеет значение, и нарратив – инструмент выделения этого значения, не важно, идет ли речь о значении личности Сталина, сломанного ногтя или объемов финансирования образования. Форма «начало–середина–конец» и логическая структура «причина–явление–следствие» присуща всем естественным нарративам⁷. Все без исключения нарративы включают в себя одни факты и игнорируют другие. То есть, ни один нарратив на свете не является точной копией реальности и не может передать события, «как они были на самом деле». Способность наделять события и явления значением также присуща всем нарративам, как научным, так и мифологическим, а так же и художественным. Таким образом, нет никаких формальных признаков, чтобы отличить подлинно научный исторический нарратив от любого другого.

Однако важный вопрос состоит в том, как именно определяется значение, которым нарратив наделяет события? В рамках наивно-объективистских концепций полагалось, что значение присуще событию или явлению самому по себе, его надо лишь найти, правильно выяснить. В рамках постмодернистских направлений утверждалось, что значение это исключительно сконструировано автором нарратива. Затем велись поиски так называемого «среднего пути», появились различные версии конструктивизма. Мы здесь опять возвращаемся к концепции Рикёра как основанию, на котором возможно рассуждать о взаимодействии между реальностью и нарративом.

Рикёр полагал, что в жизни неявно содержится не смысл событий, а взаимосвязи между явлениями, которые, зачастую, нужно еще обнаружить. То, что предшествует нарративу в жизни, есть изменение положения вещей и получаемый таким образом опыт. Если зависимость, например, между стрелой и убитым животным налицо, то связь между семенем и урожаем не очевидна. Чтобы ее обнаружить, требуется способность проследивать изменения во времени, которая, как утверждает Рикёр, проявляется и артикулируется только в нарративных структурах. Если в жизни имеется очевидная связь между семенем и его плодами, то можно сказать, что для человека значение семени в том, чтобы дать урожай. Поскольку в жизни мы имеем дело с куда менее очевидными процессами, включающими множество вероятностных факторов, то и значение их неоднозначно, но это не значит, что оно произвольно. Просто кто-то лучше оценил включенность тех или иных факторов в процесс, а кто-то взял слишком общую схему.

В концепции Рикёра смысл нарратива – это постоянное напряжение между миром практики и его символической репрезентацией, в которой участвуют как минимум язык, культура и сознание. Это напряжение создается в процессе движения «миметического круга», механизма, с помощью которого происходит репрезентация событий и явлений

⁷ В XX в. литература находилась в поиске новых способов передачи бесконечного многообразия бытия и значительно в этом преуспела, предложив различные формы «неестественных нарративов» от открытого финала и литературы абсурда до произвольного порядка чтения и множественности миров [см.: Барышникова, 2014]. Однако все эти отступления возможны потому, что имеется естественная, базовая форма нарратива.

окружающего мира в индивидуальном опыте и в культуре. Миметический круг Рикёр разделяет на три фазы:

– рефигурация, или стадия предпонимания мира, т. е. обозначение тех вещей или явлений, с которыми человек имеет дело;

– конфигурация – собственно выстраивание логических взаимосвязей между явлениями и событиями;

– рефигурация – переобозначение явлений в соответствии с вновь полученными конфигурациями значений. Так происходит приращение индивидуального и коллективного опыта.

Посмотрим, как действует миметический круг в нарративах разного типа.

Научный нарратив

Обратимся для начала к историческо-научному нарративу, так как он позволяет в полной мере продемонстрировать возможности концепции Рикёра. В качестве примера возьмем статью Н. Петрова «Был ли Сталин преступником?» [Петров, 2002]. Можно ли рассматривать эту статью как нарратив? Можно рассмотреть два плана «событий»: в пространстве статьи (как рассказа) и в пространстве автора (в данном случае, оно же и пространство читателя). В пространстве статьи идет сухое перечисление эпизодов, за каждым из которых стоит жуткая история их исполнения, а за некоторыми из них – еще тысячи трагически оборвавшихся историй. Между эпизодами нет сюжетной связи, как нет логической связности между этими событиями. Здесь нет сюжетного начала и конца, но они нам известны, поскольку этот рассказ – часть рассказа об истории России. К сожалению, мы не можем остановиться на плане выражения, ввиду ограниченности объема статьи и, главным образом, ввиду иных целей. В целях сравнения нарративов нас интересует прежде всего логическая структура.

Собственно действие происходит в пространстве автора/читателя. Мы объединяем эти пространства, поскольку, предполагается, что автор и читатель живут в одном мире, у автора нет иного замысла, кроме как рассказать какие-то сведения об этом мире, и, хотя автор и знает больше читателя, любой читатель может узнать все то же самое без «залезания в голову» автору (безусловно, это все «идеальные условия»). Н. Петров отталкивается от факта, что существует двойственность в оценках личности Сталина. Тогда он задается вопросом, можем ли мы убрать эту двойственность, дав оценку деятельности Сталина опираясь на документально установленные факты и на критерии его времени. Поиск ответа и составляет сюжет статьи. Н. Петров приводит ряд фактов, давая им определенную интерпретацию, подводя читателя к выводу о том, что в критериях оценки своего времени и принятого на тот момент в СССР законодательства Сталин должен считаться преступником. «Событие» происходит в голове читателя: Сталин был «великий герой» «с точки зрения государственности», а становится преступником. Это событие может не произойти, если читателя не убедили аргументы Н. Петрова.

Чтобы аргументы звучали неубедительно, не обязательно оспаривать факты, на которые ссылается статья. С позиций нарратологии можно сказать, что статья уважаемого Н. Петрова – это литературное писание, поскольку: автор выбрал именно эти факты, но не привел данных, например, об успехах индустриализации или победе в войне; автор составил из этих фактов такую логическую цепочку, которая была удобна ему, чтобы привести читателя к заранее известному ему финалу, который автор задумал на основе своих вкусовых предпочтений. И все это – частное мнение Петрова, которое может убедить лишь того, кто уже заранее стоит на тех же идеологических позициях, что и автор.

Однако посмотрим на статью в терминах миметического круга. У автора есть представление о важных элементах той эпохи, о которой он пишет, о Конституции, структуре власти, а так же есть концептуальные категории: закон, ценность человеческой жизни, документ, преступление и пр. Есть объекты реальности, например, папки, озаглавленные «Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного суда Союза С.С.Р.», и множество других, на которые автор ссылается. На стадии префигурации эти предметы предобозначаются сначала как документы, заслуживающие доверия, а затем определяется, какие это документы в соответствии с базовыми понятиями и с реалиями (которые тоже ранее были установлены на основе документов) того времени. Таким образом, упомянутый «Список лиц» обозначается как «сталинский расстрельный список», согласно которому Сталин, Ежов, Молотов и некоторые иные члены Политбюро приговаривали людей к расстрелу, либо к лагерям без суда. На этих документах стоит подпись, (в результате экспертиз) понимаемая как подпись Сталина, и с этим фактом связаны представления о персональной ответственности за принятые решения и их исполнение.

Кроме ссылок на документы в статье Н. Петрова есть перечисление некоторых фактов, которые точно имели место в реальности и были подтверждены материальными свидетельствами, например, убийство Троцкого, Катынский расстрел, переселение некоторых национальностей и др. Катынское дело здесь является показательным примером, поскольку долгое время не была известна правда об этих событиях и они вписывались в разные нарративы. Автор приводит основания, почему он префигурирует этот факт как преступление Сталина: «виновность Сталина не подлежит сомнению: его подпись стоит на постановочной записке НКВД, подготовленной Берией» [Петров, 2002, с. 410]. Это еще одна нить, ведущая нас к реальности.

Фаза конфигурации предполагает объединение этих фактов в какую-то осмысленную картину. Это не просто полет творческой мысли, но факты объединяются в соответствии с какими-то схемами, парадигмами. Рикёр писал о парадигмах, как о глубинных структурах воображения, способных соединять «креативность и кодификацию» «парадигмы – это матрицы, предназначенные для порождения очевидных структур в неограниченном количестве» [Рикёр, 2004, с 355]. В данном случае при поверхностном взгляде можно выделить простую структуру силлогизма (хотя могут быть и более сложные схемы). Есть

большая посылка – положения Конституции СССР 1936 г., где провозглашалась неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, свобода слова, нарушение Конституции квалифицируется Уголовным Кодексом как преступление с соответствующим наказанием. Далее идет меньшая посылка, что Сталин лично причастен к нарушению прав, гарантируемых Конституцией. Соответствующий вывод состоит в том, что Сталин – преступник. Эта схема не может считаться произвольным вымыслом автора, поскольку таким же образом принимаются тысячи судебных решений.

Остается пересмотреть уже имеющиеся представления о прошлом с учетом того, что Сталин характеризуется как преступник, то есть происходит стадия рефигурации. Если «событие» не произошло, и мнение читателя не поменялось, то и рефигурация не состоится, поскольку читатель остался при своем мнении.

Мифологический нарратив

Теперь обратимся к мифологическому нарративу, в качестве примера возьмем заметку В. Жаронкина «О диктатуре большевиков – Сталина, и зачем она пригодилась» на сайте История.РФ [Жаронкин]. Насколько мы можем судить, она выражает типичные моменты, свойственные такого типа нарративам.

На стадии префигурации мы видим крайне мало отсылок к каким-либо фактам, тем более нет ссылок на документы (хотя История.РФ – это специализированный портал об истории, и там публикуются документы в том числе). Автор заметки полагает, что читателю известны необходимые факты: «Путь Сталина к вершинам власти известен в подробностях». Далее упоминается о том, что Сталин «расправился с Троцким, Бухариным, Рыковым, Зиновьевым, Каменевым и другими своими конкурентами» – и это единственные факты, которые упоминаются в статье, кроме факта принятия «Сталинской конституции» (так у В. Жаронкина). Других отсылок к общему для автора и читателя миру нет, все остальные данные приводимые в статье, являются оценочными суждениями. Как полагал А. Ф. Лосев, это и свойственно мифологическому сознанию, в котором явление не воспринимается само по себе, а воспроизводится на эмоционально-образном языке [Лосев, 1994]. Этот текст отсылает нас по преимуществу к его собственной реальности, уже префигурированной в его собственной логике, не давая читателю самому проделать этот путь. Это не позволяет нам увидеть факт в его самостоятельной ценности, независимой от процессов, в которые он оказался включен.

На этапе конфигурации также видны различия. Здесь мы видим свойственное мифу движение значений, в котором «дуальные оппозиции снимаются в ходе медиации – замены исходного противопоставления некоторыми производными образованиями с привлечением случайных фактов и конструируемых произвольно, с помощью ассоциаций, отношений» [Словарь философских терминов, 2007, с. 333]. Это стандартный прием: Сталин, конечно, был преступник, но народ его любил, Ленин тоже формировал режим личной власти, многих

репрессировали за дело, а страна индустриализировалась. Предлагаемые ассоциативные связи остаются в области смыслов, слов, они не выводятся из практики: из конкретных социальных отношений, из реальных процессов и их результатов, из опыта живых людей. Таким же образом можно построить ряд осмысленных суждений о том, что ложка – это в некотором смысле молоток, но вряд ли удастся забить ложкой гвоздь или поесть молотком. Однако люди, не представляющие, что такое ложка или молоток, не смогут судить об их свойствах только по этой цепи суждений, нужно иметь реальный опыт пользования этими предметами. Таким же образом, людям без специального образования сегодня сложно судить об экономических процессах столетней давности, людям без определенного опыта использования этических категорий трудно распознать неувязку в рассуждении о том, что индустриализация страны оправдывает репрессии.

Соответственно, в данном случае о рефигурации опыта речи не идет, поскольку новый опыт уже на этапе префигурации не может «пробиться» в данный нарратив, все неукладывающееся в него отсеивается как «не имеющее значения». Собственно, главная цель мифа – не фиксировать изменение опыта, а воспроизводить свою собственную реальность через ритуальное повторение и сакральную причастность. Популярность мифа объясняется именно его простотой для восприятия, способностью снимать противоречия, обеспечивая устойчивость идентичности, индивидуальной или коллективной.

Можно выделить еще много мифологических черт заметки авторства В. Жаронкина, но мы не будем на этом останавливаться, поскольку разница между мифологическим и историко-научным нарративом уже очевидна. Если мы обращаем внимание не только на логическую структуру, но на содержание, то с рациональной точки зрения уже невозможно утверждать, что научно-исторический нарратив совершенно неотличим от других вымышленных нарративов. Трудно отрицать, что конфигурация через ассоциативные связи и конфигурация через структуру силлогизма равно абстрактны и чужды для реальности, но содержательно они отличаются по своей способности репрезентировать конкретные связи, которые выводятся из практики. Историко-научный нарратив может репрезентировать реальность в определенной степени, отдельные ее элементы, которые могут иметь значение в том или ином отношении. Смысл научного исторического нарратива выводится из жизни, это результат предпонимания мира, которое Рикёр характеризует через «овладение сеткой взаимосвязей (*réseau d'intersignification*), конституирующих семантику действия через знакомство с символическими опосредованиями и с донарративными способами человеческого действия» [Ricoeur, 1983, p. 123].

Художественный нарратив

Несколько слов попробуем сказать и о художественных нарративах о прошлом, хотя это непростая задача. Существует достаточно много исследований о том, что в отличие от мифологических нарративов, художественные максимально схожи по структуре с собственно историческими (см.: Х. Уайт, Ф. Анкерсмит, O.L. Mink, D. Carr). И если Уайт и Анкерсмит

вполне спокойно относились к тому, что они неразличимы, то Карр, как и многие другие, пытался отстаивать их различие. Однако аргументы сторонников различия не кажутся вполне убедительными. Собственно, главный аргумент не менялся со времен Аристотеля: история рассказывает о произошедшем, а поэзия – о том, что могло бы произойти (Аристотель, *Поэтика*, 1451a36). Так в своей статье «История, художественная литература и человеческое время» Карр рассуждает: «в одном случае воображение в сочетании с другими способностями используется для выработки суждений, теорий, прогнозов и нарративов, повествующих о том, что же представляет, представлял или будет представлять собой реальный мир, а в другом случае оно используется для создания рассказов о персонажах, событиях ... которых никогда не было» [Карр, 2011, с. 172]. Но этот критерий ничего нам не дает. Во-первых, литература очень часто повествует о том, что реально существовало, а во-вторых, даже когда повествование заявляется как заведомо вымышленное, оно все равно может использоваться «для выработки суждений, теорий, прогнозов о том, что же представляет, представлял или будет представлять собой реальный мир» [Там же].

Другое, заявляемое различие между историей или литературой основывается на намерении автора: художественный и нехудожественный текст различаются не в том, что «первый состоит по преимуществу из неистинных высказываний, а, скорее, в том, что эти высказывания были задуманы автором как неистинные, не должны восприниматься как истинные и в действительности не воспринимаются аудиторией как истинные» [Там же, с. 170]. Но в таком случае, должны быть критерии, по которым читатели понимают, что эти суждения были задуманы автором как неистинные. Это могут быть формальные критерии: где издано произведение, в научном журнале или в серьезном издательстве, справочный аппарат, рецензии, но те, кто принимают решение о публикации суждений о прошлом, уже должны иметь более содержательные критерии. В качестве критерия нельзя рассматривать заявление самого автора о своих намерениях даже не потому, что мы не доверяем автору, а потому, что сам автор, как ни странно, создавая свой текст, тоже должен иметь эти критерии.

Рикёр в качестве отличительной черты исторических нарративов предлагает понятие «исторической интенциональности», которую он определяет, как «направление/ощущение ноэтической нацеленности (*le sens de la visée noétique*)⁸ создающей историческое качество истории» [Ricoeur, 1983, p. 253]. Французское слово *sens* можно перевести как «чувство», «ощущение», так и как «направление». Мы не всегда можем различить, направлено наше сознание на реальный объект или на воображаемый, но мы можем различить, куда мы хотим его направить. Позднее, в «Памяти, истории, забвении» Рикёр говорит о памяти как прицеливании и воспоминании как о том, на что наведен прицел (*la mémoire comme visée et le souvenir comme chose visée*) [Ricoeur, 2000, p. 27]. Таким образом, интенциональность можно понять в первую очередь как чувство, ощущение, наподобие того, которое

⁸ В переводе Т.В. Славко: «Под этим [исторической интенциональностью] я понимаю **СМЫСЛ** ноэтической направленности, создающей историческое качество истории» [Рикёр, 1998, с. 208].

подсказывает, как нужно навести прицел. Может быть, это не выглядит надежным критерием, поскольку мы опять упираемся в то, что мы не можем проверить извне, в некую субъективную направленность. Однако во многих случаях мы можем предполагать, какие ощущения испытывает человек по ряду внешних признаков, представляется, что «ощущение ноэтической нацеленности» не должно быть исключением.

Допустим, у автора есть «ощущение ноэтической нацеленности» на прошлое, но как это может определить читатель? Как мы уже говорили, это невозможно сделать, опираясь лишь на формальные характеристики текста. Как полагал Рикёр, референциальный момент, отличающий историю от вымысла имеет трехчастную природу: «Необходимо терпеливо соединять способы репрезентации со способами объяснения/понимания и, через них, – с документальным моментом и его предполагаемой матрицей истины – свидетельством тех, кто заявляет, что они находились там, где нечто случилось» [Рикёр, 2004, с. 357]. Это «терпеливое соединение» опять же можно представить с помощью миметического круга. Мы не будем здесь расписывать его так же, как в примере с научной статьей. Во-первых, потому, что есть множество работ, исследующих репрезентацию самых разнообразных проявлений реальности в художественных нарративах, начиная от «Мимесиса» Ауэрбаха [Ауэрбах, 1976]. Во-вторых, потому, что есть основания полагать, что мы не найдем здесь принципиального различия с функционированием мимесиса в научных нарративах. Можно попытаться разработать какую-то систему «учета» вымышленных фактов в художественных нарративах, допустимую «пропорцию» их соотношения с реальными фактами. Но маловероятно, что это даст хороший результат, так как история часто оперирует не только установленными фактами, но и очень вероятными фактами, которые, тем не менее, не подтверждаются документально. С другой стороны, литература, подобно «Архипелагу ГУЛАГ» А. Солженицина или кино, подобно фильму «Хрусталеv, машину!» А. Германа могут обращаться к историческим фактам, могут предлагать интерпретационные модели, могут даже основываться на свидетельствах и документах, но все равно они не смогут стать примером историко-научного нарратива.

Однако концепция миметического круга все-таки может помочь нам отличить художественный нарратив от научного. Отличие состоит в том, что если в мире исторической науки произойдет приращение опыта новыми фактами и документами, новыми концепциями, то исторический нарратив будет пересмотрен и в итоге переписан. Этот процесс Рикёр называл «репрезентированием» [Там же, с. 388-398]. Художественный же нарратив представляет собой замкнутый мир: изменяются наши интерпретации, но текст остается неизменным и как художественное произведение вряд ли потеряет свое значение. В то время как, если вскроются неизвестные ранее факты, каким-то образом демонстрирующие непричастность Сталина к совершенным преступлениям, то приведенная здесь статья потеряет свое значение и останется строчкой в библиографии, а историки напишут новые. Но она утратит свое значение именно в силу ее связи с реальностью, потому что у нас появились новые данные о прошлом.

Таким образом концепция миметического круга П. Рикёра дает нам инструменты или методологическую рамку для того, чтобы продвинуться в решении проблемы достоверности исторического познания. Эта концепция позволяет учитывать не только собственно нарративное измерение, но и его «глубину», степень приближения к реальности. Достоверные нарративы, если развернуть их в рамках миметического круга, всегда ведут к фактам «как таковым», несмотря на накладываемые на реальность мыслительные конструкции. Эти мыслительные конструкции могут быть деконструированы, а факты могут быть включены в иные нарративы. Это и обеспечивает успешную работу нарратива [см.: Аникина, 2015].

Мифологические же нарративы не дают такой «прозрачности», сквозь них не видны факты, они в большей степени представляют собой интерпретационные схемы, но при этом они позволяют включать в себя большое число противоречивых фактов, сглаживая тем самым противоречия и неувязки. Мифологический нарратив с большей легкостью выполняет интегративные функции и обладает определенными качествами, позволяющими снимать социальные противоречия, в связи с чем он так востребован сегодня. Поэтому следует признать, что в разных случаях закономерно пользоваться разными типами нарративов, в зависимости от задач. В таком случае важным вопросом становится, например, понять, допустимо ли строить государственную политику на мифологических нарративах? Или вопрос о возможности разрешения социальных противоречий на основе мифологических нарративов. Эти вопросы требуют дальнейшего исследования.

Список литературы / References

Аникина, А. Б. (2015). Дискурс истории: возможно ли заменить истинность на эффективность? *Вестник НГУ. Серия: Философия*. Т. 13. Вып. 1. С. 100-107.

Anikina, A. B. (2015). The Historical discourse: truth or effectiveness? *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. Vol. 13. no. 1. pp. 100-107. (In Russ.)

Аникина, А. Б. (2016). Логика исторического процесса: ее конструирование и саморазрушение. *Сибирский философский журнал*. 2016. №. 1. С. 83-93.

Anikina, A. B. (2016). The logic of the historical process: its construction and autodestruction. *Siberian Journal of Philosophy*. no. 1. pp. 83-93. (In Russ.)

Анкерсмит, Ф. (2003). *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Прогресс-Традиция. 496 с.

Ankersmit, F. (2003). *History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor*. Moscow. 496 p. (In Russ.)

Ауэрбах, Э. (1976). *Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской культуре*. М. 556 с.

Auerbach, E. (1976). *Mimesis. The Representation of Reality in Western Literature*. Moscow. 556 p. (In Russ.)

Барышникова, Д. (2014). Беспорядок дискурса (обзор работ по «неестественной» нарратологии). *Новое литературное обозрение*. № 6 (130). С. 325-332.

Baryshnikova, D. (2014). Disorder of Discourse (a review of works on “unnatural” narratology). *New Literary Review*. no. 6(130). pp. 325- 332. (In Russ.)

Брокмейер, Й., Харе, Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*. № 3. С. 29-42.

Brockmeier, I., Harre, R. (2000). Problems and Promises of an Alternative Paradigm. *Voprosy Filosofii*. no 3. pp. 29-42. (In Russ.)

Верч, Дж. (2018). Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины. *Историческая экспертиза*. № 2(15). С. 15-32.

Wertsch, J. (2018). Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine. *The Historical Expertise*. no 2(15). pp. 15-32. (In Russ.)

Гамазин, А. (2012). Выдумки профессора Мединского. *Звезда*. № 4. С. 155-166.

Gamazin, A. (2012). The Fictions of Professor Medinsky. *Star*. no. 4. pp. 155-166. (In Russ.)

Динамика отношения к Сталину. [Электронный ресурс]. *Левада-центр*. 16.04.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (Дата обращения: 02.11.2020).

Dynamics of attitudes towards Stalin. [Online]. *Levada-tsentr*. 16.04.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (Accessed: 02 Novem. 2020). (In Russ.)

Жаронкин, В. О диктатуре большевиков – Сталина, и зачем она пригодилась. [Электронный ресурс]. *История.РФ*. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/o-diktaturie-bolshievikov-stalina-i-zachem-ona-prigodilas> (Дата обращения: 01.11.2020).

Zharonkin, V. The dictatorship of the Bolsheviks and Stalin, and why is it useful. [Online]. *History.RF*. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/o-diktaturie-bolshievikov-stalina-i-zachem-ona-prigodilas> (Accessed: 01 Novem. 2020). (In Russ.)

Историческая память [Электронный ресурс]. *Левада-центр*. 22.06.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/22/istoricheskaya-pamyat/> (Дата обращения: 02.11.2020).

Historical memory. [Online]. *Levada-tsentr*. 22.06.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/22/istoricheskaya-pamyat/> (Accessed: 02 Novem. 2020). (In Russ.)

Кандель, Э. (2012). *В поисках памяти. Возникновение новой науки о человеческой психике*. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 736 с.

Kandel, E. (2012). *In Search of Memory: The Emergence of a New Science of Mind*. Moscow. Astrel; CORPUS. 736 pp. (In Russ.)

Карр, Д. (2011) История, художественная литература и человеческое время. *Философия и общество*. 2011. № 1. С. 160-179.

Carr, D. (2011). History, Fiction and Human Time. *Philosophy and Society*. no 1. pp. 160-179. (In Russ.)

Козляков, В. Н. (2014). О вакханалии празднословия. *Троицкий вариант – Наука*. № 155. С. 5.

Kozlyakov, V. N. (2014). On the bacchanalia of idle talk. *Troitsky variant – Science*. no. 155. p. 5. (In Russ.)

Лосев, А. Ф. (1994). *Миф – Число – Сущность* / Сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль. 919 с.

Losev, A. F. (1994). *Myth – Number – Essence*. Comp. Takho-Godi, A. A. Moscow. 919 pp. (In Russ.)

Петров, Н. (2002). Был ли Сталин преступником? *Историческая политика в XXI веке*. М.: Новое литературное обозрение. С. 396-420.

Petrov, N. (2002). Was Stalin a criminal? In *Historical politics in the XXI century*. Moscow. New Literary Review. pp. 396-420. (In Russ.)

Рикёр, П. (2000). *Время и рассказ. Т.1: Интрига и исторический рассказ*. М.-СПб.: Университетская книга. 313 с.

Ricoeur, P. (2000). *Time and Narrative. Vol. 1*. Moscow. St. Petersburg. University Book. 313 p. (In Russ.)

Рикёр, П. (2004). *Память, история, забвение*. М.: Изд-во гуманитарной литературы. 728 с.

Ricoeur, P. (2004). *Memory, History, Forgetting*. Moscow. Publishing House of Humanitarian Literature. 728 p. (In Russ.)

Словарь философских терминов. (2007). Ред. В. Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М.
Kuznetsov, V. G. (ed.) (2007). *Dictionary of philosophical terms*. Moscow. (In Russ.)

Уайт, Х. (2002). *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.* Екатеринбург. 547 с.

White, H. (2002). *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Yekaterinburg. 547 p. (In Russ.)

Mink, L. O. (1987). Narrative Form as a Cognitive Instrument in Mink L.O. *Historical Understanding*. ed. Br. Fay, E. O. Golob, and R. T. Vann. Ithaca and London: Cornell University Press. pp. 182-203.

Ricoeur, P. (1983). *Temps et récit. Tome 1*. Paris. Seuil. 324 p.

Smith, B. H. (1981). Narrative Versions, Narrative Theories, in *On Narrative*. Mitchell W. J. T. (ed.). Chicago. University of Chicago Press. pp. 209-232.

Сведения об авторе / Information about the author

Аникина Александра Борисовна – кандидат философских наук, преподаватель Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Пирогова, 2, e-mail: liedda27@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.11.2020

После доработки: 28.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Anikina Alexandra – Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova, 2, e-mail: liedda27@gmail.com

The paper was submitted: 20.11.2020

Received after reworking: 28.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020

УДК 1(091)

ПЕРВАЯ ФИЛОСОФИЯ Э. ГУССЕРЛЯ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ КАК НАУКИ

С. В. Бердаус

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
s.berdaus@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема соотношения критического и догматического типов мышления в контексте проекта научной философии Гуссерля. Высказана точка зрения, согласно которой программа наукоучения Гуссерля не была свернута на момент завершения дескриптивного этапа, а, напротив, была продолжена и расширена на этапе трансцендентальной феноменологии. На материале первой части лекций «Первая философия», принадлежащих этому этапу, продемонстрировано, как с помощью историко-эйдетической редукции и концепта единства мотивации основатель феноменологии намечает путь освоения «начинающим» философом принципов критического мышления. Эти принципы, вкуче с феноменологической редукцией, формируют особую диспозицию догматического и критического в проекте феноменологии как строгой науки, где догматическое и критическое сливаются в фундаментальное требование саморефлексии и ответственности философа.

Ключевые слова: феноменология, Гуссерль, критическое мышление, Первая философия, историческая редукция, единство мотивации.

Для цитирования: Бердаус, С. В. (2020). Первая философия Э. Гуссерля в контексте феноменологии как науки. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 20-27 DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.20-27

THE FIRST PHILOSOPHY OF E. HUSSERL IN THE CONTEXT OF PHENOMENOLOGY AS A SCIENCE

S. V. Berdaus

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
s.berdaus@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of the relationship between critical and dogmatic types of thinking in the context of the project of scientific philosophy created by Husserl. The point of view is expressed according to which the program of science teaching of Husserl was not completed at the end of the descriptive stage, but, on the contrary, was continued and expanded at the stage of transcendental phenomenology. Based on the material of the first part of the lectures “First Philosophy” belonging to this stage, it is demonstrated how Husserl, with the help of historical-eidetic reduction and the concept of the unity of motivation, outlines the way for the “naïve” philosopher to master the principles of critical thinking. These principles, coupled with phenomenological reduction, form a special disposition of the dogmatic and the critical in the project of phenomenology as a rigorous science, where the dogmatic and the critical merge into the fundamental requirement of the philosopher's self-reflection and responsibility.

Keywords: Phenomenology, Husserl, critical thinking, First philosophy, historical reduction, unity of motivation.

For citation: Berdaus, S. V. (2020). The first philosophy of E. Husserl in the context of phenomenology as a science. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 20-27 DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.20-27

По-видимому, можно признать, что на сегодняшний день все еще отсутствует некое общепризнанное понимание того, чем является философия, и, как следствие, отсутствует и такое определение философии, которое можно было бы считать удовлетворительным во всех отношениях. Также можно признать, что наиболее безуспешными в плане попыток определить предмет философии являются подходы катафатические, чего нельзя сказать о подходах апофатических. Отказ, даваемый философии в праве на бытие чем-то – наукой, искусством, техникой и т.п. – весьма распространенный пропедевтический прием. Наиболее важным – для обеих сторон – является подчеркивание сепарации, происходящей между философией и наукой. Если в общих чертах описывать эту сепарацию, то она проходит по линии типизации мышления или точнее образа мышления, который будет считаться допустимым в соответствующей сфере. На важный в этом отношении аспект сепарации обращает внимание Т. И. Ойзерман: «Философия – единственная область знания, в которой согласие между ее выдающимися представителями составляет скорее исключение, чем правило. В науках, обычно называемых частными, точными, специальными, область разногласий сравнительно небольшая часть огромной, уже освоенной территории, на которой царят мир и доброе согласие. Изучающий любую из этих наук в известном смысле слова лишен выбора: он усваивает установленные истины, которые могут быть, правда, дополнены, конкретизированы, но едва ли опровергнуты. Не то в философии, где существует множество учений, течений, направлений и каждое из них имеет, как правило, не только историческое оправдание, но и некоторый актуальный смысл. Тут приходится выбирать, погружаться в специфическую атмосферу философского, по природе своей *конфронтирующего* [курсив наш – С.Б.] мышления, чтобы обрести свою точку зрения, отвергнув все другие, несовместимые с ней» [Ойзерман, 1971, с. 3]. Таким образом, поляризация конфронтирующего (критического) мышления философа и позитивно-догматического мышления ученого – вполне органичный процесс, обусловленный предметной спецификой, целями и задачами этих сфер.

Тем большую озадаченность вызывает тяга некоторых философов и целых философских направлений каким-то образом соединять эти два типа мышления. Результатом подобного соединения выступают разнообразные проекты научных философий, общей чертой которых является стремление ослабить один из типов мышления в пользу второго. Как правило, ослаблению подвергается именно конфронтирующее философское мышление за счет стабилизации его в определенных отношениях более конструктивным позитивным научным мышлением. Более редкими представляются варианты обратной асимметрии, т.е. такие проекты научных философий, которые выстраиваются с опорой на критическое мышление, редуцируя догматический потенциал научного мышления к функциональному минимуму, необходимому постольку, поскольку конечным результатом подобных проектов выступает все-таки формирование научного знания, так или иначе подразумевающего определенные элементы догмы. Среди проектов подобного типа отдельного внимания своей широкомасштабностью, а также своим новаторством заслуживает исследовательская программа Э. Гуссерля.

В целом проблемы науки, научной рациональности составляли одну из центральных тем феноменологии, в чем можно убедиться, обратившись не только к опубликованным работам, но и к материалам лекций и переписке разных лет [см.: Fisetite, 2003, pp. 49-55]. Феноменология в этих работах предстает универсальным фундаментом, теоретическим обоснованием всех конкретных наук, в чем очевидным образом просматриваются преемственность идей таких классических философов, как Декарт, Кант, Фихте, Лотце, Больцано и др. Однако программа Гуссерля предполагала значительное расширение и развитие проектов обозначенных философов. По каким направлениям пошло расширение проекта научной философии Гуссерля?

Еще на раннем этапе своего творчества Гуссерль пытается создать проект такого логического учения, который мог бы лечь в основу построения всех других наук. В качестве теоретического фундамента такой проект должен был бы гарантировать рациональности как таковой защиту от каких бы то ни было угроз со стороны психологизма, релятивизма и скептицизма. Для этого Гуссерль задает новые содержательно-функциональные рамки логики, принципиально отличающие ее от традиционного статуса логики как технического учения (Kunstlehre), одним из главных уязвимых моментов которого был практический интерес, обуславливающий любую научную деятельность. Исторически сложилось так, что в рамках науки этот практический интерес осознанно или неосознанно переходил в теоретическую установку, тем самым контаминируя последнюю изменчивым эмпирическим содержанием. Конструктивные поиски логики, лишенной недостатков своей предшественницы, обернулись длительным (вплоть до «Кризиса европейских наук») становлением феноменологического проекта, в котором можно выделить три уровня: 1) теоретический («целый комплекс учений о принципах, чистых дисциплинах: чистая логика, чистый матезис, чистая естественная наука, чистое учение о пространстве и времени, чистое сущностное учение о душе (индивидуальной и социальной), чистая теория ценностей, чистая практика; и, кроме того, ноэтические дисциплины» [Husserl, 1988, s. 182]; 2) нормативный (совокупность норм, аккумулированных из того, что Гуссерль называет идеальной нормальностью, а именно из совокупности норм чистого неэмпирического разума); 3) практический (исследование ноэтических условий познания, которое в дальнейшем нашло свое выражение в трансцендентальной феноменологии). Здесь следует отметить, что, хотя в исследовательской литературе устоялось мнение о сворачивании Гуссерлем программы наукоучения и логицизма, составляющих основу дескриптивного периода его творчества, переход к трансцендентальной стадии феноменологии представляет собой наслаивание идей этого периода на предыдущие разработки. Без концептуального базиса в виде обозначенных выше теоретического и нормативного уровней развитие трансцендентальной составляющей было бы просто невозможно. Далее мы остановимся подробнее на практическом (ноэтических условиях познания) уровне, опираясь на анализ лекций Гуссерля «Первая философия».

Лекции «Первая философия», опубликованные в седьмом и восьмом томах Гуссерлианы, малоизвестны русскоязычному читателю, да и в зарубежной исследовательской литературе отклик на эту работу представлен в достаточно незначительном объеме [помимо использованной в данной статье литературы см.: Lee Nam-In, 2010; Luft, 2010; Sokolowski,

2010; Ströker, 1988]. Главной причиной такого слабого интереса нам видится именно факт отрыва этой работы от целостного замысла Гуссерля касательно феноменологической логики как проекта с динамической структурой и содержанием, которое расширяется согласно эволюции целей и задач этого проекта в целом. Вне этого замысла идейные контуры «Первой философии» расплываются из-за наложения историко-философских соображений на повторение общих и частных положений о феноменологической редукции. Если же воспринимать эту работу в качестве разносторонней проработки и введения практического уровня как трансцендентального условия функционирования теоретического и нормативного, то можно отчетливо увидеть, что в «Первой философии» Гуссерль очерчивает историческое (но не историцистское) становление субъективности, которая необходимым образом приближается к тому идеалу наделенного этой субъективностью «философа», который позже будет описан в «Кризисе европейских наук». На эту преемственность идей дескриптивного периода обращает внимание и редактор лекций «Первая философия» Рудольф Бём, отмечая, что «ход мысли, который Гуссерль развивает в [этих] лекциях, несет весь вес его идей и исследований. Из чего можно понять ту важность “форм развития” феноменологии, которые она приняла в этих лекциях для осознания единства её мысли» [Boehm, 1956, s. XII].

Чем обусловлен выбор названия для этих лекций? Как известно, термин «Первая философия» первоначально был введен Аристотелем, однако Гуссерль, заимствуя идею сущностной первичности¹ и значимости, полностью меняет содержательный план Первой философии как дисциплины²: отныне ее должна представлять трансцендентальная теория познания, которая в рамках феноменологии будет относиться уже ко Второй философии³, а не метафизика как наука о сущем поскольку оно сущее (или о фактичности в терминологии Гуссерля: «фактичность... это область не феноменологии и логики, а метафизики» [Ibid., s. XV]). Конструирование трансцендентальной теории познания является предварительным условием, предшествующим развитию метафизики, а после того, как эта трансцендентальная теория будет разработана, она на постоянной основе «будет сопровождать всю метафизическую работу в функции нормирования относительно объективного придания смысла и методологии» [Ibid., s. XVI].

Лекции «Первая философия» состоят из двух частей, тематически распределенных в седьмом и восьмом томах Гуссерлианы. Первая часть носит историко-философский характер, где в рамках критической истории идей излагается история становления мысли от Сократа и Платона до Лейбница и Канта. Вторая часть полностью посвящена теории феноменологической редукции. Далее мы сконцентрируемся только на первой части лекций,

¹ «Процесс упорядочивания наук осуществляется не в рамках свободной комбинаторики или некоего соизволения, а скорее несет в себе (in sich) порядок и принципы этого порядка, таким образом название “Первая философия” действительно будет носить то, что “само по себе” (an sich) является первым, т.е. является первым по сущностным причинам» [Husserl, 1956, s. 4].

² Следует указать, что Гуссерль выражал свою близость к Первой философии Декарта в силу ее эпистемологической направленности. Нельзя сказать, что Гуссерль отвергает метафизику, скорее он обвиняет Декарта за догматическую метафизику, которая в конце концов и заняла у него место Первой философии.

³ К базовому вопросу Второй философии (метафизики – в рамках феноменологической программы) будет относиться «проблема иррациональности трансцендентальных фактов, которые обнаруживаются в конституции фактического мира и фактической духовной жизни» [Boehm, 1956, s. XVII].

поскольку в ней сосредоточены предварительные для каждого «начинающего» философа (anfangender Philosoph) точки вхождения в критическую мысль, соответствующие, согласно Гуссерлю, ключевым этапам становления субъективности от античности до современности. Для более отчетливого представления историко-философских установок Гуссерля в этих лекциях, Дж. Аллен предлагает начать с определения общего контекста, в котором разворачивается анализ предыдущей философской традиции: «это определено не контекст эмпиризма, для которого история – это совокупность объективных фактов, происходящих в причинно-следственной последовательности. Это и не контекст идеализма, для которого история – это достижение и становление мирового духа» [Allen, 1982, p. 614]. Подходящим контекстом феноменологической версии истории философии Дж. Аллен считает контекст так называемой «эйдетической» истории, истории идей и, что еще более важно, истории экземплярных моментов⁴, которые формируют поворотные точки в развитии философской мысли. И поскольку это эйдетическая история, отдельные философы представлены сообразно тому, каким образом их мысли внесли вклад в основную типологию философского сознания. Подробный анализ особенностей историко-философских подходов Гуссерля не входит в задачи этой статьи, поэтому мы ограничимся лишь проговариванием определенных процедур и установок первой части рассматриваемых лекций.

Во-первых, эйдетическая и критическая история осуществляется с помощью особенного методологического подхода к истории: исторической редукции. Отличительной чертой этого методологического подхода выступает намерение как можно ярче высветить так называемую «позиционность» любого подхода к истории: не существует непозиционной точки, т.е. такой точки, которая должна быть вне истории. Соответственно, понять, что каждый взгляд на историю позиционален, – значит начать смотреть на историю критически и эйдетически. Выход из объективистского подхода к истории и установление себя в позиции наблюдателя позволяют философу описать идейное содержание тех поворотных моментов, которые являются центральными в истории мысли. Во-вторых, сквозной и достаточно неоднозначной темой, которую Гуссерль внедряет в свой историко-философский анализ, является так называемое «единство мотивации». В самых общих чертах единство мотивации – это регулятивный принцип единства мышления и воли, который проявляется в «идеале рационального человечества; оно объединяет идею философии как универсальной науки, которая обеспечивает основу для всего знания, и волю философа к достижению ясности в отношении такой строго обоснованной науки. Единство мотивации объединяет автономию, которая возникает вместе с самопониманием и самокритикой субъекта, и свободу, которая возникает с самоответственностью субъекта» [Ibid., p. 618]. Таким образом, можно предположить, что историко-философские намерения Гуссерля относительно установления единства мотивации в генезисе европейской мысли связаны с конституированием абсолютного начала не только в лице феноменологии как первичной метадисциплины, но и в лице феноменолога как постоянно «начинающего» философа, для которого единство мотивации тождественно принципу обновления жизни разума (теоретического, практического и аксиологического), т.е. принципу развития разумного человечества в целом.

⁴ Тезисное изложение этих «экземплярных элементов» см.: [Jeffner, 1982, pp. 616-617].

Если все описанное в предыдущем абзаце перевести в план более свободного рассуждения (что неизбежно чревато искажением некоторых смысловых нюансов), то можно отметить следующее. Известно, что одним из философов, оказавших наибольшее влияние на Гуссерля (особенно трансцендентального периода), являлся Декарт. Открытое им *cogito* основатель феноменологии считал величайшим достижением европейской мысли. Однако те выводы, которые сделал Декарт из этого открытия, Гуссерль считал ошибочными и даже пагубными, приведшими Картезия к очередному варианту догматической метафизики. Для Гуссерля *cogito* представлял серьезнейший интерес, он видел в нем бесконечный потенциал для роста и развития знания. *Cogito* – это предельно сложная, порой неуловимая структура, которая в то же время парадоксальным образом лежит в основе как повседневной, так и научно-ориентированной активности субъективности. Поэтому для Гуссерля было важно не определить и как-то понятийно зафиксировать *cogito*, тем самым догматизируя его сущность и нивелируя эвристический потенциал, а скорее смоделировать установку на постоянно возобновляющиеся самоотчет и рефлексии к этому непрерывно становящемуся, «праисконному» (*Ursprung*) центру мыслящей субъективности. В этом отношении вводимая им историческая редукция к генезису субъективности представляется одной из таких смоделированных установок, удерживающих от рассматривания *cogito* как чего-то само собой разумеющегося. Здесь важно отметить, что, когда Гуссерль реконструирует «историю» *cogito*, он работает не с тем, что в буквальном смысле открыл Декарт, он как бы изымает эту структуру из контекста картезианской философии и внедряет её в общий план европейской мысли, в этом плане *cogito* – это, если так можно выразиться, мета-трансцендентальная структура, проявлявшаяся в мысли ее ключевых реформаторов (Сократа, Платона, Аристотеля, софистов, скептиков, Декарта, Юма, Локка, Канта). А подчеркиваемое Гуссерлем единство мотивации позволяет удерживать идейный вектор многовековых поисков этих мыслителей, осознавать побудительные причины их философских поисков, и, как следствие, проникаться чувством ответственности за результат мысли, поскольку её действие и влияние носят поистине фундаментальное влияние. В конечном итоге цель исторической редукции – «реактивация старых мотивов мышления и формирование абсолютно новых, что и будет составлять бесконечную реформу всей философии» [*Ibid.*, p. 620].

Следствием осуществления историко-эйдетической редукции будет готовность начинающего мыслителя осознанно избрать для себя путь как скептически, догматически или критически мыслящего философа. Избрание третьего пути предполагает следующий шаг – проведение феноменологической редукции, подробное описание которой и содержится во второй части «Первой философии». В рамках этой процедуры оттачивается навык философа проводить различия (критику): между «трансцендентальным субъектом и психологическим, категориальной интуицией и восприятием, добродетелью и самоконтролем, пороком и акрасией, наукой о сущем поскольку оно сущее и наукой о части бытия» [Sokolowski, 2012, p. 27]. Представитель американской феноменологии восточного побережья Роберт Соколовски, проводивший сравнение версий Первой философии Аристотеля и Гуссерля, отмечает, что оба мыслителя «постоянно проводят различия в своей

философии. <...>. Проведение различий предшествует другим формам рассуждений; это отличается от предикации и логического вывода. Это дает содержание философии. <...> Философская аподиктичность не просто всплывает в наших умах; это происходит, когда мы достигаем различий в рамках философской точки зрения» [Ibid., p. 27].

Итак, в начале статьи мы проблематизировали возможность проектов научной философии, в центре чего была проблема соотношения догматического и конфронтующего (критического) образа мысли, распределенного по соответствующим сферам. Феноменология как один из проектов научной философии за счет практического (трансцендентального) уровня своей исследовательской программы решительно выдвигает на первый план критический образ мышления. Чем же будут обеспечиваться ее притязания на универсальную науку, с ударением на последнем слове? Решение Гуссерля в этом вопросе носит весьма симптоматичный характер: необходимо изменить сам сущностный смысл науки, разместив в ее основе лишь одну догму – универсальное самоосмысление и ответственность философа.

Список литературы / References

Ойзерман, Т. И. (1971). *Главные философские направления (Теоретический анализ историко-философского процесса)*. М.

Oizerman, T. I. (1971). *The main philosophical directions (Theoretical analysis of the historical and philosophical process)*. Moscow. (In Russ.)

Allen, J. (1982). What is Husserl's First Philosophy? *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 42. no 4. pp. 610-620.

Boehm, R. (1956). Einleitung des Herausgebers. In Husserl, E. *Erste Philosophie. Erster Teil (1923/24)*. (Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. 7). Haag. Martinus Nijhoff. S. XI-XXXIV.

Fisette, D. (2003). Husserl's Programme of a Wissenschaftslehre in the Logical Investigations. In Fisette, D. (ed.) *Husserl's Logical Investigations Reconsidered. Contributions to Phenomenology*. Vol. 48. Dordrecht, Boston, London. Kluwer Academic Publishers. pp. 35-58.

Husserl, E. (1956). *Erste Philosophie. Erster Teil (1923/24)*. (Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. 7). Haag. Martinus Nijhoff.

Husserl, E. (1988). *Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908-1914*. (Husserliana: Gesammelte Werke. Bd. 28). Dordrecht, Boston, London. Kluwer Academic Publishers.

Lee, N.-I. (2010). Phenomenological Reflections on the Possibility of First Philosophy. *Husserl Studies*. V. 26 (2). pp. 131-145.

Luft, S. (2010). Phenomenology as First Philosophy: A Prehistory. In Ierna, C.; Jacobs, H. (eds.) *Philosophy, Phenomenology, Science: Essays in Commemoration of Edmund Husserl, Phaenomenologica 200*. Dordrecht, Heidelberg, London, New York. Springer Science, Business Media B. V. pp. 107-133.

Sokolowski, R. (2010). Husserl on First Philosophy'. In Ierna, C., Jacobs, H. (eds.) *Philosophy, Phenomenology, Science: Essays in Commemoration of Edmund Husserl, Phaenomenologica 200*. Dordrecht, Heidelberg, London, New York. Springer Science, Business Media B. V. pp. 3-23.

Ströker, E. (1988). Phenomenology as First Philosophy: Reflections on Husserl. In Sokolowski, R. (ed.) *Edmund Husserl and the Phenomenological Tradition*. Washington. The Catholic University of America Press. pp. 249-263.

Сведения об авторе / Information about the author

Бердаус Светлана Владимировна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

Статья поступила в редакцию: 20.09.2020

После доработки: 20.11.2020

Принята к публикации: 28.11.2020

Berdaus Svetlana – Candidate of Philosophical Sciences, Research Assistant at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

The paper was submitted: 20.09.2020

Received after reworking: 20.11.2020

Accepted for publication: 28.11.2020

УДК 1(091)

СПЕЦИФИКА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КОНЦЕПЦИЙ В ЭЛЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЕ

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск).
berestoviv@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в выявлении общих тезисов, предположительно разделяемых Парменидом и Зеноном Элейским. Для достижения этой цели мы показываем, что возможна альтернативная трактовка апории из 29 В 1 DK, в которой речь идёт не о бесконечном делении протяжённого сущего, а о регрессе отношений произвольного типа, связывающих произвольного типа конституенты сложного объекта. В этом случае апория доказывает невозможность сложного объекта любого типа, не только протяжённого объекта. Наконец, мы показываем, что как проинтерпретированное указанным способом рассуждение Зенона, так и соответствующие доказательства единства сущего Парменидом в 28 В 8 DK могут трактоваться как основывающиеся на холистическом допущении. Это даёт нам возможность утверждать, что Зенон был преемником Парменида не только в том смысле, что он косвенно доказывал тезис Парменида о единстве сущего, но также и в том смысле, что он использовал положение, которое мог подразумевать Парменид.

Ключевые слова: Парменид, Зенон Элейский, элейская школа, апории Зенона, единство сущего, проблема единого–многого, мощьность континуума, непрерывность отрезка, ментальный холизм.

Для цитирования: Берестов, И. В. (2020). Специфика преемственности концепций в элейской философской школе. *Respublica Literaria*. Т. 1. №. 2. С. 28-51. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.28-51

A FEATURE OF THE CONCEPTION INHERITANCE IN THE ELEATIC SCHOOL OF PHILOSOPHY

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
berestoviv@yandex.ru

Abstract. The purpose of the paper is to identify common theses supposedly shared by Parmenides and Zeno of Elea. In order to achieve this goal, we show that an alternative interpretation of the aporia from 29 B 1 DK is possible, in which we don't deal with an infinite division of an extended being, but we deal with a regression of relations of an arbitrary type. These relations are connecting an arbitrary type of constituents of a complex object. In this case, the aporia proves the impossibility of a complex object of any type, not just the impossibility of an extended object. Finally, we show that interpreted in this way Zeno's reasoning from 29 B 1 DK, and appropriately interpreted Parmenides' proofs of the unity of being in 28 B 8 DK can be treated as based on a holistic assumption. This enables us to assert that Zeno was the successor of Parmenides, not only in the sense that he was indirectly proving Parmenides' thesis of the unity of being, but also in the sense that he was using a statement that Parmenides could imply.

Keywords: Parmenides, Zeno of Elea, the Eleatic School, Zeno's aporias, unity of being, One–Many Problem, the power of the continuum, continuity of line, mental holism.

For citation: Berestov, I. V. (2020). A Feature of the Conception Inheritance in the Eleatic School of Philosophy. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 28-51. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.28-51

Введение

Настоящая статья посвящена описанию преемственности тезисов и приводимых в их поддержку положений у представителей элейской школы – Парменида и Зенона Элейского. Преемственность в учениях является именно тем, что делает философскую или научную школу собственно школой. Однако в случае с элеатами решение вопроса о том, что именно Зенон перенимает от Парменида, затруднено из-за поэтического стиля Парменида (изложившего своё учение в поэме), неполной сохранности поэмы Парменида и, в ещё большей степени, сочинений Зенона, что закономерно породило многообразие трактовок учений обоих философов. По большей части исследователи согласны с тем, что Зенон поддерживал тезис Парменида о немножественности и неподвижности сущего, используя аргументацию *a contrario*: допускал множественность сущего, а затем, используя эти допущения и несколько достаточно здравых положений, приходил к абсурду. После этого, используя *modus tollens*, Зенон утверждал ложность допущения множественности сущего. Наиболее сильные и интересные аргументы Зенона обычно трактуются как относящиеся к множественности не любого сущего, а *сущего, имеющего величину*, или сущего, представляющего собой континуум – скажем, отрезок, – и к движению вдоль бесконечно делимого отрезка в течении бесконечно делимого интервала времени, а также, возможно, к движению при отказе от бесконечной делимости пространственной дистанции и временного интервала в *Стадии* – здесь мнения исследователей расходятся. У Парменида же мы не обнаруживаем явных ограничений на характер сущего, немножественность и неподвижность которого он пытается доказать. Таким образом, исследователи вынуждены обычно признавать различие тезисов, отстаиваемых Парменидом и Зеноном – тезис Парменида выглядит гораздо более общим.

Наборы посылок, используемых Парменидом и Зеноном для обоснования своих тезисов, исследователи также обычно считают различными. Более того, среди существенных или нелогических положений (т.е. не являющихся правилами вывода), используемых Парменидом и Зеноном, исследователи обычно не обнаруживают ни одного совпадающего. В соответствии со «стандартной интерпретацией» обоснования Парменидом немножественности сущего, Парменид выводит отсутствие различий в сущем из недопустимости или немыслимости предложений вида «*A* не есть *B*». Исследователи обсуждают несколько способов получения этого вывода Парменидом, но все они либо содержат логические ошибки, либо используют неприемлемые допущения. Зенон же использует совершенно другой подход: в наиболее интересных интерпретациях его аргументов используется бесконечная делимость континуума.

Аргументы Зенона как указывающие на проблемы в понимании континуума

В различных рассуждениях Зенона указанное свойство континуума используется для обоснования существования бесконечного числа частей, на которые континуум – скажем, отрезок *AB* – может быть поделен. Таким образом, из существования *AB* выводится существование бесконечного числа его частей. Этот вывод используется разными способами.

В одном случае, похоже, просто объявляется, что бесконечность частей AB – получаемая посредством деления AB пополам, затем посредством деления пополам каждой из получившихся частей, и т. д. до бесконечности – просто не может существовать (3 Lee¹). Здесь нет обоснования невозможности бесконечного множества, поэтому это рассуждение малоинтересно. Впрочем, указанное бесконечное деление отрезка может быть частью несколько другого рассуждения. Допустим, мы поделили отрезок указанным способом бесконечное число раз. Конечными результатами такого деления – как полагает Зенон в этом аргументе – являются точки. Но точки не существуют: ведь *всё, что не увеличивает при прибавлении тело, имеющее величину, и также не уменьшает его при отнимании от него, есть ничто, не-сущее*, а точки именно таковы (29 В 2 DK²; 1, 2, 4 Lee). В этом аргументе принимается положение, что результат описанной процедуры бесконечного деления даст именно точки. Это положение спорно, и мы подробно обсудим его ниже. Но совершенно неприемлемым делает аргумент признание положения, выделенного курсивом. То, что точка не имеет величины, делает её непротяжённой, но не не-сущей. Получить желаемый для Зенона результат можно, только если использовать дополнительное допущение: *существует только протяжённое*. Однако это допущение, если его не снабдить дополнительными оговорками, вычёркивает из списка сущих множество объектов математики, и, возможно, ментальные объекты, свойства и отношения даже между протяжёнными объектами и пр. Поэтому это допущение выглядит весьма спорным.

В другом случае Зенон, похоже, утверждает, что любое множество должно быть равно самому себе, при этом множество, количество элементов N которого совпадает с $N+1$ не равно самому себе [29 В 3 DK]. Но бесконечное множество является последним множеством. Значит, бесконечного множества не может существовать. Но это рассуждение использует ошибочное положение «если для *любого* количества N элементов некоторого множества, $N = N+1$, то N и/или множество, содержащее N элементов не является самождественным». Это положение истинно не для *любого*, а только для конечного N , для бесконечного же N оно ложно³.

Третий способ обоснования Зеноном невозможности континуума содержится в 29 В 1 DK (= 10 Lee = Симпликий, *Комментарий на Физику Аристотеля*, 140.34 и далее⁴) и кажется наиболее интересным. Приведём рассуждение Зенона полностью – в том виде, в котором аргумент выделен в последнем издании [Laks, Most, 2016], в этом издании фрагмент носит номер D6, что соответствует 141.2–141.8 у Симпликия.

«Но если оно [т. е. сущее] существует, то необходимо, чтобы каждое [scil. сущее] обладало некоторой величиной и толщиной, и чтобы одна [часть] его [т. е. каждого рассматриваемого сущего] отличалась от [или: отстояла от – ἀπέχειν] другой [, содержась в ней]. И тот же аргумент (λόγος) применим к этой последней [т. е. к той части, которая содержится в первой] (τοῦ προύχοντος). Ибо оно тоже будет обладать

¹ «Lee» означает ссылку на нумерацию фрагментов по [Lee, 1936].

² «DK» означает ссылку на нумерацию фрагментов по [Diels, Kranz (eds.), 1951-1952].

³ См. подробное обсуждение в [Peterson, 1978].

⁴ Ссылка даётся по [Diels (ed.), 1882].

величиной, и одна его часть будет больше (προέξει). Но одно и то же – сказать это один раз или повторять постоянно. Ибо ни одна [часть] такого [сущего] не будет последней, и не будет такой его [части], которая не следовала бы после другой. Таким образом, если существуют многие [сущие] (πολλά), то необходимо, чтобы они были и малы, и велики: настолько малы, что не имеют величины, и настолько велики, что они бесконечны».

На наш взгляд, смысл этого рассуждения можно представить следующим образом. Зададимся вопросом: может ли множество продуктов деления отрезка AB описанным выше способом составлять отрезок AB ? Кажется достаточно разумным допущение, что имеется такое бесконечное число актов деления AB , что конечными продуктами оказываются точки. Теперь, каким должно быть правило для сложения величин, чтобы размерность точек, лежащих на отрезке AB , каждая из которых не имеет величины (или имеет нулевую размерность), дала ненулевую размерность, или дала ненулевую величину? Кажется, что сформулировать такое правило сложения величин невозможно, если не нарушать принцип (1): **сумма любого числа нулевых величин (даже бесконечная) есть нулевая величина**. Последний принцип кажется довольно здравым, и если рассуждение Зенона трактовать указанным способом, то Зенон действительно указал на невозможность существования величины (или, по меньшей мере, указал на необходимость исправления положений, лежащих в основе теорий континуума). А. Грюнбаум решился отвергнуть указанный выше принцип сложения величин (1), допустив, что несчётная бесконечная сумма нулевых величин составляет ненулевую величину [Grünbaum, 2001]. В современных теориях меры признаётся, что точка не является собственной частью отрезка, так что даже если она имеет меру 0, и даже если не признавать выглядящее неестественным допущение А. Грюнбаума и признать предположительно используемый Зеноном принцип (1), то длина отрезка не будет иметь меру 0, т. е. отрезок не будет иметь нулевую величину. Таким образом, даже самый философски интересный и глубокий третий способ обоснования Зеноном невозможности сущего, имеющего величину, основывающийся на (1), кажется несостоятельным⁵.

Однако, чтобы понять, в чём может состоять школьная преемственность Зенона по отношению к Пармениду, нам стоит взглянуть на рассуждение Зенона более широко, не ограничиваясь его топологической трактовкой, в которой используется (1) и допущение, что точки являются собственными частями отрезка. Интересный результат может дать теоретико-множественная трактовка рассуждения Зенона, в которой акцентируется

⁵ Более простой способ избавиться от объявления отрезка имеющего нулевую длину из-за того, что он состоит из имеющих нулевую длину точек (не прибегая при этом к странному правилу суммирования нулей А. Грюнбаума) рассматривается в [Abraham, 1972, p. 49], где указывается на то, что Зенон не обязан принимать современные взгляды на вычисление меры [Ehrlich, 2014] и полагать, что точки, лежащие на отрезке, не составляют этот отрезок, но его составляют лишь невырожденные части отрезка – части, имеющие ненулевую длину. Зенон может придерживаться противоположного взгляда и упорствовать в этом. Но это означало бы, что Зенон принимает одно допущение по меньшей мере из двух альтернативных допущений без какого-либо обоснования, а это означает, что мы вправе не следовать за ним в этом.

внимание на том, что именно представляет собой протяжённый объект (в одной версии) или просто множественный объект (в другой версии), какое число конституент он содержит и может ли объект, содержащий столько конституент, существовать. Эта трактовка позволит нам представить третий способ обоснования Зеноном невозможности континуума или сущего, имеющего величину, в виде рассуждения, перспективы опровергнуть которое даже с помощью современных технических средств не выглядят обнадеживающими.

Сначала рассмотрим первую трактовку, в которой подвергается сомнению осмысленность понятия «сущее, имеющее величину», т. е. понятия континуума. Назовём описанный выше способ деления отрезка AB (при котором AB сначала делится пополам, а потом на каждом последующем этапе деления все получившиеся на предыдущих этапах части делятся пополам) *Супердихотомией*. На первом этапе *Супердихотомии* AB разделён на 2 части, на втором – на 4, на третьем – на 16, и т. д. Вообще, на каждом этапе i каждый полученный до этапа i отрезок делится на 2. Или иначе: начиная с первого этапа, на каждом этапе i , между любыми двумя уже делящими отрезок AB к этому этапу точками (включая начальную и конечную точки отрезка AB – A и B), такими, что между ними нет ни одной делящей точки, помещается одна делящая точка. Видно, что количество частей N , на которые разделён AB , можно вычислить следующим образом: $N=2^n$, где n – количество пройденных этапов деления. Если осуществлено счётное бесконечное число этапов деления, то $n=\aleph_0$, и тогда $N=2^{\aleph_0}$, но $2^{\aleph_0} > \aleph_0$, так что мощность множества получившихся отрезков будет больше, чем мощность множества этапов деления.

И здесь возникает вопрос: являются получившиеся в результате *Супердихотомии* продукты деления точками или всё ещё отрезками? Если верна *Континуум-Гипотеза*, т. е. допущение, что мощность континуума есть \aleph_1 – первое кардинальное число, превышающее \aleph_0 , мощность множества натуральных чисел, такое, что $\aleph_1=2^{\aleph_0}$ – то мы можем утверждать, что конечными продуктами *Супердихотомии* являются точки. Ведь в этом случае мощность множества получившихся продуктов деления равна мощности континуума, т. е. количеству получившихся продуктов равно количеству точек отрезка AB – «равно» в том смысле, что между множеством продуктов и точками отрезка AB может быть установлено взаимно-однозначное соответствие. Однако как принятие *Континуум-Гипотезы*, так и принятие её отрицания вместе с другими аксиомами теории множеств Цермелло-Френкеля позволяет создать две различные теории множеств, не имеющие явных преимуществ друг перед другом. Вопрос о мощности континуума до сих пор является неразрешённым. Получается, что приравнивание мощности континуума к \aleph_1 имеет не лучшие основания, чем приравнивание мощности континуума к \aleph_2 , или к \aleph_3 , или к \aleph_4 , и т. д. То, что имеется процедура *Супердихотомии*, в результате которой генерируется множество продуктов деления, мощность которого превышает мощность множества натуральных чисел, не препятствует существованию других процедур деления отрезка AB , генерирующих такие множества продуктов деления, мощность которых может превышать \aleph_1 , если мощность континуума превышает \aleph_1 . В качестве примера получения посредством деления отрезка AB множества с мощностью \aleph_2 , приведём следующую процедуру.

Назовём эту процедуру *Супер-супердихотомией*. На первом этапе отрезок AB делится

на 4 части. На втором этапе каждый из уже полученных 4-х отрезков делится на 4 части, что даёт 16 отрезков. На третьем этапе каждый из уже полученных 16-ти отрезков делится на 16 частей, что даёт 256 отрезков. Вообще, на каждом этапе i каждый полученный до этапа i отрезок делится на 2^k , где k – общее число отрезков, полученных до этапа i . Или иначе: начиная со второго этапа, на каждом этапе i , между любыми двумя уже делящими отрезок AB к этому этапу точками (включая начальную и конечную точки отрезка AB – A и B), такими, что между ними нет ни одной делящей точки, помещается 2^k-1 различных делящих точек. Обозначим 2^ϕ как $2^\wedge\phi$. Теперь, если осуществлено счётное бесконечное число описанных в *Супер-супердихотомии* этапов деления n , то количество полученных продуктов деления $N=2^\wedge(2^\wedge n)=2^\wedge(2^\wedge\aleph_0)$. При этом количество полученных продуктов деления при использовании процедуры *Супердихотомии* было $2^\wedge\aleph_0$. Это означает, что количество продуктов, полученных посредством *Супер-супердихотомии*, больше количества продуктов, полученных посредством *Супердихотомии*, поскольку $2^\wedge(2^\wedge\aleph_0)>2^\wedge\aleph_0$. Но $2^\wedge(2^\wedge\aleph_0)=2^\wedge\aleph_1=\aleph_2$, что и требовалось доказать. Заметим, что использованное нами выше выражение «конечные продукты деления отрезка AB посредством процедуры *Супердихотомии* / *Супер-супердихотомии*» допускает, что этими продуктами являются как точки нулевой протяжённости, так и ненулевые интервалы. Однако ещё Кантор показал, что любая совокупность непересекающихся ненулевых интервалов на отрезке может быть конечной или счётной бесконечной, но не более – т. е. не может быть несчётной бесконечной, не может иметь мощность \aleph_1 и выше, см. обсуждение в [Grünbaum, 2001, pp. 192]. Но указанный результат – даже если его можно получить без использования *Континуум-Гипотезы* – не помогает определить, сколько именно точек лежит на отрезке без постулирования этого. Примером такого постулирования является *Континуум-Гипотеза*.

Очевидно, что можно описать *Супер-супер-супердихотомию* и т. д. Если мы не признаём континуум-гипотезу – из-за того, что основания для её признания не лучше оснований для признания её отрицания, – у нас схожим образом нет оснований для приравнивания мощности континуума к \aleph_2 , или к \aleph_3 , или к \aleph_4 , и т. д. Если же мы отказываемся признать, что мощность континуума есть какой-либо \aleph_i из указанной последовательности, то возникает затруднение с тем, каким видом единства обладает континуум, и является ли он вообще чем-то одним. Если отрезок AB не есть что-то одно, то непонятно, как его можно именовать *одним* отрезком вообще. Таким образом, некоторое единство должно быть приписано отрезку AB . Но можно показать, что признание отрезка чем-то одним – при условии, что мы не ограничиваем мощность континуума каким-либо \aleph_i – приводит к противоречию. Покажем это следующим образом.

Пусть (2) **Существует отрезок AB** . Докажем, что принятие (2) вместе с некоторыми другими достаточно здравыми положениями ведёт к противоречию, что является основанием для отрицания (2). Примем положение, отрицание которого кажется невысказанным: (3) **Все делящие точки, которые получены посредством какой-либо процедуры *Супердихотомии* отрезка AB , лежат на отрезке AB** . Поскольку отрезок AB представляет собой упорядоченную совокупность всех лежащих на нём точек, на основании (3) можно заключить, что все делящие точки, которые могут быть получены посредством процедуры *Супердихотомии* так же, как и все точки отрезка AB , представляют собой

упорядоченную совокупность точек, включённую в совокупность точек, составляющую AB , или равную последней совокупности. Таким образом, на основании (2) и (3) принимается следующее положение: (4) **Существует совокупность S всех точек, которые могут быть получены посредством какой-либо процедуры Супердихотомии отрезка AB .**

Если из-за равносильности доводов не признавать *Континуум-Гипотезу* и аналогичные положения, ограничивающие мощность континуума, может быть признано положение: (5) **При Супердихотомии, после осуществления любой последовательности из этапов деления отрезка AB , между любыми двумя различными и уже выделенными делящими точками всегда существуют ещё не выделенные точки.** Теперь, рассмотрим существующую, по (4), совокупность S всех точек, которые могут быть получены посредством какой-либо процедуры Супердихотомии отрезка AB . По (5), между любыми двумя делящими точками можно поместить ещё точки, т. е. можно продолжить процедуру Супердихотомии. Но это означает, что S содержит не все делящие точки, которые могут быть получены посредством какой-либо процедуры Супердихотомии отрезка AB . Тогда как в (4) утверждается, что совокупность S содержит все точки, которые могут быть получены посредством какой-либо процедуры Супердихотомии отрезка AB . Мы получили противоречие, которое является основанием для отрицания (2), что и требовалось доказать⁶.

«Бесконтинуумная» трактовка 29 В 1 DK

Если третий способ обоснования Зеноном невозможности сущего, имеющего величину или континуума (вроде отрезка AB) трактовать в виде приведённого выше рассуждения (что вряд ли легко подтвердить дошедшими до нас текстами аргументов Зенона), то аргумент Зенона является весьма сильным. Однако он зависит от неочевидного утверждения, что континууму нельзя приписать определённую мощность, а также от имплицитного допущения о выполнимости Супердихотомии. В последнем допущении, в свою очередь, подразумевается осмысленность понятия «конечные продукты деления отрезка AB посредством процедуры Супердихотомии». Достаточно ли хорошо определены такие продукты, чтобы их можно было использовать в рассуждении, нет ли в понятии такого продукта скрытого противоречия? На эти вопросы непросто ответить. Однако можно переформулировать аргумент так, чтобы избежать указанных сомнительных допущений

⁶ Как кажется, указанного противоречия можно избежать, если принять финитистский взгляд на континуум. В соответствии с этим взглядом [Hilbert, Bernays, 1934, S. 16-17], точки на отрезке изначально не формируют определённой совокупности, но эта совокупность порождается только по мере выделения точек в соответствии с определённой процедурой, так что эта совокупность содержит *только* те точки, которые уже отмечены на фиксированном этапе процедуры выделения точек. В этом случае (5) ложно: ещё не выделенные посредством Супердихотомии точки не принадлежат совокупности точек, лежащих на отрезке, поскольку имеется *только* совокупность выделенных точек. На возможность применения финитистского подхода для разрешения апорий Зенона было указано в [Mueller, 1969], где речь шла об апориях против движения – Дихотомии и Ахиллесе. Вопросы о финитистских, интуиционистских и конструктивистских решениях апорий Зенона интересны, но не являются необходимыми для дальнейшего изложения, поскольку ниже мы намерены предложить трактовку 29 В 1 DK, независимую от теории вещественных чисел, теории континуума и метрической теории.

и чтобы доказывалась невозможность не только сущего, имеющего величину, но любого множественного сущего.

В предшествующем варианте доказательства мы видели, что существование сложного протяжённого объекта (отрезка AB с конечными точками A и B) подразумевает на первом этапе существование промежуточной точки, связывающей A и B , на втором этапе существование имеющихся ко второму этапу трёх точек подразумевает существование ещё двух точек, и т. д. Вообще, существование упорядоченного множества имеющихся к этапу i точек S_i подразумевает существование упорядоченного множества точек S_2 , включающего все точки из S_1 , и точек, находящихся на AB между точками из S_1 . И т. д. до бесконечности. В предлагаемом же теперь варианте доказательства существование совокупности из нескольких вещей a, b, \dots , являющихся конституентами одной сложной или множественной вещи, подразумевает на первом этапе существование совокупности N_1, a, b, c, \dots , где N_1 – отношение, связывающее a, b, c, \dots . Существование же совокупности N_1, a, b, c, \dots подразумевает на втором этапе существование совокупности N_2, N_1, a, b, c, \dots , где N_2 – отношение, связывающее эти N_1, a, b, c, \dots . И т. д. до бесконечности. Видно, что доказательства аналогичны: второе доказательство получается из первого посредством замены: протяжённого отрезка AB – на произвольный сложный объект; исходных точек A и B , имеющихся к первому этапу – на исходные конституенты сложного объекта; совокупности из точек A, B и делящих отрезок AB точек, имеющихся после осуществления n -го этапа деления отрезка AB – на отношение N_n , связывающее исходные конституенты сложного объекта с отношениями $N_1, N_2, N_3, \dots, N_{n-1}$, полученными на 1-м, 2-м, 3-м, ..., $n-1$ этапах, соответственно.

Более подробно этот вариант доказательства можно записать в следующем виде. Будем считать, что конституента сложного объекта есть либо то, о чём можно сказать, что оно необходимо для идентификации объекта, либо сам этот объект. Будем считать, что объект A является сложным объектом тогда и только тогда, когда A содержит по меньшей мере две различные конституенты, скажем, a и b . Примем следующие посылки:

(ECol) *Если существует какой-либо сложный объект A , то существует совокупность S всех конституент объекта A ⁷.*

(ConH) *Если существует произвольная совокупность s каких-либо конституент объекта A ⁸, состоящая из двух или более конституент объекта A , то существует отношение*

⁷ Более точно, речь идёт не о «совокупности S всех конституент объекта A », а о «индексированном каким-либо классом семействе S всех конституент объекта A ». Термин «класс» здесь используется в соответствии с теорией множеств NBC , построенной на аксиоматике Дж. фон Неймана, П. Бернаиса и К. Гёделя. См. современное изложение в [Adamson, 1998]. Термином «класс» может обозначаться как несобственный класс, так и собственный класс. Несобственный класс является множеством, а значит, имеется множество, которому несобственный класс принадлежит. Собственный класс не является множеством, а значит, не существует множества, которому собственный класс принадлежит.

⁸ Более точно, речь идёт не о «произвольной совокупности s каких-либо конституент объекта A », а о «индексированном каким-либо классом семействе s каких-либо конституент объекта A ».

N_1 такое, что все элементы s соотносятся друг с другом отношением N_1 , причём N_1 не совпадает ни с одним из этих элементов.

(N=Con) Если существует произвольная совокупность s каких-либо конститuent объекта A , состоящая из двух или более конститuent объекта A , то если какое-либо отношение N_2 соотносит элементы s , то N_2 является одной из конститuent сложного объекта A .

Из (ECol) следует: (a) если сложный объект A существует, то существует совокупность S всех конститuent объекта A . Из (a) и (ConH) следует: (b) если сложный объект A существует, то существует отношение N^* , такое, что все элементы S связаны отношением N^* , и, кроме того, N^* не содержится в S . Из (b) и (N=Con) следует: если сложный объект A существует, то отношение N^* содержится в совокупности S всех конститuent объекта A . Таким образом, мы получили (c): если сложный объект A существует, то существует отношение N^* , такое, что N^* не содержится в S , и N^* не содержится в S . Итак, если сложный объект A существует, то \perp . Но \perp ложно. Тогда, из (c) и *modus tollens*, получаем, что сложный объект не существует.

Теперь рассмотрим, насколько приемлемы положения (ConH), (N=Con) и (ECol). Положение (N=Con) признаёт следующий реалистский в отношении универсалий тезис:

(Real) Значения предикатов (в нашем случае – *многоместных*) являются полноценными объектами и должны признаваться существующими.

Тезис (Real) имеет длинную историю обсуждения в истории философии, начиная с Платона и Аристотеля. В наше время споры о статусе предикатов связаны со спорами между реалистами в отношении универсалий и тропов, между теми, кто допускает возможность существования не имеющих проявлений в вещах универсалий или тропов с противниками этого, между сторонниками трактовки значений предикатов в виде множеств и противниками этого, и т. д. Однако стоит заметить, что сейчас очень трудно найти сторонников абсолютного номинализма, отрицающих существование значений предикатов как в реальном мире, так и в мышлении, не трактующие их ни как множества, ни каким-либо другим способом. В весьма распространённом подходе к интерпретации выражений на формальных языках, именуемом *теорией моделей*, признаётся (Real). В большинстве версий теории моделей значение предиката строится на основании множества из упорядоченных n -ок из объектов, связываемых этим предикатом. Таким образом, положение (N=Con) достаточно надёжно, и его отбрасывание угрожает существованию столь большого числа подходов в современной формальной семантике, что выглядит нежелательным.

Положение (ECol) утверждает, что сложный объект является чем-то одним. Действительно, все его конститuent собраны в этот объект, а значит, собраны в некоторую *одну* совокупность. Положение (ECol) кажется приемлемым, поскольку понятие «сложный объект, не содержащий все свои конститuent» кажется противоречивым.

Положение (ECol) не зависит от конкретного вида подразумеваемой концепции сложного объекта (по крайней мере, если речь идёт о двух классических теориях объекта⁹, во всех их многочисленных модификациях), поэтому принимающий (ECol) не подвергается риску быть оспоренным приверженцами альтернативной концепции. Положение (ECol) можно интерпретировать как подразумевающее, что сложный объект или целое может называться «целым» только если оно является «целым, состоящим из частей», т. е. содержит все свои части. Вероятно, рассуждение Платона о целом и частях из *Parm.* 137c7–8 и *Theaet.* 205a4–7¹⁰ можно трактовать как признание чего-то в этом роде. То же самое относится к пояснению Аристотеля в *Met.* Δ, 26, 1023b 26–27¹¹. Во всех этих случаях речь идёт о том, что целое (τὸ ὅλον) – то, что не лишено ни одной из своих частей или то, в чём ничто не отсутствует¹².

Положение *целое содержит все свои части* можно обобщить, что даст положение *целое содержит все свои конституенты*. В нашем словоупотреблении конституента свободна от ограничений, дающих возможность различать целое и части только для сущих определённых типов. Например, конституента свободна от необязательных для рассуждения о сущих любых типов ограничений на части, таких, как «быть протяжёнными», а также «быть того же типа, что и само целое» – что исключало бы свойства и отношения из числа конституент. Положение (ECol) следует из положения *целое содержит все свои конституенты*, но можно сказать также, что (ECol) выражает то же содержание, что и последнее положение, но избегая использования неоднозначно интерпретируемого отношения «_содержится в_».

Положение (ConH) может быть обосновано следующим образом.

Для идентификации сложного объекта или целого и у Платона, и у Аристотеля важен порядок или способ соединения его частей¹³. Этот порядок можно было бы условно назвать, например, «структурой целого». Но что такое этот порядок? Является ли он сам частью целого? Аристотель (*Met.* Z, 17, 1041b 15–22) пишет, что *целое есть не только его элементы, но, помимо них, ещё и «нечто иное»*. Мы могли бы интерпретировать это «нечто иное» как порядок элементов, связь или структуру, соединяющую элементы. Положение (ConH) можно трактовать как более развёрнутую версию положения Аристотеля *целое есть не только его*

⁹ В первой теории, возводимой к Аристотелю, объект понимается как носитель свойств, или субстрат и все свойства объекта (*Met.* Z, 3, 1029a 1–25); во второй, возводимой к Д. Юму, Б. Расселу, Э. Дж. Айеру объект понимается как пучок, содержащий все свойства объекта и только их, без какого-либо субстрата. См., например, [Loux, 1978, pp. 107-115].

¹⁰ Ссылки на Платона даются по [Burnet (ed.), 1901-1902].

¹¹ Ссылки на *Метафизику* Аристотеля даются по [Ross (ed.), 1924].

¹² См. также обсуждение этого в [Harte, 2002, p. 43].

¹³ Платон в *Theaet.* 205b1–c1 рассматривает возможность того, что слог, как целое (τὸ ὅλον), не есть просто «совокупность» (τὸ πᾶν) букв. Если согласиться с [Harte, 2002, p. 277] в том, что Платон придерживался «холистского» понимания целого, и с тем, что часть зависит от её «контекста» в целом, то это предполагает важность для идентификации целого и каждой его части способа соединения частей. Аристотель в *Met.* Δ, 26, 1023b 26–27 пишет, что целым (τὸ ὅλον) называется то, у чего положение частей создаёт различия, в отличие от «всего» (τὸ πᾶν) – вероятно, здесь имеется в виду нечто вроде современного понимания множества: в соответствии с *Аксиомой экстенциональности*, для совпадения двух множеств достаточно совпадения их элементов, способ расположения элементов не является характеристикой множества.

элементы, но, помимо них, ещё и «нечто иное». Используя своё положение, Аристотель приходит к регрессу¹⁴, и в результате получается аргумент, близкий к рассматриваемому сейчас доказательству несуществования сложного объекта из (ConH), (N=Con) и (ECol). Впрочем, Аристотель ниже, пытаясь заблокировать регресс, полагает «нечто иное» сущностью, и отказывается признавать её элементом, т. е. не признаёт необходимое для регресса положение (N=Con)¹⁵.

Можно предложить обоснование (ConH) и без ссылок на аристотелевское понимание целого. Пусть сложный объект A содержит конститuenty A, a, b, c, \dots , причём A, a, b, c, \dots может представлять как полный, так и не полный список конститuent A . В этом случае, если использовать « \in » для обозначения принадлежности конститuenty объекту, имеем:

$$(6) \quad A \in A \ \& \ a \in A \ \& \ b \in A \ \& \ c \in A \ \& \ \dots$$

Используя λ -оператор столько раз, сколько у A имеется конститuent, получаем:

$$(7) \quad [(\lambda x. \lambda y. \lambda z. \lambda w. \dots)(x \in x \ \& \ y \in x \ \& \ z \in x \ \& \ w \in x \ \& \ \dots)](A, a, b, c, \dots).$$

Обозначим $[(\lambda x. \lambda y. \lambda z. \lambda w. \dots)(x \in x \ \& \ y \in x \ \& \ z \in x \ \& \ w \in x \ \& \ \dots)]$ через N_1 . Тогда получаем:

$$(8) \quad N_1(A, a, b, c, \dots).$$

A, a, b, c, \dots в (8) не обязано быть конечной или счётной бесконечной последовательностью. Допустимо также, чтобы A, a, b, c, \dots было индексированным семейством – например, семейством элементов в некотором несчётном бесконечном множестве, индексированным множеством вещественных чисел. По (Real), N_1 в (8) должно признаваться существующим; но это значит, что мы получили (ConH).

Заметим, что в (ConH) связывающему конститuenty отношению N_1 запрещено находиться среди связываемых им конститuent, т. е. запрещены выражения вида $N_1(\dots, N_1, \dots)$. Этот запрет обосновывается тем, что его отсутствие ведёт к выявленным Б. Расселом парадоксам. Так что запрет в (ConH) следует запрету Б. Рассела для пропозициональной функции быть своим собственным аргументом (запрету на непредикативные функции), а для предиката предикативаться самому себе.

Можно ли заблокировать доказательство через (ConH), (N=Con) и (ECol)?

Избежать вывода о несуществовании сложного объекта из (ConH), (N=Con) и (ECol) можно способом, соответствующим преодолению парадокса Бурали-Форти в теории множеств NBG ¹⁶, где разводятся два способа обоснования единства из элементов: множество и собственный класс. Можно различить два способа образования единства из конститuent сложного объекта: *суперсовокупность* всех конститuent сложного объекта A и *просто совокупность* не всех конститuent сложного объекта A . Из того, что нечто является суперсовокупностью, невыводимо, что оно является просто совокупностью. В этом случае

¹⁴ Этот регресс близок к регрессу в *Аргументе третьего человека* из платоновского *Парменида* – см. [Берестов, 2015a].

¹⁵ Подробнее об аргументе Аристотеля из *Met. Z*, 17, 1041b 15–22 см. [Берестов, 2017].

¹⁶ Имеется в виду теория множеств, построенная на аксиоматике Дж. Фон Неймана, П. Бернаиса и К. Гёделя. См. современное изложение в [Adamson, 1998].

положения (ECol), (ConH) и (N=Con) перепишутся в следующем виде, соответственно:

- (ECol¹) *Если существует какой-либо сложный объект A, то существует суперсовокупность S всех конститuent объекта A.*
- (ConH¹) *Если существует произвольная просто совокупность s каких-либо конститuent объекта A, состоящая из двух или более, **но не всех**, конститuent объекта A, то имеется отношение N₁ такое, что все элементы s соотносятся друг с другом отношением N₁, причём N₁ не совпадает ни с одним из этих элементов.*
- (N=Con¹) *Если существует произвольная совокупность s каких-либо конститuent объекта A, состоящая из двух или более, **но не всех конститuent объекта A (т. е. любая просто совокупность, но не суперсовокупность конститuent объекта A)**, то если какое-либо отношение N₂ соотносит элементы s, то N₂ является одной из конститuent сложного объекта A.*

Доводы в пользу (ECol¹) совпадают с доводами в пользу (ECol), приведёнными выше. В силу этих доводов, просто отвергнуть (ECol), не заменяя его на нечто вроде (ECol¹), кажется недопустимым. Замены (ECol), (ConH) и (N=Con) на (ECol¹), (ConH¹) и (N=Con¹) достаточно, чтобы заблокировать доказательство несуществования сложного объекта. Более того, доказательство будет заблокировано, если хотя бы одно положение (ConH¹) и (N=Con¹) записать в виде (ConH^{1v}) и (N=Con^{1v}), соответствующем изначальному употреблению термина «совокупность» в (ECol), (ConH) и (N=Con), когда «совокупность» относилась и к тому, что в (ECol¹), (ConH¹) и (N=Con¹) стало обозначаться как «просто совокупность», и к тому, что в (ECol¹), (ConH¹) и (N=Con¹) стало обозначаться как «суперсовокупность»:

- (ConH^{1v}) *Если существует произвольная просто совокупность или суперсовокупность s из каких-либо двух и более конститuent объекта A, то имеется отношение N₁ такое, что все элементы s соотносятся друг с другом отношением N₁, причём N₁ не совпадает ни с одним из этих элементов.*
- (N=Con^{1v}) *Если существует произвольная просто совокупность или суперсовокупность s из каких-либо двух и более конститuent объекта A, то если какое-либо отношение N₂ соотносит элементы s, то N₂ является одной из конститuent сложного объекта A.*

Для блокирования доказательства несуществования сложного объекта необходимо признать либо (ConH¹) вместо (ConH), либо (N=Con¹) вместо (N=Con): признание (ECol¹) вместо (ECol), (ConH^{1v}) вместо (ConH) и (N=Con^{1v}) вместо (N=Con) оставляет это доказательство в силе. Однако можно показать, что ни (ConH¹), ни (N=Con¹) не являются приемлемыми.

Рассмотрим сначала положение (ConH¹).

Положение (ConH¹) не запрещает следующего положения:

(ConH²) *Если существует суперсовокупность S всех конститuent объекта A, то не существует отношения N₁ такого, что все элементы S соотносятся друг с другом отношением N₁, причём N₁ не совпадает ни с одним из этих элементов.*

Из аксиом NBG не выводится существование ординала, образуемого из класса **всех** ординалов. Аналогично, из существования сложного объекта, (ECol¹) и (ConH¹) не выводится существование отношения, связывающего друг с другом элементы суперсовокупности **всех** конститuent сложного объекта A, что блокирует доказательство несуществования сложного объекта. Проблема с (ConH¹) состоит в том, что обычное понимание сложного объекта трактует его как нечто **связное**, а значит, должна быть связь, связывающая **все** конститuent одного сложного объекта воедино. Такое понимание сложного объекта соответствует первому же значению «единого», которое Аристотель применяет к объектам, которые «едины сами по себе», а не «едины привходящим образом» (Met. Δ, 6, 1015b 35 – 1016a 3). В этом случае объект, по Аристотелю, называют «единым» из-за его связности или непрерывности (τῷ συνεχῆι εἶναι). Примерами это первого и важнейшего значения «единого» у Аристотеля являются: пучок, который называется единым благодаря связности (δεσµῶ); изделие, склеенное из нескольких кусков дерева – в этом случае само изделие и куски дерева называются едиными благодаря клею; линия, которая называется единой в силу её непрерывности (συνεχῆς). Связывание единства с непрерывностью можно возвести к поэме Парменида, где «целиком принадлежащее одному роду» (οὔλον μονογενές), а также «полное», «совершенное» или «законченное» (τέλειον) и «одно / единое, непрерывное» (ἓν, συνεχές) объявляется «знаками сущего» (28 В 8.4–6 DK), а ниже непрерывность (τῷ συνεχῆς) сущего разъясняется через наполненность всего сущим и через примыкание сущего повсюду к сущему (28 В 8.24–25 DK)¹⁷.

Это значит, что (ConH²) должно быть запрещено, тогда как (ConH¹) его не запрещает. Поэтому редакция (ConH) в виде (ConH¹) неприемлема.

Теперь рассмотрим положение (N=Con¹).

Положение (N=Con¹) не запрещает положение:

(N=Con²) *Если существует произвольная суперсовокупность S всех конститuent сложного объекта A, то неверно, что для любого отношения N', если N' соотносит все элементы суперсовокупности S, то N' является конститuentой сложного объекта A.*

¹⁷ Древнегреческий текст поэмы Парменида мы приводим в редакции А. Мурелатоса [Mourelatos, 2008, pp. 279-284].

Положение $(N=Con^2)$ эквивалентно следующему положению:

$(N=Con^3)$ Если существует произвольная **супер**совокупность S всех конститuent сложного объекта A , то существует отношение N^* , такое, что неверно, что если N^* соотносит все элементы суперсовокупности S , то N^* является конститuentой сложного объекта A .

Положение $(N=Con^3)$ эквивалентно следующему положению:

$(N=Con^4)$ Если существует произвольная **супер**совокупность S всех конститuent сложного объекта A , то существует отношение N^* , такое, что N^* соотносит все элементы суперсовокупности S и неверно, что N^* является конститuentой сложного объекта A .

Принятие $(N=Con^1)$ вместо $(N=Con)$ блокирует доказательство несуществования сложного объекта. Проблема с $(N=Con^1)$ состоит в том, что $(N=Con^1)$ не запрещает $(N=Con^4)$. А именно, при допущении (c^1) существует произвольная суперсовокупность S всех конститuent A допускается не признавать истинность положения: (d) N^* является конститuentой A . Если (d) не признаётся, то непонятно, почему некоторые отношения, связывающие конститuentы A , можно признавать конститuentами A , а другие – нельзя. Кажется довольно разумным признать отношения, связывающие конститuentы сложного объекта, его конститuentами. Действительно, эти отношения конституируют объект в том смысле, что объект с другими отношениями между конститuentами имел бы, по *Закону Лейбница*¹⁸, уже другие конститuentы, а значит, был бы уже другим объектом. Таким образом, нам всё-таки следует признать $(N=Con^4)$ ложным и потребовать его запрета. Таким образом, редакция $(N=Con)$ в виде $(N=Con^1)$, которая не требует запрета $(N=Con^4)$, неприемлема.

Таким образом, положения $(ConH^1)$ и $(N=Con^1)$, предлагаемые на замену $(ConH)$ и $(N=Con)$, оказываются неприемлемы, а значит, доказательство несуществования сложного объекта выстояло перед лицом рассмотренных способов его блокировать.

Предполагаемая связь аргументов Парменида и Зенона

Теперь мы можем перейти к обсуждению вопроса о характере связи аргументов Зенона с аргументами Парменида. Аргументы в нашей трактовке Парменида используют холистическое допущение о взаимозависимости конститuent предполагаемого сложного

¹⁸ Некоторые строки поэмы Парменида (например, 28 В 8.5–6; 8.8–11; 8.19–21; 8.29–30; 8.37–41 DK) можно интерпретировать как использующие *Закон Лейбница* – см. [Берестов, 2011]. Критическое обсуждение правдоподобности допущения об использовании *Закона Лейбница* Парменидом см. в [Barnes, 1982, pp. 152-153]. Несколько значимых аргументов Платона также можно трактовать как рассуждения, основывающиеся на *Законе Лейбница* (*Parm.* 130b1–7; 131b1–2; 132b3–c10; 133c3–6; 133e4–5; 134e8–135a2; 135b2–c2). Ссылки на Платона даются по [Burnet (ed.), 1901-1902].

объекта, и, на основании принимаемого критерия тождества, получают невозможность различить его конститuenty¹⁹. Это является основанием для признания немножественности или единства объекта, предполагавшегося сложным. Однако холистическое допущение может использоваться также и для обоснования (ConH). Это означает, что рассуждения Парменида и Зенона могут трактоваться как исходящие из одного и того же холистического допущения.

Более подробно холистическое допущение, используемое Парменидом, может быть записано в следующем виде:

(H) *Любая конститuentа сложного объекта или целого соотнесена с каждой из конститuent этого объекта и определяется (характеризуется, идентифицируется) через её собственные свойства (если таковые имеются), а также через её отношения с каждой из конститuent этого целого.*

Прежде, чем перейти к признаваемым Парменидом положениям, мы укажем основания для одного из них. Этими основаниями являются (H) и ещё одно дополнительное положение, характеризующее мышление ментальных объектов, или внутренних объектов мышления. Это дополнительное положение можно записать в следующем виде:

(Relⁱ) *Если какие-либо ментальные объекты мыслятся как соотнесённые друг с другом, то они мыслятся все вместе в связывающей их одной атомарной пропозиции, выражаемой предложением предложения $N_1(A, a, b, c, \dots)$, причём N_1 не совпадает ни с одним из A, a, b, c, \dots .*

Положение (Relⁱ) является частным случаем следующего положения:

(Rel) *Если какие-либо объекты соотнесены друг с другом, то они сосуществуют друг с другом как значения термов одного атомарного предложения $N_1(A, a, b, c, \dots)$, истинного относительно них, причём N_1 не совпадает ни с одним из A, a, b, c, \dots .*

А именно, положение (Relⁱ) является частным случаем положения (Rel) для конкретного способа существования – существования в мышлении.

Из (Relⁱ) и (H) можно получить следующее положение, характеризующее сложные ментальные объекты:

(P1) *Ноэмы²⁰ (внутренние или ментальные интенциональные объекты актов мышления, иначе говоря, содержания этих актов), являющиеся конститuentами сложного внутреннего объекта мышления (или задающие, определяющие его),*

¹⁹ Более формальная интерпретация некоторых строк поэмы Парменида, использующая холистическое допущение, представлена в [Берестов, 2015b; Берестов, 2015c].

²⁰ Термин «νόημα» Парменид использует в 28 В 8.34 DK.

могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе (полностью, неумаляемо, совершенным образом, как нечто законченное, равным образом, для всех ноэм одинаково).

Некоторые сохранившиеся строки поэмы Парменида можно трактовать как признающие (P1). Помимо (P1), можно обнаружить свидетельства признания Парменидом следующего положения:

(P2) *Ноэмы неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе.*

Из (P1) & (P2) следует заключение:

(P3) *Ноэмы, задающие сложный внутренний интенциональный объект, неразличимы²¹.*

Признание Парменидом (P1) можно разглядеть в утверждении из 28 В 8.5–6 DK, где сущее, которое мы трактуем как внутренний объект мышления, *ноэму*, «есть сейчас всё вместе единое, связанное» ($\nu\upsilon\nu$ ἐστὶν ὁμοῦ πάντων ἔν, συνεχές) в том смысле, что все его конституенты задаются и мыслятся только все вместе. Также и в 28 В 8.11 DK Парменид пишет, что сущему как *ноэме* «должно быть либо полностью, либо никак» (η πάντα τελέειν ἤρεῶν ἐστὶν ἢ οὐχί).

Некоторые намёки на то, что Парменид мог бы иметь в виду нечто до известной степени похожее на (P2), можно обнаружить в обсуждении *Пути мнения* из 28 В 8.51–61 DK в современных историко-философских исследованиях. С точки зрения А. Мурелатоса и П. Кёрд, противоположности Огонь и Ночь не могут быть поименованы отдельно друг от друга. Об этом свидетельствует высказывание Парменида в 28 В 8.54 DK: «ни одну из каковых [противоположностей; *sc.* Огонь и Ночь] не должно [именовать]» – τῶν μίαν οὐ χρεῶν ἐστὶ [ὀνομάζειν]²². Предполагаемым интерпретаторами основанием для этого является то, что противоположности определяются (а значит, и мыслятся) только друг через друга. Таким образом, каждая из противоположностей не мыслится «сама по себе», не является подлинным, полностью определённым объектом, могущим быть постигнутым независимо. В этом смысле взаимоопределяемые объекты не являются подлинными или подлинно мыслящимися объектами²³.

²¹ Более подробно обоснование (P3) через (P1) и (P2), с предоставлением текстуальных свидетельств наличия этих положений в поэме Парменида и с более строгой формализацией этих положений представлено в [Берестов, 2015b; Берестов, 2015c].

²² Наш перевод следует переводу П. Кёрд из [Curd, 2004, p. 110]: «not one of which is it right to name». Перевод и трактовка этого высказывания являются предметом оживлённых дискуссий у исследователей, обсуждение полемики и альтернативные точки зрения см. в [Curd, 2004, pp. 109-110; Mourelatos, 2008, pp. 80-87].

²³ Это наше утверждение подтверждается выводами из [Curd, 2004, pp. 109-110; Mourelatos, 2008, pp. 106-110; 80-87; 131-132, 347-348].

Признание Парменидом (P3) можно разглядеть в 28 В 8.22–25 DK. Здесь мы видим утверждение мысленной «неделимости» или «неразличимости» (διαίρετόν) конституент *НОЭМЫ* как целого – (P3) – на основании того, что эта *НОЭМА* как целое всегда «наполнена» (ἔμπλειόν) своими конституентами, «плотно примыкающими» (πελάζει) друг к другу, так что *НОЭМА* как целое не может мыслиться без мышления всех своих конституент. В этом же смысле *НОЭМА* как целое «непрерывна» или «неразрывна» (ξυνεχές), в каждом направленном на неё акте мышления существует в одном аспекте не больше и не меньше, чем в другом, т. е. каждая конституента *НОЭМЫ* как целого мыслится не в большей и не в меньшей степени, чем другая, так что *НОЭМА* как целое «существует вся равным образом» (πᾶν ἔστιν ὁμοῖον). Таким образом, Парменид провозглашает (P3) на основании (P1).

Заключительные замечания, оговорки и место нашей трактовки Парменида и Зенона среди современных исследований

Теперь мы можем более точно ответить на вопрос о связи рассуждения Парменида с рассуждением Зенона. Эта связь состоит в том, что рассуждение Парменида содержит (P1), которое можно вывести из (H) и (Relⁱ), последнее является частным случаем (Rel). Рассуждение же Зенона содержит (ConH), которое можно вывести из (H) и (Rel). Таким образом, можно предложить трактовку рассуждений Парменида и Зенона, как основывающихся на (H), т. е. на допущении о соотнесённости конституент сложного объекта. В обоих случаях рассуждения являются достаточно привлекательными, не содержащими тривиальных ошибок и использующими совпадающие допущения. Все эти положения нетипичны для современных историко-философских подходов к трактовкам аргументов Парменида и Зенона.

Действительно, современные трактовки поэмы Парменида приписывают Пармениду смешение копулятивного и экзистенциального значения глагола «есть» [Kirk, Raven, 1960, p. 270], более утончённые ошибки в дедукции модальных утверждений [Owen, 1986, p. 15; Barnes, 1982, pp. 129-131; Ketchum, 1993; Lewis, 2009]²⁴, смешивание выражений для подлежащих, не допускающих отрицания, и выражений для сказуемых, допускающих отрицание [Mourelatos, 2008, p. 327] и пр.

Современная оценка рассуждений Зенона сходна с оценкой рассуждений Парменида: эти рассуждения по большей части признаются неспособными внести вклад в дискуссии современных философов (хотя остаются весьма вдохновляющими для историков философии, пытающихся понять, как философия пришла к её нынешнему положению). Впрочем, ещё во второй половине XX века происходили весьма интересные дискуссии, существенно повысившие оценку аргументов Зенона. Наиболее интересные дискуссии об аргументах Зенона в этот период были связаны с обсуждением возможности осуществить бесконечную последовательность различных действий – таких, как уменьшающиеся пробежки Ахиллеса до черепахи в *Ахиллесе* или бесконечную последовательность этапов

²⁴ Впрочем, имеются исключительная работа [Wedin, 2014], в которой Парменид защищается от обвинения в «модальной ошибке» [Wedin, 2014, pp. 43-46] и других обычно приписываемых ему ошибках.

деления в *Супердихотомии* из настоящей статьи. Были предложены несколько воображаемых устройств – «машин бесконечности» – призванных проиллюстрировать невыполнимость такой последовательности. Одно из наиболее известных устройств такого рода (так называемая «Лампа Томпсона») было описано Дж. Томпсоном в [Thomson, 2001a]. Однако после критики П. Бенацерафа в [Benacerraf, 2001], Дж. Томпсон в [Thomson, 2001b], признал, что придуманное им устройство в действительности никак не помогает обосновать невыполнимость этой последовательности. Дискуссия, похоже, зашла в тупик: не доказано, что понятие выполненной бесконечной последовательности различных действий включает в себе противоречие, и не доказано обратное. В настоящее время исследователи парадоксов Зенона по большей части согласны в том, что обрисованные нами выше апории Зенона против как множественности сущего (включая наиболее глубокий и интересный аргумент из 29 В 1 DK), так и против движения (знаменитые *Дихотомия* из 29 А 22; 25 DK, *Ахиллес* из 29 А 26 DK, *Стрела* из 29 А 27 DK) **разрешимы** с помощью современных средств, в том числе с помощью нестандартного анализа – созданного А. Робинсоном направления в математике, корректно вводящего бесконечно малые числа [McLaughlin, 1994; McLaughlin and Miller, 1992]. При этом распространена точка зрения, что прибегать к нестандартному анализу вовсе не обязательно: тем или иным способом апории разрешимы, исходя из: стандартного подхода к числам и континууму Г. Кантора, в котором отсутствуют бесконечно малые числа; признающего бесконечно малые числа нестандартного анализа; неклассического анализа, базирующегося на теории топосов и интуиционистских установках [Harrison, 1996].

Весьма серьёзно относится к Зенону работа [Cave, 2007], где анализируется и применяется к *Дихотомии* рассуждение Льюиса Кэрролла [Carroll, 1895], которое мы могли бы проинтерпретировать как обоснование несуществования / немыслимости совокупности *всех* оснований для фиксированного положения или необходимых условий для его вывода. Такой подход выглядит многообещающим для крайне редких на сегодня сторонников мысли, что некоторые апории Зенона не так просто отбросить, как кажется. Действительно, проинтерпретированное указанным способом рассуждение Л. Кэрролла производит впечатление хотя бы потому, что его можно рассматривать как обобщение доказательства через (ECol), (ConH) и (N=Con). Однако позиция, отстаиваемая в [Cave, 2007], в конечном счёте оказывается отнюдь не «прозеноновской»: в этой статье делается попытка блокировать регресс в восходящих к Л. Кэрроллу доказательствах. С нашей точки зрения, эта блокировка выглядит слишком поспешной, и, кроме того, описанная трактовка рассуждения Л. Кэрролла в действительности неприменима к *Дихотомии*; зато она применима к подробно анализировавшемуся нами выше аргументу против множественности сущего из 29 В 1 DK. Однако подробный анализ [Cave, 2007], несомненно, требует отдельного обстоятельного исследования.

Среди статей, отдающих должное Зенону, следует упомянуть [Papa-Grimaldi, 1996], где доказывалось, что *Стрела* выявляет действительную трудность в понимании движения, поскольку попытки определить движение на бесконечно малом интервале времени – предпринимаемые в [McLaughlin and Miller, 1992; McLaughlin, 1994], – хотя и защищены от атаки Зенона, в действительности не объясняют, что такое непрерывное движение, а всего лишь фиксируют координату движущейся точки в начале и в конце интервала времени.

Впрочем, в [Papa-Grimaldi, 1996] не затрагиваются интересующие нас сейчас темы: аргументация против множественности сущего и специфика преемственности Зенона по отношению к Пармениду.

Представленная же в настоящей статье трактовка аргумента Зенона из 29 В 1 DK позволяет обрисовать школьную преемственность Зенона по отношению к Пармениду таким способом, что Парменид и Зенон заслуживают названия «элеатов» с бóльшим основанием, чем в распространённых сейчас трактовках их учений. А именно, мы показали, что специфика преемственности Зенона по отношению к Пармениду состоит не только в том, что (I) *Зенон отстаивал тот же тезис о единстве сущего, что и Парменид*, но, помимо этого, (II) *рассуждения обоих философов могут трактоваться как имплицитно использующие один и тот же тезис о связанности или соотнесённости объектов, образующих единый сложный объект*.

К положениям (I) и (II) необходимо сделать ряд оговорок. По поводу (I) следует заметить, что, основываясь на свидетельстве Платона из *Парменида* (29 А 12 DK), большинство исследователей признаёт Зенона косвенно обосновывающим тезис Парменида о единстве сущего, доказывая, что допущение множественности сущего ведёт к нелепости [Barnes, 1982, p. 236; Vlastos, 1975]. Однако имеются и альтернативные точки зрения, авторы которых, основываясь на 29 А 15; 16 DK полагают, что Зенон выдвигал аргументы также и против тезиса Парменида [Booth, 1957; Solmsen, 1971]. В частности, Зенона можно трактовать как выводящего в 2 Lee из подобия (однородности, «гомогенности») сущего (что признаётся Парменидом в 28 В 8.22 DK: οὐδὲ διακρετόν ἔστιν, ἐπεὶ πᾶν ἔστιν ὁμοίον) его делимость, и, следовательно, множественность, что Парменидом отрицается. Однако это рассуждение является аргументом не против единства сущего, а аргументом против применимости «гомогенности» к сущему, которое едино – в смысле, подразумеваемом единственностью и неделимостью. Скорее же всего, Парменид и Зенон наделяли термин «ὁμοίον» разными значениями. В любом случае, предполагаемый аргумент Зенона против единства сущего не представляет значительного философского интереса, тогда как отстаивание Зеноном некоторой трактовки единства сущего философски весьма интересно. Поэтому для целей настоящей статьи Зенон традиционно полагается защитником тезиса Парменида.

Однако необходимо отметить, что, в свете последних исследований, совпадение видов монизма, отстаиваемых Парменидом и Зеноном, отнюдь не очевидно. Дискуссия о том, какого именно монизма придерживался Парменид, большой вклад в развитие которой внесли А. Мурелатос и П. Кёрд [Mourelatos, 2008; Curd, 2004], продолжается вплоть до последнего времени – см., например, недавнее исследование [Sisko J. E., Weiss, 2015]. Здесь отстаивается взгляд на Парменида как на субстанциального или материального мониста, и опровергаются точки зрения: (а) М. Фёрта, Г. Оуэна и многих других (нумерический монизм); (б) П. Кёрд (предикационный монизм); (с) Дж. Палмера (нумерический монизм в отношении необходимого сущего – существует только одно единичное необходимое сущее).

В настоящей статье Парменид полагается, так сказать, ноэтическим монистом – поскольку доказывается невозможность для сложного объекта *быть помысленным*.

Рассуждения же Зенона были изложены нами как доказывающие невозможность для сложного объекта *существовать*. Однако эти рассуждения могут быть легко переформулированы (посредством замены «существовать» на «мыслиться») в виде доказательства тезиса Парменида. Таким образом, мы исходим из того, что в тезисах Парменида и Зенона имеется общее содержание, но также признаём, что обосновать это весьма трудно – во всяком случае, это требует отдельного тщательного исследования, выходящего далеко за рамки настоящего.

По поводу положения (II) следует заметить, что в статье [Makin, 1992] уже обосновывалось не просто отстаивание Зеноном тезиса Парменида, но также и использование Зеноном некоторого положения, признававшегося Парменидом. Речь идёт о уже упоминавшемся выше положении о «гомогенности» сущего у Парменида и Зенона. А именно, в [Makin, 1992] утверждается, что Зенон в 2 Lee использует тезис Парменида о том, что сущее всюду подобно ($\text{o\ddot{u}\delta\acute{\epsilon} \delta\iota\alpha\tau\epsilon\tau\acute{o}\nu \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu, \acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota \pi\acute{\alpha}\nu \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu \acute{\omicron}\mu\acute{o}\iota\omicron\nu$ – 28 В 8.22 DK), рассуждая о сущем как о всюду подобном ($\acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota \pi\acute{\alpha}\nu\tau\eta \acute{\omicron}\mu\acute{o}\iota\omicron\nu \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$ – см. Симпликий, *Комментарий на Физику Аристотеля*, 140.1) – что трактуется Зеноном как признание того, что деление отрезка даст подобные друг другу части, так же, как и исходный отрезок, допускающие последующее деление. «Гомогенность» сущего трактуется Зеноном, по [Makin, 1992, р. 234], как влекущая его делимость до бесконечности, что, по Зенону, ведёт к нелепости. По [Makin, 1992], Парменид в 28 В 8.22 DK и Зенон в 2 Lee полагали, что «гомогенности» сущего влечёт его неделимость.

Рассуждение из [Makin, 1992] имеет следующий изъян: если в зеноновском доказательстве *a contrario* получается, что сущее неделимо, а «гомогенность» имплицитно подразумевает делимость, то, по *modus tollens*, Зенон должен отрицать «гомогенность» сущего. Получается вывод, обратный выводу из [Makin, 1992]: Парменид признавал «тезис о гомогенности сущего», а Зенон обязан отрицать этот тезис. Таким образом, [Makin, 1992], на наш взгляд, не удалось указать на посылку, разделяемую и Парменидом, и Зеноном.

Необходимо сделать ещё одну оговорку: Парменид и Зенон, конечно, могли подразумевать (H), принимая свои положения, но свидетельств этого в сохранившихся текстах нет. Положения Парменида (P1), (P2) и (P3) имеют некоторое подтверждение в тексте поэмы, но положения Зенона (ECol), (ConH) и (N=Con) не могут рассматриваться как непосредственная интерпретация текстов, содержащих аргументацию Зенона против множественности сущего. Эти положения были получены нами из анализа фрагмента 29 В 1 DK, в котором невозможность множественного сущего доказывалась через проблематичный характер конечных продуктов бесконечного деления отрезка – т. е. посредством *Супердихотомии*.

Чтобы получить (ECol), (ConH) и (N=Con), нам потребовалось, во-первых, показать, как *Супердихотомию* можно использовать не для обоснования проблематичного характера конечных продуктов, а для доказательства того, что не существует совокупности **всех** точек деления отрезка, полученных посредством *Супердихотомии*. Из отсутствия такой совокупности следует, что исходный отрезок тоже не существует, поскольку если отрезок существует, то существует совокупность всех его точек, а последняя совокупность включает в себя совокупность всех точек, полученных посредством *Супердихотомии*; но отрезок не

может включать в себя что-либо несуществующее. Во-вторых, нам потребовалось показать, что последнее доказательство совпадает с доказательством невозможности сложного объекта через (ECol), (ConH) и (N=Con) с точностью до замены некоторых терминов. Таким образом, мы показали, как доказательство через (ECol), (ConH) и (N=Con) можно получить с помощью последовательных преобразований доказательства Зенона, но это не обосновывает приписывания варианта такого доказательства Зенону.

Список литературы / References

Берестов, И. В. (2011). Принцип «неразличимости тождественных» в парменидовском обосновании немыслимости множественности и различий в сущем. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*. Т. 9. Вып. 3. С. 135-144.

Berestov, I.V. (2011). Principle of the Indiscernibility of Identicals in Parmenides' Arguments for Unintelligibility of any Plurality and Differences in the What-Is. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. Vol. 9. no. 3. pp. 135-144. (In Russ.)

Берестов, И. В. (2015a). Основания действенности регресса в «аргументе третьего человека» в «Пармениде» Платона. *АРХНГОΣ. Лекции и исследования по истории античной философии. Василию Павловичу Горану по случаю 75-летия от коллег и учеников. Учебное пособие*. Ред.: Е. В. Афонасин, М. Н. Вольф. Новосибирск. РИЦ НГУ. С. 35-68.

Berestov, I.V. (2015a). Reasons of Third Man Argument Efficiency in Plato's Parmenides. In Afonasin, E. V., and Volf, M. N. (eds.) *АРХНГОΣ. Lectures and Studies in Ancient Philosophy (Teaching aids)*. Novosibirsk. Novosibirsk State University Publ. pp. 35-68. (In Russ.)

Берестов, И. В. (2015b). «Единство сущего» у Парменида как неразличимость конститuent нoэмы. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 4 (32). С. 240-253. DOI: 10.17223/1998863X/32/27.

Berestov, I.V. (2015b). "Unity of Being" in Parmenides as Indistinguishability of Noema's Constituents. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. no. 4 (32). pp. 240-253. DOI: 10.17223/1998863X/32/27. (In Russ.)

Берестов, И. В. (2015c). Сущее как интенциональный объект мышления и «единство сущего» у Парменида. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. № 4. С. 23-36.

Berestov, I. V. (2015c). Being as Intentional Object of Thinking and "Unity of Being" in Parmenides. *RUDN Journal of Philosophy*. no. 4. pp. 23-36. (In Russ.)

Берестов, И. В. (2017). Бесконечный регресс в *Met. Z*, 17 и проблематичность единства составного объекта. *Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности*. Материалы Московской международной конференции по Аристотелю. Институт философии РАН, 17-19 октября 2016 г. Ред. В. В. Петров. М. Аквилон. С. 121-137.

Berestov, I.V. (2017). The Infinite Regress in *Met. Z*, 17 and the Difficulty with The Unity of a Composite Object. In Petrov, V.V. (ed.) *The Legacies of Aristotle as Constitutive Element of European Rationality*. Moscow. Aquillo Press. pp. 121-137. (In Russ.)

Abraham, W. E. (1972). The Nature of Zeno's Argument Against Plurality in 29 B 1 DK. *Phronesis*. Vol. 17. pp. 40-52.

Adamson, I. T. (1998). *A Set Theory Workbook*. Birkhäuser Boston. Cambridge (Mass., USA). viii. 154 pp.

Barnes, J. (1982). *The Presocratic Philosophers*. London and New York. Routledge. xvii. 601 p. (First published in two volumes in 1979 by Routledge & Kegan Paul).

Benacerraf, P. (2001). Tasks, Supertasks, and the Modern Eleatics. In Salmon, W. C. (ed.) *Zeno's Paradoxes*. Indianapolis. Hacklett. pp. 103-129. (Originally published in 1962).

Booth, N. B. (1957). Were Zeno's Arguments a Reply to Attacks upon Parmenides? *Phronesis*. Vol. 1. pp. 1-9.

Burnet, J. (ed.) (1901-1902). *Platonis opera*. Vol. I-IV. Oxford. Clarendon Press.

Carroll, L. (1895). What the Tortoise Said to Achilles. *Mind*. Vol. 4. no. 14. pp. 278-280.

Cave, P. (2007). With and Without End. *Philosophical Investigations*. Vol. 30. no 2. pp. 105-126.

Curd, P. (2004). *The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later. Presocratic Thought*. Las Vegas. Parmenides Publishing. xxxix. 280 pp. (Originally published in 1998 by Princeton University Press).

Diels H., Kranz W. (eds.) (1951-1952). *Die Fragmente der Vorsokratiker (=DK). Griechisch und Deutsch H. Diels*. Herausgegeben von W. Kranz. Bd I-II. Die sechste Auflage. Hildesheim. Weidmannsche Verlagsbuchhandlung.

Diels., H. (ed.) (1882). *Simplicii in Aristotelis physicorum libros octo commentaria, libri 1-4*. In 2 vols. Vol. 1. Berlin. Reimer. 372 pp. (Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. 9).

Ehrlich, P. (2014). An Essay in Honor of Adolf Grünbaum's Ninetieth Birthday: A Reexamination of Zeno's Paradox of Extension. *Philosophy of Science*. no 81(4). pp. 654-675.

Grünbaum, A. (2001). Zeno's Metrical Paradox of Extension. In Salmon W. C. (ed.) *Zeno's Paradoxes*. Indianapolis. Hacklett. pp. 164-199 (Originally published in 1967).

Harrison, C. (1996). The Three Arrows of Zeno: Cantorian and Non-Cantorian Concepts of the Continuum and of Motion. *Synthese*. Vol. 107. pp. 271-292.

Harte, V. (2002). *Plato on Parts and Wholes: The Metaphysics of Structure*. Oxford, New York. Clarendon Press. vii. 311 p.

Hilbert, D., Bernays, P. (1934). *Grundlagen der Mathematik*. Bd. 1. Berlin. Springer. XII. 471 S.

Ketchum, R. (1993). A Note on Barnes' Parmenides. *Phronesis*. Vol. 38. no. 1. pp. 95-97.

Kirk, G. S., Raven, J. E. (1960). *The Presocratic Philosophers*. Cambridge. Cambridge University Press. XII. 487 pp. (First edition in 1957).

Laks, A., Most, G. W. (eds.) (2016). *Early Greek Philosophy*. Vol. V: Western Greek Thinkers. Part 2. Edited and translated by André Laks and Glenn W. Most in collaboration with Gérard Journeé and assisted by Leopoldo Iribarren. Cambridge (Mass., USA), London (UK). Harvard University Press. 801 pp. (Loeb Classical Library. Vol. 528).

Lee, H. P. D. (1936). *Zeno of Elea* (= Lee). Cambridge. CUP. vi. 125 p.

Lewis, A. F. (2009). Parmenides' Modal Fallacy. *Phronesis*. Vol. 54. pp. 1-8.

Loux, M. J. (1978). *Substance and Attribute: A Study in Ontology*. Dordrecht (Holland). D. Reidel Publishing Company. xi. 187 p.

Makin, S. (1982). Zeno on Plurality. *Phronesis*. Vol. 27. pp. 223-238.

McLaughlin, W. I. (1994). Resolving Zeno's Paradoxes. *Scientific American*. Vol. 271. no. 5. pp. 66-71.

McLaughlin, W. I., Miller, S. L. (1992). An Epistemological Use of Nonstandard Analysis to Answer Zeno's Objections Against Motion. *Synthese*. Vol. 92. pp. 371-384.

Mourelatos, A. P. D. (2008). *The Route of Parmenides: Revised and Expanded Edition; With a New Introduction, Three Supplemental Essays, and an Essay by Gregory Vlastos*. Las Vegas, Zürich, Athens. Parmenides Publishing. L. 408 pp. (Originally published in 1970 by Yale University Press).

Mueller, I. (1969). Zeno's Paradoxes and Continuity. *Mind (New Series)*. Vol. 78. no. 309. pp. 129-131.

Owen, G. E. L. (1986). Eleatic Questions. In Nussbaum, M. (ed.) In: *Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy*. Ithaca. Cornell University Press. pp. 3-26. (Originally published in 1960).

Papa-Grimaldi, A. (1996). Why Mathematical Solutions of Zeno's Paradoxes Miss the Point: Zeno's One and Many Relation and Parmenides' Prohibition. *Review of Metaphysics*. Vol. 50. no. 2. pp. 299-314.

Peterson, S. (1978). Zeno's Second Argument against Plurality. *Journal of the History of Philosophy*. Vol. 16. pp. 261-270.

Ross, W. D. (ed.) (1924). *Aristotle's Metaphysics*. In 2 vols. Oxford. Clarendon Press.

Sisko, J. E., Weiss Y. (2015). A Fourth Alternative in Interpreting Parmenides. *Phronesis*. Vol. 60. no. 1. pp. 40-59. DOI: 10.1163/15685284-12341278.

Solmsen, F. (1971). The Tradition about Zeno of Elea re-examined. *Phronesis*. Vol. 16. pp. 116-41.

Thomson, J. (2001a). Tasks and Super-Tasks. In Salmon, W. C. (ed.) In: *Zeno's Paradoxes*. Indianapolis. Hacklett. pp. 89-102 (Originally published in 1954).

Thomson, J. (2001b). Comment on Professor Benacerraf's Paper. In Salmon, W. C. (ed.) *Zeno's Paradoxes*. Indianapolis. Hacklett. pp. 130-138 (Originally published in 1970).

Vlastos, G. (1975). Plato's testimony concerning Zeno of Elea. *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 95. pp. 136-62.

Wedin, M. V. (2014). *Parmenides' Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth*. Oxford (UK). Oxford University Press. x. 275 pp.

Сведения об авторе / Information about the author

Берестов Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, e-mail: berestoviv@yandex.ru. <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>

Статья поступила в редакцию 18.11.2020

После доработки: 28.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Berestov Igor – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8. e-mail: berestoviv@yandex.ru. <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>

The paper was submitted: 18.11.2020

Received after reworking: 28.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020

УДК 1(091)

ФОРМА И ФОРМАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

О. А. Доманов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

odomanov@gmail.com

Аннотация. Понятие формы и связанные с ним относятся к важнейшим онтологическим понятиям Античности и Средневековья. Современные формальные подходы в логике, семантике и др. зависят от этой проблематики, но редко делают её специальным предметом исследования. В статье описывается, как средневековые дискуссии о понятии формы и сущности отражаются в современных подходах к формализации, выражаясь в противостоянии субстанциалистской и конструктивистской парадигм.

Ключевые слова: история философии, формальные подходы, теория типов, теория моделей.

Для цитирования: Доманов, О. А. (2020). Форма и формальные подходы в истории философии и современности // *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 52-59. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.52-59.

FORM AND FORMAL APPROACHES IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY AND TODAY

O. A. Domanov

Institute of philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

odomanov@gmail.com

Abstract. The concept of form and its derivations belong to the most important concepts of Antiquity and Middle Ages. Modern formal approaches in logic, semantics etc. depend on this problematic, rarely exposing it to scientific scrutiny. The article deals with a way medieval discussions on form and essence are reflected in contemporary approaches to formalisation, resulting in the confrontation between substantialist and constructivist paradigms.

Keywords: history of philosophy, formal approaches, type theory, model theory.

For citation: Domanov, O. A. (2020). Form and Formal Approaches in the History of Philosophy and Today. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 52-59, DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.52-59.

Понятие формы

В античной философии, по крайней мере со времени определённой формулировки Аристотеля в «Физике», форма противопоставляется материи, а вещи рассматриваются как объединение того и другого. Материя — возможность, а форма — актуальность в смысле совершенства и завершённости. Материя — лишённость формы и вместилище форм. Аристотель описывает в этих терминах процесс становления вещи тем, что она есть. Форма связана с сущностью, и отвечает на вопрос «что означает быть этой вещью» (чтойность). Как таковая, она связана с определением вещи. Форма, таким образом, предполагает цель, энтелехию, завершение. Материя же допускает разнообразие таких целей: из одних и тех же камней могут быть построены (оформлены) самые разные вещи от простого кургана до сложных зданий. Отношение формы и материи можно описать двумя метафорами. Одна из

них — метафора изготовления: ремесленник, имея в голове форму сосуда, «прикладывает» её к глине, организуя её и создавая таким образом сосуд. Вторая метафора — печати и воска: отношение формы и материи подобно отношению печати, оставляющей след на бесформенном воске, к этому воску. Эта метафора печати служит руководством для понимания формы в самых разных контекстах. Так, например, законы полиса выступают формой, организующей граждан, в свою очередь выступающих как материя полиса. Не будет преувеличением сказать, что эта метафора определяет понимание формы в течении сотен лет. Так, например, Кант понимает форму как то, что применяется к «многообразному». Последнее в крайней степени неопределённо, но, фактически, следует аристотелевскому пониманию материи как бесформенного. Форма у Канта является содержанием сознания (рассудка и чувственности), и аналогия с метафорой ремесленника видна здесь особенно ясно. Хотя Кант не говорит, как Аристотель, о формировании вещей в результате соединения формы и материи, он понимает опыт как такое соединение: нет никакого опыта как без форм чувственности и рассудка, так и без оформляемого ими содержания ощущений. Даже в случае чистых, то есть не зависящих от ощущений представлений, Кант вводит понятие чистого многообразного, изначально оформленного пространством и временем. Нельзя сказать, что построения Канта ясны здесь до конца, но метафора формы, организующей некоторое неорганизованное множество, отчётливо в них различима.

Учение о форме и материи как о составляющих всякое сущее получило название гилеморфизм. Во времена Средневековья оно подвергается серьёзным испытаниям. Согласно Аристотелю (и античности вообще) творение из ничего невысказано. Аристотелевская теория становления это теория трансформации, но не творения. Материя это то, что не просто не возникает, а выступает у Аристотеля объясняющим принципом, необходимым для понимания постоянства вещи в её становлении (то есть в трансформациях, затрагивающих субстанцию). Для христианского мышления это представляет определённую проблему, коль скоро ему требуется объяснить творение мира Богом. Однако, независимо от этих теологических коннотаций, проблема имеет и собственно онтологическое измерение. Вероятно, наиболее ясно его можно различить в средневековой дискуссии о сущности и существовании.

Сущность и существование

Фома Аквинский обсуждает гилеморфизм в работе «О сущем и сущности». С его точки зрения, понятие материи не помогает в понимании нематериальных сущих, таких как ангелы или интеллигенции. Чтобы описать их конечность и потенциальность, Фома проводит различие между сущностью и существованием. В нематериальных сущих, не материя, а сущность служит принципом возможности, существование же есть актуальность, которая должна быть к ней добавлена, чтобы сделать её существующей. Их конечность состоит в различии сущности и существования, которые, напротив, совпадают в бесконечном Боге. Будучи составными сущими, нематериальные сущие, однако, состоят не из материи и формы, а из сущности и существования.

Фоме приписывается мнение о реальном различии сущности (*essentia*) и существования (*esse*), хотя фактически его позиция была более нюансированной. В любом случае, значительная часть схоластических споров посвящена критике этой реальности. Дунс Скот прямо отрицает реальное различие сущности и существования и вводит понятие формального различия. «Формальное» обозначает здесь различие, проводимое интеллектом [см. подробнее: Cross, 2013]. Последний, однако, опирается на нечто, присутствующее в самих вещах. Чтобы достичь здесь большей точности, Дунс Скот вводит

понятие «формальное различие, исходящее из природы вещей» (*distinctio formalis ex natura rei*). Оно, однако, указывает не на их природу в смысле сущности, а на их свойство конечности и тварности.

Этот мотив получает дальнейшее развитие у Суареса. Суарес отрицает реальное различие сущности и существования, поскольку тогда приходится принять, что они могут существовать отдельно друг от друга. Он также утверждает их реальное тождество, но концептуальное различие в вещах. При этом свой вопрос Суарес формулирует так «Отличается ли сущность и существование в актуально существе?» (в обсуждении Суареса я в значительной мере следую А.Г. Чернякову, для которого он важен прежде всего в контексте хайдеггеровской философии, см. [Черняков, 2001, с. 389 и сл.]). Согласно Суаресу, в актуально существующей вещи сущность и существование совпадают. Отделение вещи (её сущности) от существования является мысленным актом, а не реальным отделением. Суарес отказывается понимать сущность как потенциальность, поскольку потенциальность без возможного существования означает лишь чисто логическую возможность. Аналогично, существование должно обозначать существование актуально существующей вещи, неотделимой от своей сущности. Различие, таким образом, «рационально с реальным основанием» (*distinctio rationis cum fundamento in re*). Последнее означает, что интеллект проводит это различие не произвольно (например, просто давая вещи разные имена), но на основании чего-то реально существующего в вещи. Это основание, согласно Суаресу, состоит в том, что конечные вещи не существуют необходимо и получают своё существование случайно — тварное сущее может как быть, так и не быть.

Утверждая тождество сущности и существования в каждой вещи, Суарес должен пояснить, в чём в таком случае состоит их отличие от Бога, для которого такое тождество выступает определяющим. В чём состоит тогда конечность тварного? Согласно Суаресу «[бытие тварного сущего] ограничено самим собой, оно ограничено и конечно в силу собственного способа быть» (*Disp. XXXI, sect. XIII, 18*, цит. по [Черняков, 2001, с. 405]). Вещь является конечной в силу своей сущности, которая определённа. Но важно, что у Суареса это же делает конечным и её существование, поскольку оно оказывается существованием определённой вещи. Суарес, таким образом, отходит от томистской концепции существования как чистого акта. Согласно традиционной метафизике, существование бинарно: вещь может либо быть, либо не быть; а всё её содержательное разнообразие содержится в сущности, чтойности. Суарес же говорит о существовании, имеющем различную форму для каждого сущего. Существование есть сама актуальная сущность. Сущность, таким образом, определяет форму существования как акта. С другой стороны, «сущность получает свою определенность через предназначенность к определенному бытию» [Черняков, 2001, с. 409]. Сущность и существование, таким образом, обладая формой, взаимно ограничивают друг друга. Имеется прямая связь между сущностью вещи и способом существования вещи: «Сущность становится конечной и ограничивается благодаря своей предназначенности к бытию, и наоборот, само бытие становится конечным и ограничивается (о-пределяется), поскольку оно есть действительность таковой сущности» (*Disp. XXXI, sect. XIII, 18*, цит. по [Черняков, 2001, с. 411]).

Это понятие формы — формы акта — затруднительно мыслить в рамках аристотелевской пары форма—материя, и поздняя схоластика в лице Дунса Скота, Суареса и других постепенно отходит от неё. Этот процесс не был завершён и не был прямолинеен; мы не будем погружаться в обширную литературу, обсуждающую нюансы интерпретаций Фомы, Дунса Скота и Суареса. Для нас важно подчеркнуть постепенную трансформацию проблематики в понимании формы. Место метафоры печати и изготовления занимает структура действия и творения. Это изменение вызвано не только

теологическими причинами, но и в большой степени тем, что аристотелевское разделение формы и материи теряет адекватность при описании формы акта или действия (как замечает Черняков, Хайдеггеру интересны эти построения схоластов именно как попытка «выстроить метафизику по образцу творения, а не умо-зрения» [Черняков, 2001, с. 401]).

Приписывание такой интерпретации самим схоластам, конечно, открыто для возражений, однако несомненно, что эти тенденции присутствуют в схоластическом мышлении, и, как мы видим, вызваны они содержательными проблемами, связанными с самим понятием формы. Именно эти тенденции нас и будут интересовать в современной эволюции формальных подходов.

Форма и формальные подходы

Расцвет формальных подходов в философии связан с именами Фреге, предложившего формальный язык для записи мышления (*Begriffsschrift*), и Рассела, понявшего значение этого языка для философии и сделавшего его одним из своих основных инструментов. Хотя Фреге, несомненно, совершил крупнейший шаг в логике со времён Аристотеля и в большой мере вышел за пределы онтологии последнего, понимание формы и формального у него остаётся прежним.

Онтологически, Фреге выделяет три области: объекты, функции и имена, обозначающие и первое и второе. Имена разделяются на собственные и функциональные. Объекты обозначаются собственными именами (*Eigennamen*), которые полны; функциональные же имена (*Funktionnamen*) являются неполными именами (*ungesättigt*), содержащими «дыры», которые могут заполняться другими выражениями. Например, выражение «() бел» является функциональным именем, из которого можно образовать «снег бел» и т. д. (см. обсуждение, например, в [Naaranta, 1986]). Объекты составляют множества, на которых определяются функции. Поскольку Фреге предполагает существование двух специальных объектов «истина» и «ложь», предикаты могут у него представляться функциями в эти объекты. И в самом деле, функциональные имена обозначают у него как собственно то, что мы называем функциями, так и то, что мы обычно называем отношениями.

Этот подход получает свой окончательный вид с появлением теории моделей. Квинтэссенцией формы в современных формальных подходах является понятие аксиоматической теории. Она определяется как множество аксиом (и выводимых из них теорем), записанных на определённом формальном языке. Теории интерпретируются на моделях. Несколько упрощая, модель теории, согласно стандартному определению, восходящему к Тарскому, представляет собой множество (называемое доменом), на котором определены функции и отношения, такие, что при интерпретации на них символов теории выполняются аксиомы и теоремы этой теории. Мы ясно видим здесь метафору печати. Теория представляет собой форму, организующую бесформенную материю множества. Здесь возникает крайне интересный вопрос о форме самого множества, то есть о теории множества, уже предполагаемой теорией моделей. Если множество домена выступает как материя, лишённая формы и способная воспринять любую форму, то здесь требуются уточнения, связанные с наличием формы у самого по себе множества; оно, как минимум, обладает некоторой кардинальностью, что накладывает ограничения на отношения и функции, которые на нём можно определить. К этому важному вопросу мы вернёмся ниже.

Хотя это понимание интерпретации и семантики является господствующим в настоящее время, существуют и другие подходы, из которых нас прежде всего интересует так называемая теоретико-доказательственная семантика [Dummett, 1975; Piecha and Schroeder-Heister, 2015]. Она восходит

к интуиционистской и конструктивистской идее понимания истины как производного от понятия доказательства, а последнего — как построения соответствующего объекта. Мы рассмотрим воплощение этого подхода в интуиционистской теории типов [Martin-Löf, 1984]. В этой теории различаются суждения и пропозиции. Выделяются четыре вида суждений, из которых основным является суждение вида « $a : A$ », читается: «объект (или элемент, или терм) a относится к типу A ». Понимать тип означает понимать, что может быть его объектом. Пропозиции понимаются как типы, объектами которых служат их доказательства. Соответственно, понимать пропозицию значит понимать, что может служить её доказательством. Таким образом, доказательство состоит в предъявлении или построении соответствующего объекта. В том, что касается нашего предмета, это имеет далеко идущие следствия, и для того, чтобы их продемонстрировать, начнём с показательного примера.

Арифметика Пеано определяет натуральные числа как множество \mathbb{N} , на котором определена функция последователя $s : \mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$, и для элементов которого выполняются следующие аксиомы:

- 0 — натуральное число, т. е. $0 \in \mathbb{N}$.
- Если $n \in \mathbb{N}$, то $s(n) \in \mathbb{N}$.
- Ни для какого n не верно, что $s(n) = 0$.
- Если $s(n) = s(m)$, то $n = m$.
- Аксиома индукции.

С точки зрения аксиоматического подхода этот список задаёт форму, которой обладает множество натуральных чисел и которая отличает его от других множеств. Однако в теории типов определение \mathbb{N} выглядит иначе. В ней тип натуральных чисел это тип, элементы которого конструируются с помощью двух конструкторов:

- `zero` : \mathbb{N} .
- `succ` : $\mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$.

Первый конструктор конструирует начальное число `zero`, а второй для каждого n конструирует следующее число `succ n` (трансфинитные числа потребовали бы отдельного конструктора). Как можно показать, для сконструированных таким способом чисел выполняются все аксиомы Пеано.

Мы имеем здесь два разных способа формализации. В первом, аксиоматическом, мы предполагаем имеющимся множество, на которое накладываем форму в виде условий на его элементы. В частности, мы предполагаем, что для каждого числа может быть указано число, являющееся его последователем. Во втором случае, конструктивном, мы не предполагаем множество, но строим его и лишь затем можем показать, что оно обладает теми или иными свойствами. Различие может быть трудноуловимо, потому что оба подхода описывают не сами объекты, а их структуру [Benacerraf, 1965; McLarty, 1993]. Действительно, в качестве чисел могут выступать любые упорядоченные последовательности — стульев, звёзд, идей и пр. Отличие, однако, состоит в способе задания структуры. При теоретико-типовом подходе число, являющееся значением функции конструктора, не устанавливается, а создаётся. Именно характеристика акта создания гарантирует обладание нужными свойствами. Структура задаётся не свойствами или требованиями к домену, а характеристиками конструкторов, создающих домен. Если в первом случае функция может оказаться неприменима к домену (например, если он конечен), то во втором «значение» функции последователя существует всегда в силу того, что она является конструктором. Если в первом случае применима метафора печати и организации,

то во втором — творения «из ничего». Подобно акту существования у Суареса, имеется корреляция между структурами конструктора как акта и результата этого конструктора. Однако схема печати и воска оказывается здесь неприменимой, поскольку отсутствует предсуществующая и организуемая формой материя. Это, в частности, меняет семантику универсального квантора: в первом случае он имеет смысл «для всех элементов множества-домена», а во втором — «для всех объектов, сконструированных определённым способом».

Понятие интерпретации также трансформируется в теории типов. При теоретико-модельном подходе мы сначала строим теорию как набор правильно построенных выражений и затем интерпретируем её, устанавливая соответствие между символами языка и объектами домена (включая подмножества). В теории типов же мы начинаем с суждений, то есть утверждений о существовании (объектов тех или иных типов), и затем конструируем из них сложные типы по заданным правилам. Теория моделей была разработана Альфредом Тарским для анализа семантических категорий, прежде всего понятия истины. Предложения языка могут быть истинными не сами по себе, а лишь будучи интерпретированы на модели. Однако эта истинность основывается на отношениях, определённых на самом множестве. Предполагаемой онтологией теории моделей является теория множеств (хотя в теоретико-категорных подходах возможно расширение на другие категории помимо категории множеств). Фактически, модель представляет собой перевод с языка теории (обычно, первопорядковой логики) на упрощённый язык теории множеств, в котором имеются средства только для высказываний о множествах, подмножествах, функциях и декартовых произведениях. При этом не вполне понятно, как мы можем говорить об этом языке, и применимо ли к нему понятие интерпретации. Чем вообще в таком случае является язык теории множеств?

В основе теоретико-типовой теории лежат суждения вида « a относится к типу A ». Они всегда являются суждениями о существовании и означают: «тип A имеет в качестве элемента a ». В определённом смысле, теория типов сразу начинается с модели, её язык онтологичен. Этот факт становится ясным в теоретико-категорном анализе логики, в котором теория типов выступает как «внутренняя логика» категорий, а сама теории типов интерпретируются на категориях, так, что существует сопряжённость (слабый вариант эквивалентности) теоретико-типового и категорного языков. При этом к суждению, строго говоря, неприменимо понятие истины. В теории типов различаются истинность, очевидность и валидность (см. работу Мартин-Лёфа «Truth of a Proposition, Evidence of a Judgement, Validity of a Proof» [Martin-Löf, 1987]). О суждениях осмысленно говорить не как об истинных, а как об очевидных. Если сравнить ситуацию с теорией моделей, то теория типов выступает аналогом теоретико-множественного языка, то есть языка, описывающего то, на чём интерпретируется теория.

Нас, однако, интересует специальный вид суждений. Конструктор может иметь простой вид «zero : \mathbb{N} », и тогда он означает «zero относится к типу \mathbb{N} », но также и более сложный «succ : $\mathbb{N} \rightarrow \mathbb{N}$ », и тогда он представляет собой суждение о существовании функции, имеющей значением объект типа \mathbb{N} . Эта функция, однако, не просто устанавливает соответствие между уже существующими объектами, она конструирует своё значение. Её интерпретация является действием, причём действием, становящимся объектом. Этот вид интерпретации затруднительно описать в теоретико-модельных терминах, и вся проблематика Суареса, касающаяся сущности и существования, оказывается здесь релевантной. Мы видим общий корень трудностей, с которыми сталкивается античное учение о форме и материи и формальные подходы, подобные теории моделей. Он состоит в их неадекватности для описания действия, не просто направленного на объект, но создающего этот объект. Мы видим, как

прослеживаемое по крайней мере со Средневековья различие в понимании формы проявляется в современных формальных подходах.

Можно различить, таким образом, два способа построения формальных систем. В одном форма понимается как аксиоматическая система, описывающая ограничения на множество. Этот способ — по существу, алгебраический, а с философской точки зрения — субстанциалистский. В другом форма служит описанием конструкции, построенной по заданным правилам. В этом случае форма объектов определяется формой конструкторов, то есть актов конструирования. Этот конструктивистский подход удивительным образом продолжает дискуссию, продолжающуюся от Аристотеля через схоластику до наших дней.

Список литературы / References

Черняков, А. Г. (2001). *Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера*. СПб.: Высшая религиозно-философская школа. 460 с.

Chernyakov, A. G. (2001). *The Ontology of Time: Being and Time in the Philosophies of Aristotle, Husserl and Heidegger*. St. Petersburg. St. Petersburg School of Religion and Philosophy. 460 pp. (In Russ)

Benacerraf, P. (1965). What Numbers Could not Be. *The Philosophical Review*. Vol. 74. no. 1. pp. 47-73. DOI: 10.2307/2183530.

Cross, R. (2013). Duns Scotus on Essence and Existence. In Pasnau, R. (ed.). *Oxford Studies in Medieval Philosophy*. Vol. 1. Oxford. OUP. pp. 172-204. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199661848.003.0007.

Dummett, M. A. E. (1975). What is a Theory of Meaning? In Guttenplan, S. (ed.). *Mind and Language*. Oxford. Oxford University Press. pp. 97-138.

Haaparanta, L. (1986). On Frege's Concept of Being. In Knuuttila, S. and Hintikka, J. (eds.). *The Logic of Being: Historical Studies*. Synthese Historical Library 28. Springer Netherlands. pp. 269-290.

Martin-Löf, P. (1984). *An Intuitionistic Type Theory. Notes by Giovanni Sambin of a series of lectures given in Padua, June 1980*. Studies in Proof Theory. Napoli. Bibliopolis. 91 pp.

Martin-Löf, P. (1987). Truth of a Proposition, Evidence of a Judgement, Validity of a Proof. *Synthese*. Vol. 73. pp. 407-420. DOI: 10.1007/BF00484985.

McLarty, C. (1993). Numbers Can Be Just What They Have To. *Noûs*. Vol. 27. no. 4. pp. 487-498. DOI: 10.2307/2215789. JSTOR: 2215789.

Piecha, T. and Schroeder-Heister, P. (eds.) (2015). *Advances in Proof-Theoretic Semantics*. Trends in Logic 43. Springer. pp. VI, 283. DOI: 10.1007/978-3-319-22686-6.

Сведения об авторе / Information about the author

Доманов Олег Анатольевич — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: odomanov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

Статья поступила в редакцию 20.10.2020

После доработки 20.11.2020

Принята к публикации 28.11.2020

Oleg Domanov — Candidate of Philosophy, associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: odomanov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

The paper was submitted 20.10.2020

Received after reworking 20.11.2020

Accepted for publication 28.11.2020

УДК 1 (091) + 141

В ЗАЩИТУ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ВРЕМЕНИ

А. С. Зайкова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
zaykova.a.s@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена аналитической феноменологии времени как наиболее перспективному направлению для изучения темпоральных структур сознания. Для того, чтобы продемонстрировать преимущество указанного подхода, мы кратко обозначим основные методы исследования восприятия и сознания времени, покажем глубинную связь аналитической философии и феноменологии и обратимся к современным исследованиям темпоральной структуры сознания. Так, можно выделить Ф. Варелу, Ш. Галлахера, Э. Пёппеля, У. Матурану и Е. Князеву как явных или неявных приверженцев аналитической феноменологии, которые уже показали значительные результаты. Таким образом, именно благодаря аналитической феноменологии времени мы можем изучать темпоральную структуру сознания в целом, используя логические методы, системный и аналитический подходы, но не исключая при этом феноменологические и нейрофеноменологические исследования.

Ключевые слова: сознание времени, восприятие времени, темпоральные структуры сознания, аналитическая философия, феноменология, нейрофеноменология.

Для цитирования: Зайкова, А. С. (2020). В защиту аналитической феноменологии времени. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 60-69. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.60-69

IN FAVOUR OF ANALYTIC PHENOMENOLOGY OF TIME

A. S. Zaykova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
zaykova.a.s@gmail.com

Abstract. The article considers analytic phenomenology of time as a most hopeful way for studying temporal structure of consciousness. In order to demonstrate advantage of this area we briefly outline the main methods of research of time consciousness and time perception, clarify connection between analytic philosophy and phenomenology and turn to contemporary research of temporal consciousness structure. We can mention F. Varela, S. Gallagher, E. Pöppel, H. Maturana, E. Knyazeva as proponents of analytic phenomenology, who have already performed outstanding results. Thus, it is through the analytic phenomenology of time we can study temporal structure of consciousness using logical methods, system and analytical approach without excluding phenomenological and neurophenomenological researches.

Keywords: time perception, time consciousness, temporal structure of consciousness, analytic philosophy, phenomenology, neurophenomenology.

For citation: Zaykova, A. S. (2020). In favour of analytic phenomenology of time. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp.60-69. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.60-69

Аналитическая феноменология времени – особое направление философии сознания. Ещё несколько десятков лет назад о таком подходе отзывались бы скептически, однако сейчас это наиболее популярный и перспективный подход для изучения восприятия и сознания времени. Более того, именно благодаря этому направлению можно говорить о темпоральной структуре сознания, включая сюда как системный и аналитический подход, так и феноменологические исследования. В этой статье изучается возможность и актуальность аналитической феноменологии времени. Для этого мы кратко расскажем о подходах к изучению восприятия и сознания времени, затем перейдём к связи аналитической философии и феноменологии, и, наконец, рассмотрим ряд современных философов, гласно или негласно использующих именно аналитическую феноменологию времени.

Время и сознание

Когда мы говорим про связь времени и сознания, вовсе не удивительно, что в первую очередь из всех дисциплин, что её изучают, мы вспоминаем именно феноменологию. Как пишет В. И. Молчанов, «временность сознания – лейтмотив феноменологии, и Э. Гуссерль подчеркивает это и в своих ранних, и в своих поздних работах» [Молчанов, 1998, с. 144]. Будучи в некотором роде наследником И. Канта и Ф. Brentano, Гуссерль исследует время, имманентное нашему сознанию. Более того, как полагает в частности М. А. Солоненко, именно Гуссерль первым перенёс вопрос о природе времени в сферу сознания. Солоненко обращает внимание, что Гуссерль, отказываясь от «онтологического подхода», возвращается назад, к кантовской трансцендентальной субъективности и «интерпретирует проблему восприятия времени исключительно как эпистемологическую проблему, то есть как феномен познания и субъективный феномен человеческого сознания» [Солоненко, 2013, с. 30]. Здесь необходимо отметить, что Солоненко не совсем прав, обсуждая в данном ключе вопрос о природе времени: Гуссерль вовсе отказывается изучать природу времени и обращает внимание на то, что онтологический статус времени не имеет никакого значения для исследования сознания времени. Он справедливо замечает, что онтология не является предметом исследования феноменологии: «Мы намереваемся провести феноменологический анализ сознания времени. Это предполагает, как и при любом таком анализе, полное исключение каких бы то ни было допущений, установлений и убеждений относительно объективного времени (всех трансцендирующих предположений о существующем). В объективном отношении каждое переживание, как и каждое реальное бытие и момент бытия, может иметь свое место в одном единственном объективном времени, следовательно, и переживание восприятия времени и само представление времени. Возможно, что для кого-то интересно определить объективное время какого-либо переживания, в том числе переживания, конституирующего время» [Гуссерль, 1994, с. 6]. Гуссерль признает, что изучение взаимосвязи объективного с субъективным временем может быть интересным, но не ставит перед собой такой цели: «Это не задача феноменологии» [Там же]. Тем не менее, Гуссерль действительно возвращается к имманентному времени сознания, следуя именно за Кантом. И здесь стоит отметить две слабые стороны позиции Гуссерля.

Во-первых, изучая имманентное время сознания, он игнорирует его психофизические предпосылки. Конечно, это можно объяснить его критикой концепции Brentano о разделении психического и онтологического времени или попыткой недопущения любых предположений; но, стремясь избежать ошибок Brentano, Гуссерль попадает в ловушку своей же феноменологии, лишая её права на психофизическое обоснование. И, во-вторых, описывая имманентное время и те отношения, которые доступны человеку со временем и внутри времени, он не пытается сформировать единую темпоральную структуру, хотя, безусловно, он и делает отдельные глубокие и точные замечания о темпоральных отношениях.

Тем не менее, Гуссерль всё же старается придерживаться аналитического подхода к феноменологии, в отличие от М. Хайдеггера, который переносит феноменологические наработки в онтологическое пространство, тесно связывая их с экзистенциальным субъектом. Так, Солоненко убеждён, что, согласно Хайдеггеру, все попытки понять время сводятся к попыткам понять смысл существования человека в мире [Солоненко, 2013]. Такая линия экзистенциального подхода, возможно, и имеет смысл для исследования смысла жизни и возможности счастья человека, однако не даёт нам ни инструментов, ни оснований для изучения восприятия времени и темпоральной структуры сознания.

Родоначальником исключительно аналитического подхода к восприятию времени можно смело полагать Б. Рассела. В его работе «Об опыте времени» [Рассел, 2004] присутствует интересный логический анализ временных понятий, где он, в частности, пытается применить аналитические методы к опыту временных отношений «прежде и после», а в работе «Проблемы философии» [Russell, 1912] он отмечает связь темпоральных отношений. К сожалению, несмотря на интригующий подход к анализу темпоральности сознания и попытку сохранить точность понятий и строгость выводов, Рассел в работе «Об опыте времени» при анализе времени рассматривает только опыт, получаемый из ощущений, и игнорирует ментальный опыт. Кроме того, он не принимает во внимание временное расхождение события физической реальности и восприятия этого события, что делает его исследование, оригинальное методологически, несколько поверхностным.

Ещё одна линия изучения восприятия времени относится к натуралистическому подходу, среди которого можно выделить эволюционно-биологическое, физическое и синергетическое направления. Здесь можно отметить И. М. Сеченова, В. И. Вернадского, А. Эйнштейна, И. Р. Пригожина, А. Грюнбаума, В. С. Стёпина и др. В этой линии утверждается существование реального времени, которое может отражаться в восприятии человека на основе физических, эволюционно-биологических и синергетических закономерностей. К примеру, Грюнбаум проводит границу между тем, что зависит от сознания и тем, что от него не зависит, следующим образом: «Временные отношения раньше (до) и позднее (после)» могут быть установлены между двумя событиями независимо от мимолётного «теперь» и от какого-либо сознания» [Грюнбаум, 1961, с. 384], в то время как «Становление зависит от сознания потому, что оно не является атрибутом физических событий *per se*, но требует осуществления определённого концептуального осознания переживаний происходящих физических событий» [Там же].

Тем не менее, как полагает Грюнбаум, про темпоральное разделение событий, включая

последовательность и одновременность, можно говорить и без учёта сознания: «События испытывают временноподобное разделение одного от другого в силу их каузальной связуемости или детерминистической связанности, а не несмотря на эту детерминистическую связанность» [Грюнбаум, 1961, с. 423]. Таким образом, Грюнбаум подчеркивает, что существуют некоторые объективные темпоральные характеристики, но есть и те, что, как и «становление», не могут не зависеть от сознания.

Как видно из вышесказанного, вопрос о связи времени и сознания не является праздным, как и вопрос о связи темпоральных особенностей нашего опыта и временной реальности. Как полагают Дж. Торренго и Р. Чуни, «с одной стороны, метафизическое утверждение о том, что определенная временная особенность нашего опыта не является подлинной чертой реальности, требует психологически объяснить тот факт, что мы обычно думаем об этом как о части реальности; а с другой стороны, объяснения нашего опыта временной реальности зависят от того, что именно мы воспринимаем как временную реальность»¹ [Torrenco & Ciuni, 2015, pp. 133-136]. Это означает, что вопрос о сущности времени и вопрос о том, как мы его воспринимаем, являются тесно связанными.

Связь феноменологии и аналитической философии

Подходы феноменологии и аналитической философии во многом можно назвать противоположными. Д. Гаспарян даже задаётся вопросом: «Почему ... о феноменологии и философии сознания приходится говорить в риторике воссоединения?» И сама на него отвечает: «Все дело в том, что классическая (континентальная) феноменология и аналитическая философия сознания возникли и развивались независимо друг от друга» [Гаспарян, 2019, с. 91]. Несмотря на расхожесть подобного убеждения, следует отметить, что это не в полной мере так. Конечно, аналитическая философия долго отвергала феноменологию как часть континентальной традиции. Тем не менее, между этими двумя направлениями существует давняя связь, которая в последние годы становится всё прочнее. Как пишет А. Р. Каримов, «Наиболее близкие отношения у АФ (аналитической философии – прим. автора) сложились с феноменологией» [Каримов, 2012, с. 22]. В первую очередь это касается времени становления и феноменологии, и аналитической философии. Широко известно, что Гуссерль переписывался с Г. Фреге, и отчасти на него опирался, в частности, при исследовании интенциональных актов суждения [Шиян, 2018]. Но ещё более тесная связь у феноменологии и аналитической философии появилась при обращении последней к проблемному полю сознания. В первую очередь это касается понятия интенциональности, которое Brentano и Гуссерль полагали основным, центральным качеством сознания. Трудно найти аналитических философов сознания, которые не прибегают к методам феноменологии или же к её понятиям – время от времени или постоянно. Г. Райл, Дж. Сёрл, Д. Деннет,

¹ В оригинале текст выглядит следующим образом: «On the one hand, a metaphysical claim that a certain temporal feature of our experience is not a genuine feature of reality requires a psychological justification of why we ordinarily think of it as part of reality; and on the other hand explanations of our experience of temporal reality depend on what we take temporal reality to be like».

Д. Чалмерс, Д. Дубровский, – все они являются в некотором смысле заложниками феноменологии, но, при этом, не всем хватает смелости это признать. Так, Деннет отрицает необходимость взгляда от первого лица, но, в попытке избавиться от «картезианского театра», создаёт свой собственный картезианский театр, и оценивает его именно с точки зрения феноменологии – отталкиваясь от того, как согласуется этот картезианский театр с его восприятием от первого лица. Т. Нагель ведёт другую линию – он обращается к невозможности применения феноменологии для прочих объектов, к примеру, летучей мыши, и на основании этого строит свою теорию. Чалмерс, споря с ним по ряду вопросов, впрочем, развивает его позицию, отстаивая существование квалий, которые могут восприниматься исключительно феноменально. Дубровский при описании субъективной реальности также опирается на взгляд от первого лица, но он открыто это признаёт, и такой феноменологический подход является, на наш взгляд, одним из ключевых преимуществ его позиции. Сёрл, равно как и Гуссерль, уделяет большое значение интенциональности. Как пишет В. А. Ладов, «Сёрл, как и Гуссерль, считает именно сознание и его структуры отправной точкой философствования. В обеих теориях центральной темой является интенциональность как определяющая характеристика сознания» [Ладов, 2010b, с. 42].

Таким образом, связь аналитической философии и феноменологии становится всё более очевидной и предлагает всё больше преимуществ. Как полагает Ладов, «диалог традиций будет иметь смысл только тогда, когда и феноменология, и аналитическая философия предстанут перед нами только как определенные способы, как частные случаи решения общей эпистемологической задачи описания процесса познания» [Ладов, 2010a, с. 32]. Схожее мнение имеет и Д. Э. Гаспарян: «Феноменологический подход в современной аналитической философии сознания... предлагает ряд инструментов, позволяющих продемонстрировать особенности сознания как “объекта исследования” на территории самой науки» [Гаспарян, 2019, с. 101]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о важности современной аналитической феноменологии и как части аналитической философии.

Современные исследования восприятия и сознания времени

Среди англоязычной философии последних лет можно заметить особый интерес к восприятию и сознанию времени. С одной стороны, это непрекращающаяся дискуссия между презентизмом – убеждением, что реально лишь настоящее, – и этернализмом – предположением, что все модусы времени одинаково реальны. Эта дискуссия имеет свои корни в контексте обсуждения теории Дж. МакТаггарта о двух сериях времени [МакТаггарт, 2019], с помощью которой он ставит вопрос о том, реален ли наш временной опыт или же он является просто особенностью нашей психологии.

Другая дискуссия ведётся вокруг связи грамматического времени с реальным или же с воспринимаемым временем. Ещё одна дискуссия касается темпоральной структуры сознания, в частности, таких вопросов, как реальность существования «кажущегося» настоящего, а также дискретности или непрерывности темпорального опыта и времени вообще.

Новую волну интереса к восприятию времени вызвало не только развитие физики и когнитивных наук. В первую очередь, стоит отметить, что в 70-х годах своё развитие получили и когнитивные научные установки, преимущественно функционалистского толка. Однако большая часть таких установок пренебрегала качественным содержанием сознания, что не могло не вызывать ответной реакции, и, в итоге, привести к постановке «трудной проблемы сознания» [Explaining Consciousness: The Hard Problem, 1999]. Время превратилось из кантовского пространства созерцания и непостижимого онтологического явления в феномен, который можно и нужно изучать. И здесь уже проведённые эксперименты позволили понять, что существуют некоторые функциональные системы, по крайней мере частично ответственные за то, как мы воспринимаем время.

В настоящее время анализ темпоральных аспектов использует как данные феноменологии, так и естественнонаучные данные, а также логический анализ. Так, в первую очередь мы должны вспомнить труды Ф. Варелы [Varela, 1996], который отстаивал нейрофеноменологический подход как основной источник знания о сознании. Основными методами изучения сознания он полагал феноменологию, самоанализ и интроспекцию [Olivares et al., 2015]. Ш. Галлахер и В. Серенсен подробно описывают современное использование интроспекции, выделяя среди них слабую и сильную формы, а также описывают возможности применения психоанализа совместно с нейрофизиологическими исследованиями [Gallagher & Sørensen, 2006].

Согласно позиции Варелы, единицей темпорального опыта является некоторый кадр, или фрейм (frame). На основе экспериментов со зрительным восприятием он делает вывод о существовании некоторого «кадрирования» зрительного опыта, синхронизированного во времени, при этом нейрофизиологическое образование, отвечающее за содержимое этого кадра, может быть разнесено в разные области мозга. Размер такого кадра он видит в пределах десятых долей секунды, внутри которой вся зрительная информация попадает в единый временной промежуток, некоторое «сейчас». Варела основывается на идее «единой разрядки», соответствующей идее «кажущегося», или «ускользающего настоящего». Однако он переносит данные зрительных экспериментов на весь опыт, полагая, что «Гипотеза синхронизации нейронов постулирует, что именно точное совпадение моментов разрядки клеток создает единство ментально-когнитивного опыта» [Varela, 1999, p. 273]. Тем не менее, само понятие «кадр» накладывает определённые темпоральные ограничения. Помимо этого, он рассматривает в первую очередь именно восприятие, а не сознание времени, и именно зрительное восприятие. Если для последнего полная синхронизация событий внутри единого кадра действительно необходима, то распространение схожего механизма работы мозга на другие виды восприятия и, в принципе, на любые действия мозга ошибочно.

В отличие от Варелы Е. Рунау и Э. Пёппель изучают не только зрительный, но и слуховой опыт, а также ставят вопрос об их интеграции. Они приходят к выводу о существовании «окон одновременности», которые объединяют полученные сигналы в единый опыт, привязанный к определённому маркеру во времени. Однако они тоже исследуют вопрос именно восприятия темпоральных событий, мало затрагивая ментальный опыт, не зависящий от внешних сигналов [Pöppel, 1988; Ruhnau & Pöppel, 1991].

Еще одним популярным направлением, комбинирующим идеи феноменологии

и натурализма, является энактивизм, сторонниками которого выступают Э. Рош, Э. Томпсон [Rosh et al., 1991], а также Е. Н. Князева [Князева, 2013]. Эти направления, безусловно, затрагивают темпоральные отношения как неизменную структуру сознания, а также отстаивают взаимосвязь реального времени и имманентного сознанию времени. По словам У. Матураны, являющегося приверженцем энактивизма, «все биологические процессы протекают как циклическая рекурсивная динамика, через которую живые системы возникают как исторические сингулярности» [Maturana, 2006, p. 92].

Иной подход, тоже имеющий немало сторонников, предложил Дж. Фодор в книге «Модульность психики» [Fodor, 1983]. Центральной идеей его подхода является утверждение о том, что все психические процессы (включая и восприятие времени) делятся на отдельные модули, которые при определённом взаимодействии и продуцируют психические явления. Такой подход уже был опровергнут в целом, но в частности он остаётся оправдан [Barrett & Kurzban, 2006]. В самом деле, отдельные функции или даже подфункции сознания действительно ассоциированы с отдельными участками нейронов, но, учитывая, что некоторые функции неотделимы от других, полное разделение всех механизмов мозга на отдельные участки, соответствующие определённым функциям, представляется невозможным, а попытки такого разделения – чрезмерно наивными [Tulving, 1984; MacDonald et al., 2011; Hsieh et al., 2014; Kitamura et al., 2015].

Аналитическая феноменология времени давно вышла за пределы, очерченные Гуссерлем. Сейчас её уже невозможно представить без логических исследований, а также без включения теорий и результатов экспериментов в области естественных наук. Но именно феноменология как взгляд от первого лица зачастую выступает начальной точкой для построения любых теоретических конструктов, а также той точкой, из которой можно оценить правильность сделанных выводов. При этом нейробиологические процедуры, а также логический анализ позволяют работать с данными от второго и от третьего лица, и в совокупности, феноменология, аналитическая философия и нейробиология и создают тот функциональный аппарат, который позволяет рассмотреть предмет времени внутри сознания всесторонне, и при этом целостно. Время является неизменным спутником сознания, но при этом остаётся и его феноменом, и, вместе с тем, пространством, в котором и разворачиваются любые мыслительные акты. Такой множественный статус требует особого подхода, что, на данный момент, вполне доступно именно внутри аналитической феноменологии времени.

Список литературы / References

Гаспарян, Д. Э. (2019). Особенности феноменологического подхода в современной аналитической философии сознания. *История философии*. № 24(2). С. 90-103. DOI: 10.21146/2074-5869-2019-24-2-90-103

Gasparyan, D. E. (2019). Features of phenomenological approach in analytical philosophy of mind. *History of Philosophy*. no 24(2). pp. 90-103. DOI: 10.21146/2074-5869-2019-24-2-90-103 (In Russ.)

Грюнбаум, А. (1961). *Философские проблемы пространства и времени*. М.
Grunbaum, A. (1961). *Philosophical Problems of Space and Time*. Moscow. (In Russ.)

Гуссерль, Э. (1994). *Собрание сочинений. Том I: Феноменология внутреннего сознания времени*. М.

Husserl, E. (1994). *Complete works. Vol. 1. Phenomenology of Inner Time-Consciousness*. Moscow. (In Russ.)

Каримов, А. Р. (2012). *Введение в аналитическую философию*. Казань.

Karimov, A. R. (2012). *Introduction to Analytic Philosophy*. Kazan. (In Russ.)

Князева, Е. Н. (2013). Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии. *Вопросы философии*. № 10. С. 91-104

Knyazeva, E. N. (2013). Enactivism: The Conceptual Turn in Philosophy. *Voprosy filosofii*. no 10. pp. 91-104. (In Russ.)

Ладов, В. А. (2010). Интенциональность в философии Дж. Сёрля. Борисов, Е. В., Ладов, В. А., Суровцев, В. А. *Язык, сознание, мир*. С. 36-43.

Ladov, V. A. (2010). Intentionality in the philosophy of J. Searle. In: Borisov, E. V., Ladov, V. A., Surovtsev, V. A. *Language, consciousness, world*. pp. 36-43. (In Russ.)

Ладов, В. А. (2010). Семантическая проблематика в аналитической философии и феноменологии Э. Гуссерля. Борисов, Е. В., Ладов, В. А., Суровцев, В. А. *Язык, сознание, мир*. С. 25-32.

Ladov, V. A. (2010). Semantic Problems in Analytical Philosophy and Phenomenology of E. Husserl. In: Borisov, E. V., Ladov, V. A., Surovtsev, V. A. *Language, consciousness, world*. pp. 25-32. (In Russ.)

Мактаггарт, Дж. Э. (2019). Нереальность Времени. *Вох. Философский журнал*. № 26. С. 115-140. DOI: 10.24411/2077-6608-2019-00008

McTaggart, J. M. E. (2019). The Unreality of Time. *Vox. Philosophy journal*. No 26. pp. 115-140. DOI: 10.24411/2077-6608-2019-00008 (In Russ.)

Молчанов, В. И. (1998). *Время и сознание. Критика феноменологической философии*. М. Высшая школа.

Molchanov, V. I. (1998). *Time and Consciousness. Criticism of Phenomenological Philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Рассел, Б. (2004). Об опыте времени. *Логос*. № 5 (44). С. 29-44.

Russel, B. (2004). On the Experience of Time. *Logos*. no 5 (44). pp. 29-44. (In Russ.)

Солоненко, М. А. (2013). Проблема восприятия времени: эволюционно-эпистемологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. М.

Solonenko, M. A. (2013). The problem of time perception: evolutionary epistemological analysis. *Dissertation of Candidate of Philosophical Sciences*. Moscow. (In Russ.)

Шиян, А. А. (2018). Роль логических исследований в философии Эдмунда Гуссерля. *Логико-философские штудии*. Т. 16. № 1-2. С. 196-197.

Shiyana A. A. (2018). The role of logical research in the philosophy of Edmund Husserl. *Logiko-filosofskie studii*. Vol. 16. no 1-2. pp. 196-197. (In Russ.)

Barrett, H. C., Kurzban, R. (2006). Modularity in cognition: framing the debate. *Psychological review*. Vol. 113. no 3. pp. 628-647. DOI:10.1037/0033-295X.113.3.628.

Shear, J., ed. (1999). *Explaining Consciousness: The Hard Problem*. (A Bradford book). MIT Press.

Fodor, J. A. (1983). *Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge (MA). MIT Press.

Gallagher, S., Sørensen, J. B. (2006). Experimenting with phenomenology. *Conscious and Cognition*. no 15 (1). pp. 119-134. DOI:10.1016/j.concog.2005.03.002.

Hsieh, L.-T., Gruber, M. J., Jenkins, L. J., Ranganath, C. (2014). Hippocampal Activity Patterns Carry Information about Objects in Temporal Context. *Neuron*. no 81 (5). pp. 1165-1178. DOI:10.1016/j.neuron.2014.01.015.

Kitamura, T., Macdonald, C. J., Tonegawa, S. (2015). Entorhinal-hippocampal neuronal circuits bridge temporally discontinuous events. *Learn Mem.* no 22 (9). pp. 438-443. DOI:10.1101/lm.038687.115.

MacDonald, C. J., Lepage, K. Q., Eden, U. T., Eichenbaum, H. (2011). Hippocampal "Time Cells" Bridge the Gap in Memory for Discontinuous Events. *Neuron*. no 71. pp. 737-749. DOI:10.1016/j.neuron.2011.07.012.

Maturana, H. R. (2006). Self-consciousness: How? When? Where? *Constructivist Foundations*. no 1(3). pp. 91-102.

Olivares, F. A., Vargas, E., Fuentes, C., Martínez-Pernía, D., Canales-Johnson, A. (2015). Neurophenomenology revisited: second-person methods for the study of human consciousness. *Front Psychol.* no 6. pp. 1-12. DOI:10.3389/fpsyg.2015.00673

Pöppel, E. (1988). *Mindworks. Time and Conscious Experience*. Bostone. Harcourt Brace Jovanovich. 211 pp. [Originally published as *Grenzen der Bewusstseins*. 1985].

Ruhnau, E., Pöppel, E. (1991). Adirectional Temporal Zones in Quantum Physics and Brain Physiology. *International Journal of Theoretical Physics*. no 30 (8). pp. 1083-1090(1091) DOI:10.1007/BF00671487

Rosch, E., Thompson, E., Varela, F. J. (1991). *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge (MA). MIT Press. (7th printing 1999). ISBN 0262720213. DOI:10.7551/mitpress/6730.001.0001

Russell, B. (1912). *The Problems of Philosophy*. Barnes & Noble. DOI:10.2307/2178182

Torrenzo, G., Ciuni, R. (2015). Introduction: Time and Time Experience. *Topoi*. no 34. pp. 133-136. DOI:10.1007/s11245-015-9304-9.

Tulving, E. (1984). Précis of elements of episodic memory. *Behav. Brain Sci*. no 7. pp. 223-268.

Varela, F. J. (1996). Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem. *Journal of Consciousness Studies*. no 3 (4). pp. 330-349.

Varela, F. J. (1999). The Specious Present. A Neurophenomenology of Time Consciousness. In Petitot J., Varela F. J., Pacoud B. & Roy J.-M. (eds.). *Naturalizing Phenomenology*. Stanford University Press. pp. 266-314.

Сведения об авторе / Information about the author

Зайкова Алина Сергеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3300-0130>.

Статья поступила в редакцию: 20.09.2020

После доработки: 10.11.2020

Принята к публикации: 22.11.2020

Zaykova Alina – Research Assistant of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str, 8, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3300-0130>.

The paper was submitted: 20.09.2020

Received after reworking: 10.11.2020

Accepted for publication: 22.11.2020

УДК 1 (091)

«ДВОЙНЫЕ РЕЧИ» (DISSOI LOGOI)¹

К. С. Ковальчук

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
k.kovalchuk@g.nsu.ru

Аннотация. В статье публикуется перевод с древнегреческого языка первых трех глав софистического текста, получившего название «Двойные речи» (Dissoi logoi). Дошедшее до нас в качестве приложения к рукописям сочинений Секста Эмпирика, это собрание кратких трактатов призвано продемонстрировать характерный для софистов способ аргументации (в духе Протагора). В них рассматриваются различные подходы к таким понятиям, как зло и добро, безобразное и прекрасное, несправедливое и справедливое, и исследуются возможности аргументации за и против той или иной позиции.

Ключевые слова: софистика, аргументация, риторика, убеждение.

Для цитирования: Ковальчук, К. С. (2020). «Двойные речи» (Dissoi logoi). *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 70-78. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.70-78

PAIRS OF ARGUMENTS (DISSOI LOGOI)

X. S. Kovalchuk

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
k.kovalchuk@g.nsu.ru

Abstract. The paper is a Russian translation of the first three chapters of a sophistic text, conventionally called the Pairs of Arguments (Dissoi logoi). Transmitted as an appendix to the works of Sextus Empiricus, this collection of short treatises seeks to show the sophistic (Protagorean) way of argumentation. They address such opposite notions as bad and good, ugly and beautiful, unjust and just, and explore the possibilities of arguing pro and contra a given position.

Keywords: sophistic, argumentation, rhetoric, persuasion.

For citation: Kovalchuk, X. S. (2020). Pairs of Arguments (Dissoi logoi). *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 70-78. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.70-78

Предварительные замечания

«Двойные речи» – это одно из немногих полностью дошедших до нас софистических сочинений. Девять кратких глав, написанных на дорическом диалекте древнегреческого языка, посвящены общим проблемам софистики, связанным с этикой, политикой и эпистемологией. Изначально считалось, что «Двойные речи» были созданы в конце пятого

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

века до н. э. из-за упоминания в тексте в качестве недавнего события поражения Афин в Пелопонесской войне. Однако, отрывки из текста, которые прямо указывают на несколько платоновских диалогов (в частности «Теэтет», «Менон», «Протагор», «Гиппий Большой»), говорят о принадлежности сочинения началу или середине четвертого века [Robinson, 1979, pp. 34-41].

Условное название «Dissoi logoi», данное этому тексту первыми издателями античной традиции, не просто повторяет первые два слова первого предложения: «Двойные речи произносятся в Элладе теми, кто философствует о добре (τὸ ἀγαθόν) и зле (τὸ κακόν)», но и открывает читателю инструмент, который использует автор в своих рассуждениях – антилогику или противоречие. То есть вместо того, чтобы опровергнуть одну из двух позиций и примирить противоречивые этические утверждения, автор демонстрирует свою позицию с помощью «антилогичного» метода, приводя аргументы от лица каждой из двух противоречащих сторон.

Некоторые исследователи полагают, что «Двойные речи» – это заметки, состоящие из лекций на разные темы, и не должны толковаться как единое произведение [Dillon, Gergel, 2003, p. 319]. С другой стороны, нельзя не заметить, что автор связывает последние и первые главы посредством рассуждения о сложных понятиях этики и политики. «Двойные речи» заслуживают тщательного изучения не только потому, что это одно из немногих полностью сохранившихся софистических сочинений. Немаловажно также, что они являются ранним образцом использования антилогичного метода (или метода противоречия) в отстаивании позиции этического и эпистемологического релятивизма, начало которого обычно возводят к Протагору.

Диоген Лаэртий (*Жизни философов* 9.51) так отзывается об основных идеях Протагора: «Он первый сказал, что по поводу всякого дела имеются две речи, противоположные друг другу. Именно так он ставил вопросы и получал ответы, будучи первым в этом деле» (пер. Е. В. Афонасина). В полной мере осознавая состязательный характер греческой культуры, Протагор был убежден, что аргумент может быть усилен, если его противопоставить противоположной точке зрения. Это то, что Аристотель (*Риторика* 1402a23) назвал «слабый довод делать более сильным»: обучая подопечных, Протагор ставил их в изначально более слабую позицию с тем, чтобы они попытались укрепить слабую аргументацию настолько, насколько это возможно, вплоть до момента, когда она сравняется или даже превзойдет изначально более сильную. Подобный метод убеждения, замечает далее Аристотель, весьма возмущал афинян.

Как и Протагор, неизвестный автор нашего трактата отстаивает и релятивистскую, и абсолютистскую позиции, время от времени, впрочем, демонстрируя свои предпочтения: «Я и сам присоединяюсь к этим [последним]», то есть, следуя тексту, к релятивистам. Автор сводит противопоставление этических понятий к их лингвистической корректности: противопоставления таких понятий, как верность, добро, благородство, справедливость с их противоположностями, уместны для говорящего ровно в тот момент, когда он о них говорит.

Абсолютисты, согласно тексту, утверждают, что такие понятия, как хорошее и плохое, великое и низменное, справедливое и несправедливое, истинное и ложное, представляют собой взаимоисключающие противоположности, в то время как релятивисты полагают, что

одно и то же может быть одновременно хорошим для одного и плохим для другого, истинным для одного и ложным для другого, или даже – для одного и того же. Он начинает каждую из глав с защиты релятивистской позиции, опираясь на примеры, которые подчеркивают контекстуальность каждого противопоставления, ссылаясь на точку зрения человека и его культурную идентичность. Так, в то время, когда питание, питье и интимные отношения доставляют удовольствие здоровым, они же причиняют страдания тем, кто страдает от недуга. Развивая далее мысль о том, что страдания одного человека – это счастье другого, автор цинично утверждает: «А смерть есть зло для умирающих, но добро для гробовщика и расхитителя могил».

Затем автор пытается обосновать и противоположную позицию, показывая, что предыдущий аргумент не позволяет нам просто заменить хорошее на плохое, как будто это одно и то же. Если бы это было так, то мы могли бы иметь право поступать плохо, а не хорошо с близкими нам людьми, и не видеть разницы между благом нищего и благом царя. И, хотя из этого аргумента следует заключение, что хорошее и плохое отличаются друг от друга, автор признает, что не может сказать нам, что такое добро, оставляя нас с релятивистской позицией: добро представляется человеку таковым, лишь будучи воспринято в определенное время и в определенном месте.

Далее эта же идея демонстрируется на примере общественных установлений, что напоминает знаменитое рассуждение о законах Антифонта. Так, если греки считают инцест чем-то отвратительным, то персы – вполне законным и т. д. Величие и низость определяются путем совершения правильных поступков в нужное время, и значимость культурной практики не осуждается даже в том случае, если она оценивается различными культурами в противоречивых формах.

Три «двойные речи», перевод которых предлагается читателю, призваны проиллюстрировать эту позицию. Перевод выполнен на основании недавнего издания А. Лакса и Г. Моста [Laks, Most, 2016] с учетом основательного издания Т. Робинсона [Robinson, 1979]. Оставшаяся часть трактата будет представлена в одной из наших будущих публикаций.

«Двойные речи» 1–3

1. О Добре и Зле

[1] Двойные речи произносятся в Элладе теми, кто философствует о добре (τὸ ἀγαθόν) и зле (τὸ κακόν). Одни говорят, что добро – это одно, а зло – другое; другие же – что это одно и то же, а также что добро для одних будет злом для других, и что для одного человека то же самое бывает то добром, то злом. [2] Я и сам присоединяюсь к этим [последним]. Взглянем на человеческую жизнь с ее заботами о питье, пище и любовных утехах (ἀφροδισίων). Одно и то же для хворого зло, а для здорового и нуждающегося [в нем] – добро. [3] И невоздержанность [в этих вещах], стало быть, зло для самих невоздержанных, но добро для тех, кто это продает и на этом зарабатывает. Так, недуг есть зло для больных, но благо для докторов. А смерть есть зло для умирающих, но добро для гробовщика и расхитителя могил.

[4] Возделывание земли (γεωργία), приносящей обильные плоды, – добро для земледельцев, а для купцов – зло. А когда грузовые суда изнашиваются и терпят бедствие – это плохо для судовладельца, зато хорошо для кораблестроителей. [5] И то, что тронуту ржавчиной, затуплено и стёрто, для [всех] остальных – зло, а для кузнеца же – добро. И когда глиняная посуда бьется, для [всех] остальных – зло, для гончаров же – добро. Когда обувь стирается и рвется, для [всех] остальных – зло, а для сапожника – добро. [6] То же для гимнастических, музыкальных и военных соревнований. Вот, например, в атлетике, в беге на стадионе победа есть добро для тех, кто победил, но зло – для проигравших. [7] То же для борцов, и для боксеров, и для всех музыкантов: например, пение под кифару добро для победителя, но зло для проигравшего.

[8] И в войне (мне, в первую очередь, следует сказать о последних событиях)², победа спартанцев, которую они одержали над афинянами и их союзниками, была добром для спартанцев, но злом для афинян и их союзников. И победа эллинов над персами была добром для эллинов, но злом – для варваров. [9] А захват Илиона был добром для ахейцев, но злом – для троянцев. И то же самое касается случившегося с жителями Фив и Аргоса³. [10] И битва кентавров с лапифами была добром для лапифов и злом для кентавров. То же самое и относительно битвы, которая, как сообщается, произошла между богами и гигантами – победа в ней была добром для богов, но злом для гигантов⁴.

[11] Приводится еще один аргумент, что добро – это одно, а зло – другое, и отличаются они как на словах, так и на деле. Как по мне, так я понимаю это отличие следующим образом: на мой взгляд, невозможно было бы отличить (διάδαλον), какие вещи – добро, а какие – зло, если бы они были одним и тем же и ничем не отличались друг от друга; но это было бы удивительным. [12] Думается, что утверждающий это не сможет даже ответить, если кто-нибудь спросит его: «Скажи мне, твои родители сделали тебе какое-либо добро?»⁵. Ты, положим, ответишь: «Да, причем многое и великое!». «Тогда ты должен им и зла многого и великого, если действительно добро и зло – это одно и то же». [13] «Что ж, ты когда-нибудь делал своим родным какое-либо добро? Тогда ты делал для своих родных некое зло. Приносил ли ты зло своим врагам? Значит, ты делал им многое и великое добро». [14] «Тогда ответь мне вот что: жалеешь ли ты нищих, так как они претерпевают много великого <зла>, <и>, наоборот, считаешь ли ты их счастливыми, потому что они испытывают много и добра, если только зло и добро одно и то же?». [15] Ничто не мешает Великому Царю [персов] быть в том же положении, что и нищие. Ведь для него многое и великое добро есть многое и великое зло, если только добро и зло – одно и то же. То же самое может быть сказано и обо всем остальном. [16] Я рассмотрю каждый случай, начиная с принятия пищи, питья и занятий любовью. Для тех, кто немощен, эти вещи представляются <злом, и, наоборот>

² Именно это замечание позволило датировать «Двойные речи» временем незадолго после окончания Пелопонесской войны (431–404 г. до н. э.).

³ Должно быть, имеется в виду мифологический поход Семерых против Фив.

⁴ О битве лапифов (фессалийцев) с кентаврами см.: Гомер, *Илиада* 1.262–268, 2.748–744; война богов с гигантами описывается, например, у Пиндара (*Немейские песни* 1.66 сл.), у Аполлодора (*Мифологическая библиотека* 1.6) и др.

⁵ Т. Робинсон предлагает исправление: «Скажи, сделал ли ты какое-либо добро для своих родителей?».

совершать их будет [для них] добром, если, конечно, зло и добро одно и то же. И для больных быть больными – зло и одновременно добро, так как добро и зло – одно и то же. [17] И то же самое касается всех остальных случаев, которые я упоминал прежде. Я не говорю о том, что такое добро, а пытаюсь научить тому, что зло и добро не одно и то же, но между ними есть различие.

2. О прекрасном и безобразном⁶

[1] Двойные речи произносятся также относительно прекрасного и безобразного. Так, некоторые утверждают, что прекрасное одно, а безобразное – другое, и что они различаются как по имени, так и на деле (τὸ σῶμα); другие же считают, что прекрасное и безобразное – это одно и то же. [2] Я же пытаюсь рассуждать следующим образом. Вот, например, уместно юноше в расцвете молодости доставить удовольствие прекрасному возлюбленному, но непристойно – тому, кто достойным возлюбленным не является. [3] И женщинам уместно купаться дома, в палестре же – постыдно (мужчинам же уместно и в палестре, и в гимназии). [4] Иметь физическую связь с мужем в тишине, когда скрывают стены, конечно, прекрасно, но вне их, где кто-нибудь увидит – позор. [5] И иметь физическую связь со своим мужем прекрасно, а с чужим – оскорбительно. И для мужа иметь близость со своей женой прекрасно, а с чужой – постыдно. [6] Мужчине украшать себя, натирать себя белилами и обвешивать золотом стыдно, женщине же – уместно. [7] Благодетельствовать друзьям – удовольствие, врагам – позор. Убегать от врага – постыдно, а на стадионе от соперников – прекрасно. [8] Убивать друзей и граждан – гнусность, неприятелей же – благородное деяние. И так во всем.

[9] Перейду к тому, что у государств и народов считается безобразным. У лакедемонян / спартанцев, например, считалось прекрасным, что девушки упражнялись в атлетике и приходили без хитонов, скрывающих части тела; для ионийцев же это неприемлемо. [10] Если детям спартанцев не стыдно не учить музыку и письмо, то для ионийцев же не знать всего этого – безобразно. [11] Прекрасно, если фессалиец, угнав лошадей из табуна и мулов, укрощает их, а забирая быков – закалывает, снимает кожу и рубит; для сицилийцев это – безобразный удел рабов. [12] У македонян прекрасно, если девушки прежде, чем выйти замуж, были страстно влюблены и имели половую связь с мужчинами, а после замужества – это безобразно; у эллинов же и то, и другое безобразно. [13] У фракийцев татуировка для девушек служит украшением, для остальных же татуировка – знак наказания за преступление. Скифы считали прекрасным обычаем вешать на

⁶ Следует заметить, что τὸ κάλον перевести можно с помощью ряда других слов (красота, краса, украшение, наслаждение, удовольствие, радость, удобное место, удобный момент, прекрасный поступок, благородное деяние, прекрасное, красота, нравственно прекрасное, приличное, высокий / почетный пост), а τὸ αἰσχρόν – как стыд, позор, безобразное, постыдное, гнусное, непристойное, оскорбительное, неподходящее или неудобное и т. д., так что при переводе выбор подходящего значения существенно зависит от контекста. Напротив, А. Лакс и Г. Мост выбрали для перевода одно и то же слово, но с частицей «не» в одном случае и без оной в другом (использовав слова *seemly* и *unseemly*, признавая, впрочем, что *beautiful* и *ugly* были бы более подходящим вариантом для английского языка [Laks, Most, 2016, p. 173].

лошадь снятый с головы убитого ими человека скальп, а позолотив и посереббив череп, пить из него и совершать возлияния богам; у греков же никто не пожелал бы даже войти в один дом с тем, кто такое сотворил.

[14] Массагеты, разрезав родителей, поедают их, ибо нет ничего прекраснее для родителя, чем быть погребенным внутри своего дитя; в Греции же тот, кто совершил подобное, был бы изгнан и умер бы страшной смертью за совершенную ужасную гнусность. [15] Персы считают, что мужчине уместно быть столь же украшенным, сколь женщине, иметь близость с дочерью, матерью и сестрой; греки же считают и то, и другое безобразным и противозаконным. [16] Лидийцы считают приличным, чтобы девушки зарабатывали деньги, занимаясь проституцией, и таким образом выходили замуж, но среди греков ни один не пожелал бы жениться на такой девушке. [17] И египтяне не считают прекрасными те же вещи, что и другие люди: у нас женщинам пристало ткать и заниматься ручным трудом, там же – мужчинам, и женщины там занимаются тем, чем мужчины у нас; у них удобно глину месить руками, а хлеб ногами, а у нас наоборот. [18] Думаю, что если бы кто-нибудь приказал всем людям собрать вместе всё прекрасное, что каждый считает [таковым] и взять из этой кучи то, что каждый считает безобразным, то ничего бы не осталось, потому что все люди думают по-разному. [19] Прочитирую также стихи⁷:

*Ибо вы увидите, если различите, другой закон
Для смертных, как этот: в самом деле нет ничего прекрасного
Как и ничего безобразного, но подходящий момент (каирós),
взяв одни и те же вещи,
Делает их то безобразными, то, меняя, прекрасными.*

[20] В общем и целом: все вещи прекрасны именно тогда, когда это уместно, и безобразны, когда это не уместно.

Чего же я, таким образом, добился? Я сказал, что покажу, что одно и то же и безобразно, и прекрасно, это я и показал во всех тех случаях.

[21] Также говорится о безобразном и прекрасном, что каждое из них отлично [от другого]. Ибо если бы кто-то спросил у тех людей, которые говорят, что прекрасное и безобразное есть одно и то же, что они когда-либо делали что-то прекрасное, то они бы признали [что это] безобразно, если и безобразное, и прекрасное есть одно и то же. [22] И если они знают какого-нибудь мужчину, который приличен, то этот же мужчина неприличен; а если они знают какого-нибудь белого мужчину, то [этот же] мужчина также и черный. И если прекрасно поклонение богам, то одновременно безобразно, если прекрасное и безобразное есть одно и то же.

[23] И пусть все будет так, как я сказал, обо всех случаях. Я перейду к той речи, что они говорят. [24] Ибо если прекрасно, что женщина украшает себя, то и безобразно, что женщина украшает себя, коль скоро безобразное и прекрасное – это одно и то же. И то же самое относится ко всем остальным случаям. [25] В Спарте прекрасным считается, что девушки

⁷ Автор стихов неизвестен.

занимаются атлетикой, [значит, одновременно] в Спарте считают безобразным, что девушки занимаются атлетикой, и так же для всех остальных случаев. [26] Говорят, что если бы кто-то собрал от людей повсюду безобразные вещи, затем позвал бы их и повелел забрать то, что каждый человек считал прекрасным, то забрали бы все, как относящееся к тому, что прекрасно. Что касается меня, то я поражен тем, что вещи, которые были безобразны, когда их собирали вместе, становятся прекрасными, и не остаются такими, какими они были, когда появились. [27] Ведь если бы они принесли лошадей, коров, овец или людей, то не забрали бы что-нибудь иное; если бы они принесли золото, то не забрали бы бронзу, а если бы они принесли серебро, то не забрали бы свинец. [28] Так как же они забирают прекрасные вещи вместо безобразных? А если кто-то принесет что-то безобразное, унесет ли он это снова, только как прекрасное? Они приводят поэтов в качестве свидетелей, [но эти] сочиняют ради удовольствия, а не ради истины.

3. О справедливости и несправедливости

[1] Также приводится пара аргументов о справедливости и несправедливости. И некоторые [заявляют], что справедливость – это одно, несправедливость – другое; другие же утверждают, что справедливость и несправедливость – это одно и то же. А что касается меня, я постараюсь их [последних] поддержать. [2] И сначала я буду утверждать, что лгать и жестоко обманывать с благой целью справедливо. Ибо они [первые] утверждали бы, что поступать так с врагами на войне несправедливо и жестоко, но не с самыми дорогими, например, с родителями: ибо если отец или мать должны были выпить и съесть какое-то лекарство, но отказались, разве это не справедливо – класть его в кашу или напиток и отрицать, что оно в нем есть? [3] Следовательно, лгать и обманывать своих родителей, и красть то, что принадлежит собственным друзьям, да и применять насилие по отношению к самым близким – это справедливо. [4] Например, если кто-то из членов семьи, находясь в скорби и несчастье, собирается убить себя мечом, веревкой или чем-то еще, то справедливо украсть, если это возможно, а если кто-то придет слишком поздно и поймает его за этим делом, то и с помощью насилия вырвать это у него. [5] И разве не справедливо поработить своих врагов на войне, чтобы они не продали в рабство целый город, захватив его в плен? Ибо если чей-то отец свергнут политическими врагами и находится в тюрьме под угрозой смертной казни, то не будет ли справедливым вломиться туда с целью похитить его и спасти? [6] И клятвопреступление: если кто-то, попавший в плен к врагам на войне, клянется, что, если он будет освобожден, то, несомненно, предаст свой город, то будет ли он действовать справедливо, если останется верен своей клятве? [7] Я же думаю, что нет, но вместо этого должен спасти свой город, своих друзей и храмы своих предков, хотя бы и ценой клятвопреступления. Значит, это справедливо уже и в отношении клятвопреступления. А грабить храмы? [8] Я оставлю в стороне принадлежащие отдельным городам; но что касается общих для всей Эллады, тех, что в Дельфах и Олимпии: когда варвар уже почти захватил Элладу и спасение зависело от денег, разве не стоило просто взять их и употребить

на войну? [9] И убить родственника также справедливо. Ибо и Орест, и Алкмеон⁸ [сделали это]: и бог провозгласил, что то, что они оба сделали, было справедливым.

[10] Обращусь теперь к искусству и к поэтическому творчеству. Ведь в трагедии и живописи тот, кто более всего обманывает, делая вещи похожими на истинные – наилучший. [11] Хочу также представить и свидетельства из более древних поэм. Из Клеобулины⁹:

*Человек, которого я видела ворующим и обманывающим, чиня насилие,
И делать это с помощью силы было очень справедливо.*

[12] Таковы древние строки. А вот из Эсхила¹⁰:

*Справедливый обман не остается незамеченным божеством:
Он по достоинству оценивает вовремя сказанную ложь.*

[13] По этому поводу говорится и противоположная речь: справедливость и несправедливость различны, и различаются они как по имени, так и на деле (πρᾶγμα). Ибо если бы кто-то спросил тех, кто говорит, что несправедливость и справедливость – это одно и то же, действовали ли они когда-либо справедливо по отношению к своим родителям, то они бы ответили «да». Но тогда и несправедливо: ибо они признают, что несправедливость и справедливость – это одно и то же. [14] Вот вам и другой случай: если некто знает кого-то в качестве справедливого человека, то, следовательно, этот же самый те люди, которые утверждают, будто они доказали, что одним и тем же является и справедливое, и несправедливое. [16] То есть [утверждают], что красть то, что принадлежит врагам на войне – это справедливо, но тут же доказывают и то, что то же самое несправедливо, если это [их] суждение верно, и так же во всех остальных случаях. [17] Говорят они и об искусстве, где, в общем-то, нет места справедливому и несправедливому. Да и поэты сочиняют свои творения не ради истины, но для того, чтобы доставить удовольствие людям. человек также и несправедлив; ну и, значит, большой и маленький, к тому же, в одно и то же время. Так пусть его убьют за то, что он совершил много несправедливых деяний, и пусть его убьют за то, что он совершил <много справедливых деяний>. [15] И хватит уже об этих делах. Я перейду к тому, что говорят.

⁸ Орест – сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший свою мать и ее любовника Эгисфа, чтобы отомстить за отца. Алкмеон же, согласно обещанию, данному своему отцу Амфиараю, отомстил за его смерть убийством матери, Эрифилы. Обоих к мести подтолкнул бог Аполлон.

⁹ Фрагмент приводится по [Laks, Most, 2016, p. 184] со ссылкой на (fr. 2 West).

¹⁰ Фрагмент приводится по [Laks, Most, 2016, p. 184] со ссылкой на (fr. 301, 302 Radt).

Список литературы / References

Dillon, J., Gergel, T. (ed.) (2003). *The Greek Sophists*. London: Penguin.

Laks, A., Most, G. (trans. and ed.) (2016). *Early Greek Philosophy*. Vol. IX: Sophists. Cambridge: Harvard University Press.

Robinson, T.M. (trans. and ed.) (1979). *Contrasting Arguments: An Edition of the Dissoi Logoi*. New York: Arno Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Ковальчук Ксения Сергеевна – аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: k.kovalchuk@g.nsu.ru

Статья поступила в редакцию: 18.11.2020

После доработки: 28.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Kovalchuk Xenia – Postgraduate of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: k.kovalchuk@g.nsu.ru

The paper was submitted: 18.11.2020

Received after reworking: 28.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020

УДК 1(091)

ОСНОВАНИЯ РЕЛЯТИВИЗМА ДЖ. МАРГОЛИСА В СПОРЕ Р. РОРТИ И Х. ПАТНЭМА *

А. В. Косарев

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
andrkw88@gmail.com

Аннотация. Спор о реализме Х. Патнэма и Р. Рорти является примечательным событием XX в. по ряду причин. Возникнув внутри аналитической философии и привлекая в качестве аргументов наиболее актуальные концепции и идеи этого направления, этот спор в течение почти трех десятилетий своего существования балансировал на границе с релятивизмом, наименее популярным и признаваемым направлением философии XX в. Аргументы Патнэма против метафизического реализма отвергают любую «точку зрения Бога», влекут «интернализм», принимают концепцию несоизмеримости концептуальных схем и релятивизацию реальности, описываемой эпистемическим агентом, к его опыту. Аргументы Рорти отвергают не только релятивизм, но и реализм, однако концепции этноцентризма и солидарности также принимают точку зрения, согласно которой стандарты истины соотносятся с концептуальной схемой, «социологизируются» и отвечают интересам большинства. Дж. Марголис увидел в этом споре не только уход в релятивизм, но и распознал его прагматистский потенциал, что дало ему возможность защитить релятивизм, предложив его надежную версию, и построить на развитии аргументов обеих сторон неопрагматистскую философию.

Ключевые слова: неопрагматизм, реализм, релятивизм, Х. Патнэм, Р. Рорти

Для цитирования: Косарев, А. В. (2020). Основания релятивизма Дж. Марголиса в споре Р. Рорти и Х. Патнэма. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.79-87. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2. 79-87

FOUNDATIONS OF RELATIVISM BY J. MARGOLIS IN THE POLEMIC OF R. RORTY AND H. PUTNAM

A. V. Kosarev

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
andrkw88@gmail.com

Abstract. The polemic about the realism of H. Putnam and R. Rorty is a remarkable event of the 20th century for a number of reasons. Forming within the analytical philosophy, and using the most relevant concepts and ideas of this direction as arguments, this polemic for almost three decades of its existence balanced on the border with relativism, the least popular and admitted direction of philosophy of the 20th century. Putnam's arguments against metaphysical realism reject any "point of view of God", entail "internalism", accept the concept of incommensurability of conceptual schemes and the relativization the reality described by the epistemic agent to his experience. Rorty's arguments reject not only relativism, but also realism, but his concepts of ethnocentrism and solidarity also take the view that the standards of truth

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 19-011-00437 «Неопрагматизм в философии науки: релятивизм и риторический поворот»).

correlate with the conceptual schemes, are "sociologized" and meet the interests of the majority. J. Margolis find in this polemic not only a retreat into relativism, but also recognized its pragmatistic potential, which gave him the opportunity to defend relativism, proposing its reliable (robust) version and building a neo-pragmatist philosophy on the development of the arguments of both sides.

Keywords: neopragmatism, realism, relativism, H. Putnam, R. Rorty

For citation: Kosarev, A. V. (2020). Foundations of relativism by J. Margolis in the polemic of R. Rorty and H. Putnam. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 79-87. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2. 79-87

Оценка XX в. современным неопрагматистом Р. Бернштейном как «века прагматизма» [Danavey, Frisina, 2006] выглядит вне контекста его собственного видения ситуации сверхоптимистичной. К 50-м годам в американских университетах популярность прагматизма сходит почти на нет. И хотя Дж. Дьюи, несмотря на преклонный возраст, все еще присутствует на публичных мероприятиях и конференциях, выступает с лекциями, однако публика воспринимает его скорее как легенду, «динозавра» интеллектуальной жизни США и мало соотносит его деятельность с прагматизмом. Укрепление аналитических позиций, философской и математической логики, философии науки, что во многом было связано с эмиграцией ряда идей из переживающей послевоенный кризис Европы, усиление популярности формальных подходов не оставляло шансов для прагматизма, в котором даже логика, если следовать точке зрения Дьюи, носила экзистенциальный и инструменталистский характер. На тот момент любой, кто предположил бы, что прагматистский проект, уступив свое место аналитической философии, завершился полным провалом, был бы недалек от истины, – настолько различными были основания этих двух направлений. Тем более удивительно, что спустя еще четверть века именно аналитическая философия послужила почвой для возрождения прагматизма и его нового подъема в той обновленной версии, которую предложил Дж. Марголис. Одной из отправных точек для этих процессов послужил один, практически частный спор о реализме и релятивизме.

Этот спор между Р. Рорти и Х. Патнэмом, наверное, можно отнести к наиболее парадоксальным событиям в философии XX в. Один из участников спора, Патнэм, как только ситуация обещала прийти к какому-либо согласию, кардинально менял свою точку зрения под влиянием аргументов другой стороны или в силу изменений собственных представлений. Формально оставаясь на точке зрения реализма, Патнэм, тем не менее, обращался к таким видам реализма, которые слабо согласовывались между собой, и очевидно, что аргументы, предложенные им и оппонентом в предшествующей фазе спора, теряли силу в последующей. Однако это мало что значило для существа спора, поскольку его оппонент, Рорти, каждый раз занимал резко провокативную точку зрения, теми или иными способами стремясь дискредитировать классическую философию. Его подход, рациональный и аргументированный по форме, по существу являлся самой настоящей вендеттой по отношению к тому способу философствования и тем позициям, на которых стояли аналитическая философия и Патнэм в частности, а потому вряд ли бы Рорти последовательно стал рассматривать возможность услышать и принять аргументы Патнэма. Наконец, обе

спорящих стороны, независимо от своих аргументов, обвиняли каждый другого в релятивизме, и тщательно защищали собственные позиции от релятивизма, несмотря на явные следы его присутствия в их концепциях пусть даже в некоторой ограниченной, слабой его версии. В своей обзорной работе по релятивизму Х. Зигель пишет: «Работы трех видных и влиятельных философов – Аласдера Макинтайра, Хилари Патнэма и Ричарда Рорти – тесно связаны с полемикой о релятивизме ... Интересно, что все трое явно отвергают релятивизм; тем не менее, все трое часто интерпретируются их комментаторами и критиками как релятивисты» [Siegel, 2004, p. 765]. Нужно понимать, что в годы, когда аналитическая философия находилась на пике своей значимости, в американской философии обвинение в релятивизме было фактически оскорблением, само слово «релятивизм» почти ругательством¹.

Как ни странно, этот спор, оставшийся безрезультатным для самих спорящих сторон, оказался значимым с точки зрения истории философии. Прежде всего, он дал толчок для появления жизнеспособной релятивистской концепции, которая в слабой форме² могла себе позволить не использовать бивалентную логику «истина/ложь», однако реализовать это можно было только изнутри прагматистских, но не аналитических установок, что, разумеется, повлекло дальнейшее укрепление неопрагматистских позиций. Кроме того, затянувшийся на десятилетия спор, вынужденно использующий самые актуальные проблемы и способы их решения, вовлекал в свою орбиту и самих аналитических философов, таких как Дэвидсон, Куайн и др., тем самым включая в дискуссию многие характерные для того момента концепции аналитической философии. Однако сама аналитическая философия вышла из этого спора в своей ослабленной версии. Термин «аналитический» допускает двоякое толкование, с одной стороны содержательное, например, как сциентизм, с другой стороны, процедурное, как крайне строгая дисциплина в отношении аргументированности и ясности позиции вне зависимости от дисциплинарного поля. К началу указанного спора философское сообщество толковало этот термин преимущественно в первом значении, а к его завершению (и не исключено, что в результате) почти разуверилось в том, что сциентизм, несмотря на свою впечатляющую строгость и формализм, действительно имеет хорошие перспективы.

Распознать в указанном споре его прагматистский потенциал сумел Джозеф Марголис, сегодня наиболее известный как философ, возродивший прагматизм в Америке и реабилитировавший релятивизм³. В самом подходе к этому спору и его оценке Марголисом ясно вырисовываются две перспективы: историческая (историко-философская)

¹ Сходное отношение к релятивизму можно найти в сборнике [Лекторский, 2015]. Однако нужно помнить, что защитников релятивизма в XX в. также было достаточно. Х. Зигель дает общее представление о главных из них: «... версии релятивизма, порожденные витгенштейновскими соображениями относительно использования языка, концептуальных схем или структур и «форм жизни»; «сильная программа» в социологии знания; множество совершенно разных позиций, которые можно было бы сгруппировать под заголовком «современный неопрагматизм»; и, что, пожалуй, наиболее удивительно, очень влиятельные работы в философии науки» [Ziegel, 2004, p. 750].

² Хотя сам Марголис называет эту версию релятивизма надежной (robust) [Margolis, 1991].

³ Очерк философии Марголиса см.: [Косарев, Вольф, 2017].

и прагматистская. Историко-философская перспектива заключается в том, что, обратив внимание на уникальность для американской философии происходящей между Рорти и Патнэмом дискуссии, Дж. Марголис решает запротоколировать весь процесс и составить то, что можно назвать формальным историко-философским отчетом, в котором отразить существо данного спора. Однако в итоге эта, казалось бы, простая задача вылилась в три тома, посвященных возрождению прагматизма, поскольку в процессе написания этих томов становилось понятно, что их задача уже вышла за рамки сухого историко-философского отчета. Она теперь заключалась в том, чтобы показать несостоятельность аналитической философии, по крайней мере, той ее части, которая непосредственно вовлекалась в спор Патнэма и Рорти, и обозначить преимущества нового прагматизма. Сам Марголис замечает, что его первая работа действительно носила сугубо «протокольный» характер и не претендовала на прагматистскую интерпретацию процессов, происходящих в аналитической философии, однако уже ее название – «Прагматизм без оснований» [Margolis, 2007] – обыгрывает колоссальный отрыв нового прагматизма от его истоков⁴. В последующих книгах Марголис отходит от историко-философских шаблонов и развивает поднятую тему дальше: во втором томе «Утрата сциентизма» он анализирует слабости аналитического направления [Margolis, 2003], а в третьем, «Преимущества прагматизма» (как и в ряде других работ) [Margolis, 2010; Margolis, 2012; Margolis, 2002], он показывает более выгодное положение прагматизма, по крайней мере в той ситуации, когда аналитическая философия сама не может последовательно придерживаться непротиворечивых аргументов и какой-то однозначной позиции. Фактически эти работы оформили теоретические основания для неопрагматизма, поскольку ни Рорти, ни другие его представители, занимая «стихийную» неопрагматистскую позицию, не ставили себе задачи ни сколько-нибудь последовательно оправдывать прагматизм, ни каким-либо образом институционализировать его.

Читателю в целом известно содержание разногласий Патнэма и Рорти, т.к. спор между ними неоднократно становился объектом внимания, в том числе и отечественных философов [Макеева, 1996; Джохадзе, 2011]. Мы же здесь хотим показать, как выстраивались взаимные аргументы сторон в пользу релятивистских позиций оппонента, что и позволило Марголису не только занять по отношению к каждой из спорящих сторон прагматистскую позицию как релятивистскую, но и существенно ее укрепить.

Итак, и Патнэм, и Рорти отвергают традиционную форму реализма – метафизический реализм. Как мы уже сказали, несмотря на то, что Патнэм крайне решительно заявлял о своем неприятии релятивизма, тем не менее, некоторые аспекты в его подходах заставляют говорить о нем как о релятивисте. Прежде всего его релятивистские интенции проявляют себя в критике «метафизического реализма», равно как и в формулировке и способах оправдания «внутреннего реализма», которые влекут «интернализм» и отвергают любую «точку зрения Бога», что дает Патнэму основания признать: «имеет ... смысл задавать вопросы только

⁴ Напомним, что одна из статей Ч. С. Пирса, «Как сделать наши идеи ясными» фактически посвящена поиску *оснований прагматизма*, и часто рассматривается как первый манифест этого направления [Пирс, 2000].

в рамках теории или описания», и что «“объекты” не существуют независимо от концептуальных схем» [Putnam, 1981, pp. 49-52]. Тем самым, продолжая защищать альтернативные разновидности реализма – внутренний и естественный, – Патнэм не может избежать определенной релятивизации, а именно, в случае обоих вариантов наиболее сильным его аргументом оказывается релятивизация реальности, описываемой эпистемическим агентом, к его опыту.

Рорти понимает релятивизм в стандартном протагоровском ключе, как «точку зрения, согласно которой каждое убеждение так же хорошо, как и любое другое» [Rorty, 1989, p. 37], и соглашается со стандартным набором аргументов самоопровержения, предложенных еще Аристотелем, что «релятивизм опровергает сам себя» [Rorty, 1991, p. 202; см. также: Вольф, 2017, с. 498-499]. Однако Рорти полагает, что такого варианта релятивизма «никто не придерживается» [Rorty, 1982b, p. 166], и взамен ему формулирует свою альтернативную позицию, которую в некоторых местах также называет «прагматизмом», разъясняя ее в терминах «солидарности» вместо ожидаемого и традиционно противопоставляемого релятивизму объективизма («объективности» у самого Рорти) [Rorty, 1991; Rorty, 1982a, p. xxxvii]⁵. Обсуждая необходимость существования каких-либо стандартов, чтобы избежать релятивизма, Рорти, однако, придерживается позиции, которая сама предполагает релятивизм: он «рассматривает обоснование как социологический вопрос», сводя его тем самым к мнению других членов сообщества: если большинство считает какой-либо тезис обоснованным, то именно он и должен приниматься [Rorty, 1993, p. 449]. На этих аргументах строится так называемый «этноцентризм» Рорти, к которому у Патнэма возникает больше всего претензий.

Каждый раз, когда сам Патнэм стремится отыскать наименее релятивизированные разновидности реализма, происходит ослабление его аргументов в пользу реализма. В частности, его отказ в рамках внутреннего реализма от концепции «истины» и подмена ее «рациональной приемлемостью», затем ее последующая идеализация в конечном итоге приведут Патнэма к естественному реализму в силу несоизмеримости конкурирующих трактовок этой «рациональной приемлемости» в разных концептуальных схемах, и тем самым, в силу отсутствия объективного критерия. Рорти, указывая Патнэму на то, что он каждый раз все глубже увязает в релятивизме, допускает, что это проблема самого реализма, и в свою очередь, отказывается от реализма любого рода, заменяя его своей концепцией этноцентризма, который, как ему представляется, способен избежать обвинений в релятивизме [Rorty, 1991, pp. 175-196, 203-210]. Рорти не собирается напрямую демонстрировать симпатии к релятивизму, наоборот, он заявляет, что некоторые могут смешивать релятивизм и анти-фундаментализм и анти-реализм, так вот, согласно Рорти, можно оставаться на таких позициях и не быть при этом релятивистом [Rorty, 1997]. Однако Патнэм показывает, что позиция Рорти непоследовательна, является самоопровергающей и в силу этого даже не его концепции, а он сам стоит на релятивистских основаниях [Putnam, 1990, pp. 20-26]. Иными словами, Патнэм, спасая реализм, формулирует концепции, в которых

⁵ О вариантах соотношения релятивизма и объективизма см.: [Вольф, 2017, с. 501-502].

возникает релятивизирующий элемент, который следует устранять поиском аргументов и выходов, тогда как Рорти, формулируя внутренне непротиворечивый концепт этноцентризма, базирующегося на солидарности, по мнению Патнэма [Putnam, 1990, pp. 23-26], крайне непоследователен и запутался в противоречиях.

Согласно Рорти, этноцентризм требует отбросить объективность в пользу причастности верам своего сообщества, т.е. если мы можем некоторое «сообщество» обозначить как большинство, то тогда этноцентричная стратегия будет означать, что принимая какую-то позицию, мы должны встать на сторону большинства в том случае, если наша личная вера будет расходиться с верой остальных. Тем самым мы проявляем солидарность на уровне одного сообщества как лояльность индивида определенной традиции, разделяемой всем сообществом. При этом солидарность, понимаемая как коммуникация несоизмеримых вер, распространяется не только на отношения индивид / большинство, но и на различные сообщества, выражая толерантность членов одного враждебного клуба другому [Rorty, 1991, pp. 203-210; Джохадзе, 2020].

При этом, во-первых, сам Рорти ни с кем не солидарен и, по крайней мере, резко противостоит мнению академического сообщества, к которому принадлежит [Джохадзе, 2020, с. 80]. Даже если заметить, что мы не можем быть членом только одного «клуба» и одновременно принадлежим разным группам (можем быть профессором университета и в то же самое время – болельщиком «Зенита»), и даже если допустить, что Рорти обращается к академическому сообществу не как *университетский профессор*, а как *свободный философ*, это тем более не дает ему права, стой он на позициях солидарности, не стремится включаться в заинтересованный разговор с целью наладить коммуникацию между разными концептуальными схемами. Во-вторых, если мы настаиваем на том, что все, что у нас есть – это неторопливый разговор, то нет нужды критиковать науку, поскольку она также ведет этот самый солидарный разговор, и значит к ней тоже нужно подходить не с позиций критики, а с позиций солидарности. И наконец, Патнэм полагает, что этноцентризм Рорти является релятивизмом, поскольку стандарты истины в нем соотносятся с концептуальной схемой. Рорти считает, что этот аргумент бьет мимо, поскольку он не признает «стандартов истины». Разумеется, такой ответ – уход от возражения, поскольку «мнение большинства», даже если отказать ему в объективности, все равно представляет собой некоторый стандарт истины для некоторого локального сообщества, членов «клуба».

Итак, из того, что сказано выше, видно, что спор Патнэма и Рорти действительно постоянно заходит в тупик, потому что они не только стоят на разных основаниях, но и отказываются хоть сколько-либо допустить состоятельность позиций контрагента. Кроме того, видно, что просто избавиться от релятивизма, независимо от предлагаемых решений, не удастся. Видит это и Марголис, который предлагает простое решение: если избавиться от релятивизма (даже) аналитическими средствами не удастся, то, вероятно, не стоит делать вид, что релятивизм не существует, и более последовательной выглядит позиция признания релятивизма вполне состоятельной концепцией. Марголис предлагает свой вариант эпистемологического релятивизма, который является существенно скорректированной версией релятивизма истины (в терминах Марголиса – реляционализма), т.н. надежный (*robust*) релятивизм, который, общих чертах, строится на исключении бивалентных значений

«истина» и «ложь» и переключается на «мультивалентные» («истина» и «не-истина»), или «истина-подобные» значения. Такой вариант релятивизма обладает некоторыми явными преимуществами перед реляционализмом, наиболее важным из которых является устранение парадоксов самореференции, о возникновении которых в релятивистских концепциях говорили Патнэм и Рорти [Margolis, 1991, pp. 8, 98-99, etc.]. Надежный релятивизм вызвал множество дискуссий и зачастую не самые лестные отзывы, особенно у аналитиков (многие писали, что Марголис излагает свою мысль неясно, что его язык труден, что у него в тексте множество повторов и мало строгих объяснений). Однако для наших целей важно не то, что Марголис сумел, включаясь в дискуссию Патнэма и Рорти, создать новую и весьма подверженную критике версию релятивизма. Мы скорее хотели подчеркнуть, что сам этот спор о *реализме*, хотя и не пришел к продуктивному результату, тем не менее строился с привлечением таких сугубо *прагматистских* допущений, как когнитивная «непрозрачность» мира, историчность и «социологичность» человеческого существования, наличие расходящихся и несоизмеримых концептуальных схем, что в свою очередь, при полной невозможности доказать постижимую сущность и «независимую» структуру мира, тем не менее ведет к весьма оптимистичным взглядам как в отношении познания, так и в отношении того, что релятивизм не только не блокирует познание мира, но и гарантирует непротиворечивые и состоятельные его формы. И что, по крайней мере, Дж. Марголис сумел распознать эту потенцию в данном споре.

Список литературы / References

- Вольф, М. Н. (2017). Софистический релятивизм: миф или реальность. *ΣΧΟΛΗ. Философское агиководение и классическая традиция*. Т. 11. № 2. С. 493-504.
- Volf, M. N. (2017). Sophistic Relativism: Fiction or Reality. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. Vol. 11. no 2. pp. 493-504. (In Russ.)
- Джохадзе, И. Д. (2011). Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме. *Эпистемология и философия науки*. Т. 30. № 4. С. 175-190.
- Dzhokhadze, I. D. (2011). Putnam vs. Rorty: Polemic on Pragmatism and Relativism. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 30. no 4. pp. 175-190. (In Russ.)
- Джохадзе, И. Д. (2020). Социоэтноцентризм Рорти: проблема обоснования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. № 24(1). С. 77-88.
- Dzhokhadze, I. D. (2020). Rorty's socio-ethnocentrism: the problem of its justification. *RUDN Journal of Philosophy*. no 24(1). pp. 77-88. (In Russ.)
- Косарев, А. В., Вольф, М. Н. (2017). Неопрагматизм Дж. Марголиса. *Идеи и идеалы*. Т. 2. № 2(32). С. 3-16.
- Kosarev, A. V., Volf, M. N. (2017). Joseph Margolis's Neo-Pragmatism. *Ideas and Ideals*. Vol. 2. no 2(32). pp. 3-16. (In Russ.)

Макеева, Л. В. (1996). *Философия Х. Патнэма*. М.

Makeeva, L. V. (1996). *Philosophy of H. Putnam*. Moscow. (In Russ.)

Пирс, Ч. С. (2000). Как сделать наши идеи ясными. *Избранные философские произведения*. М. С. 276-278.

Pierce, Ch. S. (2000). How to Make Our Ideas Clear. In *Selected philosophical works*. Moscow. pp. 276-278. (In Russ.)

Лекторский, В. А. (ред.) (2015). *Релятивизм как болезнь современной философии*. М.

Lectorskiy, V. A. (ed.) (2015). *Relativism as a disease of modern philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Рорти, Р. (1997). Релятивизм: найденное и сделанное. *Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст*. Ред. А. В. Рубцов. М. С. 11-44.

Rorty, R. (1997). Relativism: Finding and Making. In Rubtsov, A. V. (ed.) *Philosophical pragmatism of Richard Rorty and the Russian context*. Moscow. pp. 11-44. (In Russ.)

Danavey, Sh. G., Frisina, W. G. (eds.) (2006). *The Pragmatic Century. Conversation with Richard J. Bernstein*. Albany.

Margolis, J. (1991). *The Truth about Relativism*. Oxford & Cambridge.

Margolis, J. (2002). *Reinventing Pragmatism: American Philosophy at the End of the Twentieth Century*. Ithaca.

Margolis, J. (2003). *The Unraveling of Scientism: American Philosophy at the End of the Twentieth Century*. Ithaca.

Margolis, J. (2007) (2nd ed.). *Pragmatism without Foundations: Reconciling Realism and Relativism*. New York.

Margolis, J. (2010). *Pragmatism's Advantage. American And European Philosophy at the End of the Twentieth Century*. Stanford.

Margolis, J. (2012). *Pragmatism Ascendent. A Yard of Narrative, a Touch of Prophecy*. Stanford.

Putnam, H. (1981). *Reason, Truth and History*. Cambridge.

Putnam, H. (1990). *Realism with a Human Face*. Cambridge.

Rorty, R. (1982a). *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis.

Rorty, R. (1982b). Pragmatism, Relativism, and Irrationalism. In Rorty, R. *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis. pp. 160-175.

Rorty, R. (1989). Solidarity or Objectivity? In Krausz, M. (ed.) *Relativism: Interpretation and Confrontation*. Notre Dame. pp. 35-50.

Rorty, R. (1991). Objectivity, Relativism, and Truth. In Rorty, R. *Philosophical Papers*. Vol. 1. Cambridge.

Rorty, R. (1993). Putnam and the Relativist Menace. *The Journal of Philosophy*. no 90. pp. 443-461.

Siegel, H. (2004). Relativism. In Niiniluoto, I., Sintonen, M., Woleński, J. (eds.) *Handbook of Epistemology*. Springer Science + Business Media Dordrecht. pp. 747-780.

Сведения об авторе / Information about the author

Косарев Андрей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель отдела подготовки кадров в аспирантуре Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8. e-mail: andrkw88@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.11.2020

После доработки: 27.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Kosarev Andrew – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Postgraduate Training Department at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: andrkw88@gmail.com

The paper was submitted: 15.11.2020

Received after reworking: 27.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020

УДК 1(091)

ВИТГЕНШТЕЙН О НАМЕРЕНИИ И ТЕОРИЯХ ДЕЙСТВИЯ

К. А. Родин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rodin.kir@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются заметки Витгенштейна относительно «теорий» действия в более общем контексте проблемы интенциональных состояний. На примере статей Майкла Скотта (автор описывает исторический контекст некоторых теорий действия – кинестетической теории действия и теорий иннервации – выступивших объектом критики Витгенштейна) показано незначительное влияние историко-философской реконструкции на понимание соответствующих заметок Витгенштейна. Тексты позднего Витгенштейна направлены против сравнительно универсальных методологических и метафизических принципов. И поэтому критика отдельных теорий действия может выступать только в качестве факультативной иллюстрации и необязательным предварительным условием интерпретации и понимания.

Ключевые слова: Витгенштейн, намерение, действие, интенциональные состояния, кинестетический образ, философская проблема.

Для цитирования: Родин, К. А. (2020). Витгенштейн о намерении и теориях действия. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.88-94. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.88-94

WITGENSTEIN ON INTENTION AND THEORY OF ACTION

K. A. Rodin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rodin.kir@gmail.com

Abstract. In the article we examine Wittgenstein's notes on several action theories in general context of intentional states. We show (based on the articles of Michael Scott) that the kinesthetic theory of action and theories of innervation, which were the object of criticism of Wittgenstein, do not play an essential role for understanding Wittgenstein's texts and therefore in this case the influence of historical and philosophical reconstruction on the understanding of Wittgenstein's corresponding notes can be considered insignificant. Late Wittgenstein's texts are directed against comparatively universal methodological and metaphysical principles. And therefore, criticism of theories of action can only serve as an optional illustration and an optional precondition for interpretation and understanding.

Keywords: Wittgenstein, intention, action, intentional states, kinesthetic image, philosophical problem.

For citation: Rodin, K. A. (2020). Wittgenstein on intention and theory of action. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 88-94. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.88-94

Многие заметки позднего Витгенштейна имеют дело с «природой» намерения и грамматикой слова «намерение». Простой перебор значимых контекстов к теме интенции в рукописях и манускриптах Витгенштейна занял бы несколько страниц. Одновременно

«интенция» неразрывно переплетается в текстах Витгенштейна с разбором других понятий интенциональных состояний (например, желания и убежденности). Комментаторская историко-философская литература по теме насчитывает среди известных и влиятельных десятки источников (см., в частности, работы Криспина Райта). Однако и актуальное современное исследование «интенциональности» не обходится без ссылок на работы Витгенштейна (см., например: [Kalis, 2019]). Поэтому для историков философии закономерным становится вопрос о подходах к прочтению Витгенштейна: необходим ли исторический контекст (реконструкция критикуемых взглядов и концепций) или же лучшего понимания можно добиться в порядке актуализации заметок Витгенштейна по отношению к современным исследованиям по проблеме интенциональности (и пр.). Мы в нашей статье ограничимся лишь короткой иллюстрацией в оправдание второго подхода и сузим проблему намерения заметками Витгенштейна по теории действия. Действительно: теория действия – один из контекстов появления «намерения» в текстах Витгенштейна. В настоящей статье мы на примере обсуждения Витгенштейном теории действия (проблемы различия между намеренным и произвольным действием) продемонстрируем относительную неактуальность для понимания Витгенштейна реконструкции исторического контекста и критикуемых Витгенштейном теорий действия.

Известно: никакой специальной теории действия Витгенштейн не разрабатывал и никакие отдельные теории действия не подвергал критике или рассмотрению. Понятие воли и волевого произвольного (намеренного) действия интересовали Витгенштейна исключительно в контексте исследования внутренней грамматики языковых игр и связанных с языковыми играми разнообразных человеческих практик. Поэтому Витгенштейн обращается к отдельным теориям действия только на уровне примеров и с целью разоблачения-девальвации философских проблем – проблемы природы намерения или воли в намеренном волевом действии – и с целью демонстрации концептуальной путаницы и одновременно отсутствия реальных оснований для постановки и решения проблемы. Витгенштейн обычно дает простые и интуитивно понятные формулировки.

Процитируем § 621 «Философских исследований» [Wittgenstein, 1958]:

...когда «Я поднимаю мою руку» – моя рука поднимается. И возникает проблема: что останется, если я из того факта, что я поднимаю мою руку, вычту тот факт, что моя рука поднимается.

Любая теория действия должна будет иметь дело с вариантами подобного вопроса. Обозначим остаток за X . На протяжении нескольких параграфов Витгенштейн разбирает различные варианты: вместо X можно подставить кинестетическое ощущение (сохранившийся в памяти процесс осуществленного действия), намерение, интенцию, волю или сознание, неопределенное ментальное состояние или акт, иннервацию и прочее. Намеренность действия (вместе со способностью отличить намеренное произвольное действие от произвольного) можно объяснить наличием предваряющего кинестетического ощущения или как-то иначе. Волю можно попытаться свести к ощущению. Но X должен обосновывать различие между произвольным и произвольным действием.

Так можно кратко описать проблему.

Майкл Скотт реконструировал контекст соответствующих параграфов «Философских исследований» (см.: [Scott, 1996] и [Scott, 1998]). Оказывается: Витгенштейн в первую очередь критикует идеомоторную теорию действия Уильяма Джеймса. В идеомоторной теории воля редуцируется к представлению: опыт однажды совершенного действия якобы отпечатывается в памяти в виде кинестетического образа и в дальнейшем через воспоминание гарантирует намеренность совершаемого действия. В произвольном (намеренном) действии кинестетический образ выполняет роль своего рода маршрутной карты (или пускового механизма) для намеревающегося совершить произвольное действие. Иначе: в намеренном действии субъект пытается воспроизвести по кинестетическому образу приводящее к известным результатам действие. Следовательно: намеренное действие – почти как идеомоторный акт (цепочка связанных идеомоторных актов), когда представление о сокращении мышц приводит к произвольному действительному сокращению мышц и обеспечивает намеренный характер действия.

Для Витгенштейна некоторые случаи намеренного волевого действия, очевидно, фальсифицируют идеомоторную теорию. Пример, есть не связанные с кинестетикой намеренные действия (счет в уме и пр.). С другой стороны, кинестетический образ можно вызвать в памяти волевым усилием (будет воспроизводиться регресс до бесконечности: намерение иметь намерение). И поэтому волю невозможно редуцировать к представлению.

Такие примеры из Витгенштейна легко изложить в форме аргументов против идеомоторной теории (что и сделал в упомянутых статьях Майкл Скотт).

Майкл Скотт перечисляет возможные аргументы Витгенштейна и против различных теорий иннервации: против ощущения иннервации как единственного и достаточного условия намеренности совершаемого действия (в таких теориях вместо идеи-представления воля редуцируется к ощущению). Мы не будем их воспроизводить.

В совершенно общем виде критические замечания Витгенштейна можно представить через последовательное отрицание различных ментальных (произвольно сконструированных) посредников между субъектом и намеренным действием. Намеренность действия определяется общностью человеческих практик и языковых игр (внутри которых намеренность действия в обычных условиях не вызывает сомнений).

Люди легко различают произвольные (намеренные) и непроизвольные действия.

Намеренные действия сознательны.

Мои намеренные действия не удивляют меня и не кажутся странными.

Намеренное действие (движение) я всегда могу прекратить.

От меня ожидают намеренных действий вследствие приказа или просьбы.

Намеренные действия – последовательные и скоординированные (целенаправленные).

Намеренные действия связаны с осознанным решением действовать.

Намеренные действия расцениваются другими людьми всегда определенным образом и могут повлечь определенные последствия (хотя бы и в юридическом смысле). И прочее¹.

Нам трудно понять стратегию Майкла Скотта. Выше мы кратко воспроизвели избранные положения из указанных статей. Пред нами или реконструкция логики рассуждений Витгенштейна, или восстановление исторического контекста. В рамках историко-

¹ Намерение – важная тема в современной философии морали. Косвенным образом Витгенштейн – через Элизабет Энском – постоянно сопутствует современным обсуждениям проблемы природы намерения.

философской работы важность контекста отрицать трудно. Однако отрицать важность контекста при чтении (и понимании) Витгенштейна вполне возможно.

Майкл Скотт настаивает на важности исторического контекста различных теорий действия при чтении Витгенштейна (будто в противном случае текст будет трудно или невозможно понять). В итоге складывается картина: существует проблема – проблема остатка *X* и связанная проблема различия между произвольными (намеренными) и непроизвольными действиями – и существуют различные варианты решения проблемы (критически разобранные и отвергнутые Витгенштейном) – и существует отдельная позиция Витгенштейна. Относительно Витгенштейна такая картина не кажется правдоподобной. Для Витгенштейна философская проблема должна быть изгнана. В основе любой философской проблемы лежит, согласно Витгенштейну, путаница и непонимание внутренней грамматики языка. Но перечисление обычных способов различения между произвольными и непроизвольными действиями в контексте обычных языковых игр и практик не решает задачу. Пусть даже у Витгенштейна был ответ на проблему. Тогда такой ответ много проще перечисления обстоятельств и языковых игр по различению произвольных и непроизвольных действий. Витгенштейн говорит о естественном выражении намерения: взгляни на кошку, подкрадывающуюся к птице, или на зверя, который хочет убежать (§ 647). Очевидно предполагается радикальный редукционизм до полного исчерпания поставленной в § 621 проблемы. Витгенштейн будто задает читателю два направления: необходимо распознать ошибочность или иногда даже нелепость философских попыток отличить и обособить намерение от действия. И необходимо увидеть неотличимость намерения-воли от действий и обстоятельств. Различные теории действия служат эпизодическими примерами и иллюстрациями и больше соответствуют первому направлению.

Нам кажется важным второе направление. Мы близко к тексту воспроизведём рассуждения Витгенштейна из некоторых параграфов.

Параграф 642. «Я ненавижу его в тот момент». Или хотел обидеть. Ненависть можно вспомнить, разыграть, но всегда только вместе с сопутствующими действиями, например, с сопутствующим выражением лица. Пусть намерение (смысл слов и действий) диктовалось ненавистью. И теперь стыдно. Но стыдно не за намерение. В связи с предшествовавшими обстоятельствами всегда вспоминаются мысли и чувства или слова (§ 645). Иногда я не могу вспомнить отдельные слова или действия, и, кажется, помню только намерение, или чувство ненависти, с которым что-то было сказано или сделано. Но и здесь намерение не отличить от действий, мыслей и обстоятельств. Или можно отличить, но только через определенный тип воспоминания – через ретроспективное вменение себе ненависти как основного мотива и смысла действий. Но здесь я тогда что-то хочу сказать о самом себе (§ 659). Намерение невозможно во временном отношении отделить от действия (или только ретроспективно). Поэтому намерение становится неотличимым от последующего ретроспективного вменения или может быть обособлено только как последующее ретроспективное вменение. Итак: намерение не предшествует во времени и неотделимо от действия. Однако любые попытки определить намерение (или волю-сознание, или ментальные состояния, или ощущения, или воспоминания) в качестве причины (или основания, или оправдания) акта совершения или факта осознанности (произвольности) действия неизбежно должны исходить из какого-то обособления намерения.

Обратимся к нескольким параграфам из «Zettel» [Wittgenstein, 1967]. Там намерение обсуждается уже безотносительно теорий действия. Общий контекст разговора задается рядом очевидно прямых утверждений. Например:

...гармонию между мыслью и действительностью следует искать в грамматике языка (§ 55) (пер. В. Анашвили).

Поэтому наведение мостов между сознанием или интенциональными состояниями и действительностью (между намерением и действием) не требуется. Теоретическая конструкция интенциональных состояний напоминает несуществующий глагол со значением «сформулировать намерение в словах или других знаках...». Такой глагол не совпадал бы по значению с нашим глаголом «намереваться» (§ 49). Метафизическая конструкция интенциональных состояний просто не совпадает и фактически никак не связана с употреблением понятий «намереваться» и пр. Из странной потребности придать намерению фиксированный смысл (или указать на сознание как на некий неопределимый источник и вместилище намерений) в противоречии с реальным контекстом языковых игр (только через которые и только внутри которых понятие намерения имеет смысл) формулируется несуществующая проблема.

Намерение (интенция) не является ни душевным порывом, ни настроением, ни ощущением или представлением. Оно – не состояние сознания. У него нет подлинной длительности (§ 45).

Из параграфа очевидна несостоятельность для Витгенштейна идеомоторной теории действия и теорий иннервации. Хотя Витгенштейн обсуждает здесь (и в нескольких ближайших параграфах) «длительность» намерения (отсутствие подлинной длительности у намерения), никакой вариант интенционального определения намерения не может считаться верным. Возможная и почти автоматически выводимая критика отдельных теорий действия играет подчиненную роль, и исторический контекст таких теорий не имеет значения. Намерение непосредственно связано с ситуацией (ситуация порождает намерение) и неотлично от ситуации (§ 67).

Есть лишь один способ описания намерения в отрыве от действия (или ситуации намеренного действия) – ретроспективный: иногда требуется описать совершенные действия как намеренные или ненамеренные – с определенной точки зрения и с определенной целью. И тогда «я рисую определенный портрет процессов» (§ 23). Подобное описание возможно в рамках отдельной языковой игры (или языковых игр) и не должно служить основанием для поисков объективной «природы» намерения и намеренного действия.

Итак, нам удалось воспроизвести некоторые линии в рассуждении Витгенштейна относительно намерения (и уже безотносительно критики теорий действия):

Намерение нельзя рассматривать в качестве отдельного интенционального состояния сознания.

Намерение не объясняет (и в причинном отношении тоже не объясняет) намеренного действия.

Намерение неотлично от соответствующей ситуации намеренного действия.

О намерении можно говорить независимо от ситуации намеренного действия только ретроспективно – в порядке участия в языковых играх (например: языковая игра вменения вины).

Заметки о намерении у Витгенштейна переплетены с многочисленными другими темами и контекстами, с описанием других «интенциональных состояний». Однако в невозможности отделить намерение от ситуации намеренного действия усматривается общая и центральная для Витгенштейна тема «внутренних отношений» (см. подробнее: [Macha, 2015]) («объекты» находятся во внутреннем отношении, если невозможно представить их вне этого отношения). Собственно: прояснению внутренних отношений между грамматикой языка и действительностью и должен был служить критический разбор различных теорий действия. Но знание конкретных теорий (с которыми совершенно бегло полемизирует Витгенштейн) вовсе не необходимо для правильного понимания текста. Нам представляется интересным другой подход: читать Витгенштейна лучше (даже в рамках историко-философской работы) без налагаемых историческим контекстом ограничений (сам Витгенштейн принципиально ссылается на очень небольшое число предшествующих философов или философских произведений) и пытаться соотнести заметки Витгенштейна с современными исследованиями.

Список литературы / References

Kalis, A. (2019). No Intentions in the Brain: A Wittgensteinian Perspective on the Science of Intention. *Frontiers in Psychology*. 10:946. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00946

Macha, J. (2015). *Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections*. Bloomsbury.

Scott, M. (1996). Wittgenstein's philosophy of action. *The Philosophical Quarterly*. no 46(184). pp. 347-363. DOI 10.2307/2956446

Scott, M. (1998). The Context of Wittgenstein's Philosophy of Action. *Journal of the History of Philosophy*. no 36(4). pp. 595-617. DOI: 10.1353/hph.2008.0962

Wittgenstein, L. (1958). *Philosophical Investigations*. G.E.M. Anscombe, R. Rhees. (transl.). Oxford.

Wittgenstein, L. (1967). *Zettel*. G.E.M. Anscombe, G. H. von Wright (eds.). G.E.M. Anscombe (transl.). Oxford.

Сведения об авторе / Information about the author

Родин Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-6582-8939>

Статья поступила в редакцию: 20.10.2020

После доработки: 18.11.2020

Принята к публикации: 28.11.2020

Rodin Kirill – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-6582-8939>

The paper was submitted: 20.10.2020

Received after reworking: 18.11.2020

Accepted for publication: 28.11.2020

УДК 1 (091)

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ: ИСТОКИ НЕОСТОИЦИЗМА ЮСТА ЛИПСИЯ

А. А. Санжеников

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
sanzenakov@gmail.com

Аннотация. В статье на примере неостоицизма Юста Липсия (1547-1606) показано, что существует целый набор причин реновации и институализации философской школы: исторический контекст, образовательная среда, окружение, личность и биография ее лидера. В случае с Юстом Липсием – филологом и издателем античных текстов (Тацит, Сенека) – следующие факторы оказали влияние. Поскольку Липсий жил в беспокойное время (весь XVI век был ознаменован Реформацией и религиозными войнами), постольку он не мог не обратить внимание на стоическую философию, призванную дать душевное спокойствие в неустроенном мире. Свою роль сыграло и блестящее образование, которое он получал сначала в иезуитском колледже, затем в двух университетах – Кельнском и Лувенском. В ходе обучения ему была привита любовь к античной словесности, которая предопределила его работу. Его личность от природы незаурядного человека сформировалась в университетском окружении и в интеллектуальных кругах того времени. Например, он был членом религиозной секты фамилистов, основатель которой учил помимо всего прочего о допустимости смены конфессии. Интерпретация стоической доктрины Липсием говорит о том, что среди античных философов стоики ближе всего подошли к христианству. Все эти факторы определили возрождение стоицизма в XVI в.

Ключевые слова: стоики, неостоицизм, Сенека, Юст Липсий, философская школа, исторический контекст.

Для цитирования: Санжеников, А. А. (2020). Институализация философской школы: истоки неостоицизма Юста Липсия. *Respublica Literaria*. Т. 1. №. 2. С.95-101. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.95-101

INSTITUTIONALIZATION OF A PHILOSOPHICAL SCHOOL: THE ORIGINS OF JUSTUS LIPSIUS' NEOSTOICISM

A. A. Sanzenakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
sanzenakov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of the neostoicism of Justus Lipsius (1547–1606) in order to show that there is a set of reasons for the renovation and institutionalization of any philosophical school: the historical context, education, community, personality and biography of its leader. As for Justus Lipsius, a philologist and publisher of ancient texts (Tacitus, Seneca), the following factors influenced. Since Lipsius lived in turbulent times (the 16th century was marked by the Reformation and religious wars), he could not help but pay attention to Stoic philosophy, designed to give peace of mind in an unsettled world. Lipsius received an excellent education at a Jesuit college and at two universities – Cologne and Louvain. He was instilled in a love of ancient literature during his education, which predetermined his work. He was an outstanding person by nature and was formed in the university environment and in the intellectual circles of his time. He was, for instance, a member of the Familists, whose founder taught, among other things, the

permissibility of changing denominations. Lipsius's interpretation of the Stoic doctrine suggests that the Stoics came closest to Christianity, unlike other ancient philosophers. All these factors determined the revival of Stoicism in the 16th century.

Keywords: Stoics, neostoicism, Seneca, Justus Lipsius, philosophical school, historical context.

For citation: Sanzhenakov, A. A. (2020). Institutionalization of a philosophical school: the origins of Justus Lipsius' neostoicism. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 95-101. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.95-101

Истории философии известно множество примеров возникновения, развития, расцвета, увядания и возрождения философских школ. Мы знаем о пифагореизме и неопифагореизме, о платонизме и неоплатонизме. Временной период между зарождением, институализацией, угасанием одной школы и возникновением ее идей в новом социокультурном контексте может быть воистину огромным. Достаточно вспомнить о неоаристотелизме [См. напр.: Armstrong, 2010; Блохина, 2014] – широком и разнонаправленном движении прошлого века, влияние которого мы ощущаем и по сей день. Стоическую школу не минула такая же судьба и подобно фениксу она возрождалась множество раз в самые различные периоды. Существует несколько вариантов неостоицизма, включая самый последний – проект «New Stoa» [Гаджикурбанова, 2005, с. 199; Becker, 1998]. В настоящей статье нам хотелось бы рассмотреть неостоицизм Позднего Возрождения и определить, какие факторы способствовали реновации и становлению стоицизма в этот период.

Для начала расскажем вкратце о фламандском гуманисте, основателе неостоицизма Позднего Возрождения Юсте Липсии (лат. *Justus Lipsius*) (1547–1606). Он получил хорошее образование – сначала в иезуитской гимназии, затем в Кельнском и Лувенском университетах. Два года он провел в Риме под патронажем кардинала Антуана де Гранвелле, где познакомился с римскими гуманистами. После возвращения Липсий некоторое время работал в Лувене, затем в Вене, после два года преподавал в Йенском лютеранском университете (1572–1574 гг.). В 1578 он стал профессором кальвинистского Лейденского университета. Здесь он написал две свои знаменитые работы – «О постоянстве» (*De Constantia*, 1584) и «Политика» (*Politicorum sive civilis doctrinae*, 1589). В 1592 г. он покидает Лейден и возвращается в Лувен, чтобы остаться там до конца своих дней.

Хотя Липсий знаменит прежде всего своими политическими трактатами, у него есть и значительные историко-философские работы, в которых он излагает стоическую философию. В 1604 г. он издает «Руководство по стоической философии» (*Manuductionis ad Stoicam Philosophiam*) и «Физику стоиков» (*Physiologia Stoicorum*), в которых он проводит исследование доктрины стоиков и выступает их защитником. Эти работы вызывают особенный интерес, если учесть, что стоицизм был для нашего автора не только историческим предметом, но и вполне актуальным учением, которое он пытался адаптировать к современным ему условиям. Так, в своем самом знаменитом произведении «О постоянстве в дни общественных бедствий» (*De Constantia in publicis malis*) он обращается к стоической философии, чтобы ободрить своих современников, на долю которых выпало жить и работать в годы разрухи и войны. Наконец, его издание текстов Сенеки полностью завершает его

портрет – перед нами, во-первых, блестящий филолог и хороший знаток античных текстов¹, во-вторых, историк философии, реконструирующий как учение стоиков в целом, так и его отдельные стороны, в-третьих, продолжатель стоической традиции, основатель нестоицизма².

Чем был обусловлен интерес Липсия к стоицизму? Почему он избрал именно эту философскую систему в качестве главного источника вдохновения? Личные интересы стали определяющими или запросы общества, в котором Липсию довелось жить и работать? Эта статья призвана найти ответы на эти вопросы.

Исторический контекст. Прежде всего следует сказать, что XVI в. был ознаменован Реформацией и Контрреформацией, и связанными с ними междоусобными войнами. Герой нашей статьи родился в 1547 г., когда закончилась Шмалькальденская война – первый крупный вооруженный конфликт между католиками и протестантами. Спустя два года после начала обучения Липсия в колледже (1562 г.), во Франции начались религиозные войны, которые продлились до конца XVI в. Непосредственным образом на жизненный путь Липсия влияет Война за независимость Нидерландов (или первый этап Восьмидесятилетней войны). По некоторым свидетельствам решение остаться в Йене в 1572 г. было принято Липсием в связи с тем, что войска Вильгельма Оранского заняли ряд городов, включая Лувен и Мехелен [Новикова, 2005, с. 28]. Все эти обстоятельства сформировали резко отрицательное отношение Липсия к войне в целом и к гражданской войне в частности. Последний вид он считал одним из самых страшных бедствий, которое «опаснее и хуже тирании или несправедливой власти» [Там же, с. 378]. Поэтому неслучайно шестая книга «Политики» посвящена рассмотрению причин возникновения гражданских войн и способам их предупреждения.

Образование. Помимо исторической обстановки того времени, нам нужно знать и образовательный путь Липсия. В 1559 г. он прибыл в *Gymnasium Tricoronatum*, который был основан двумя годами ранее иезуитами, и планировался как оплот в борьбе с Реформацией [Kluyskens, 1974, p. 244]. Его дарования были сразу отмечены ректором колледжа Леонардом Кесселем, который в одном из писем заметил, что молодой человек обещает стать в будущем хорошим философом. Учебное заведение находилось «под крылом» Общества Иисуса, и именно благодаря иезуитам и их новой учебной программе, в которой уделялось большое внимание гуманитарным дисциплинам, юный Липсий полюбил античные тексты и заключающуюся в них мудрость: «отцы из Общества Иисуса ... обучили меня риторике и философии ... В 1563 г. меня привлекли литература и древности, вкус и любовь к которым внушил мне в Кельне Герард Кемпийский, учитель греческого языка». «Другими учителями Липсия в Кельне были Иоанн Оранус Льежский (риторика) и Арнольд Хавенс (философия)» [Новикова, 2005, с. 24].

Окружение. Поскольку всю свою жизнь Липсий преподавал, у него было много учеников, но среди множества рядовых студентов были особенно близкие приверженцы,

¹ Известно, что Липсий был настолько уверен в своем безупречном знании античных текстов, что готов был на спор процитировать по памяти отрывок из Тацита с приставленным к его животу кинжалом, с условием быть зарезанным, если он допустит ошибку лишь в одном слове [Grafton, 1987, p. 382].

² Как отмечают исследователи, нестоицизм Липсия представляет собой первое систематическое возрождение римского стоицизма со времен Античности [Morford, 1991, p. xiii].

составляющие некое *contubernium* (лат. тесное товарищество). Самые преданные из них запечатлены на картине Рубенса «Четыре философа» – Питер Пауль (Pieter Paul), Филип Рубенс (брат художника) и Йоханн Вувериус (Johannes Woverius) (1576-1636), который учился в Лувене и был любимым учеником Липсия, жил в его доме с 1595 по 1599 г., стал одним из его душеприказчиков.

Известно, что Липсий «имел сильные идейные и личные связи с фамилизмом» [Новикова, 2005, с. 67]. Фамилисты представляли собой религиозную секту, объединявшую интеллектуалов Нидерландов, Германии и Англии. Основатель этой секты учил о том, что после первого грехопадения произошло второе – плоть одержала победу над духом, а христианское учение было искажено. Для исправления был послан новый пророк – основатель этой секты Хендрик Николис, который проповедовал доктрину «невидимой церкви», к которой может принадлежать любой человек. Через подражание Христу члены секты совершенствовали свою нравственность. Свою секту они называли Домом любви (*huys der liefden*). При всех своих разногласиях с официальными властями, лидер секты учил не выказывать открытого несогласия ни с представителями светской власти, ни с церковниками, что говорит о его компромиссной позиции³, схожей с известным высказыванием Эпикура – «Живи незаметно!» (*λάθε βίωσας*), а также с взглядами стоиков, согласно которым есть истинные божественные законы, которым могут противоречить законы отдельного государства, но в идеале следует подчиняться и тем, и другим. Поэтому римский император-стоик считал себя как гражданином Рима, так и гражданином мира в целом, и тем самым старался гармонизировать частные и общие интересы: «город и отечество мне, Антонину, – Рим, а мне, человеку, – мир; а значит, что этим городам на пользу, то мне только и благо» [Марк Аврелий, 1993, с. 34].

Личность. Липсий трижды менял вероисповедание⁴, чтобы, как полагают некоторые исследователи, безопасно и комфортно работать в охваченной религиозными войнами Европе. В этом можно усмотреть стоическую позицию, согласно которой высшим законом является божественный закон, и прежде всего следовать надо ему, но не стоит и пренебрегать локальными конвенциями, не забывая, что они условны и временны. Другая аналогия, которая напрашивается в этом случае – это соотношение блага и предпочитаемого безразличного, двух категорий этики стоиков. Человек обязан, безусловно, стремиться к благу (иначе говоря, к добродетели), но следует принимать во внимание и условные ценности – жизнь, здоровье, материальное благосостояние, то, что они называли предпочитаемым. Таким образом, мы видим, что для Липсия стоическая философия является не мертвой догмой, но актуальным руководством жизни.

Стоицизм и христианство. Интерпретация стоической философии во многом может пролить свет на главный вопрос статьи – почему так получилось, что именно стоическое

³ Другой приметой его свободомыслия является мнение о том, что вероисповедание можно менять «в случае необходимости» [Новикова, 2005, с. 70].

⁴ В колледже он вступает в иезуитское Общество Иисуса, затем во время работы в лютеранском университете Йены (1572–1574) и кальвинистском университете Лейдена (1579–1590) он принимает протестантизм. Примирение с католической церковью происходит в 1590 г. в Лувене, где он провел свои последние годы, преподавая в католическом университете.

учение довелось возродить Липсию? Начнем с того, что наш герой понимает добродетель вполне в стоическом духе – это благо, к которому надо стремиться безусловным образом, и которого достаточно для счастья. Он полагает, что тот, «кто обладает Добродетелью, у того есть все блага» [Липсий, 2005, с. 331]. В своем понимании добродетели и других этических понятий Липсий опирался прежде всего на Сенеку. Особенно на него повлияли такие трактаты Сенеки, как «О стойкости мудреца» (*De Constantia*) и «О душевном спокойствии» (*De tranquillitate animi*) [Lagrée, 2004, p. 150]. С точки зрения Липсия, стоическую школу выделяет мужественность, на фоне которой прочие учения кажутся более мягкими и снисходительными. Тезис о том, что только добродетель является благом, уводит нас от земного и телесного, и приводит нас к тому, что подлинно и вечно [Lipsius, 1997, p. 203]. Отказ от телесных благ в пользу духовных импонирует Липсию, поскольку напоминает ему христианство. Так, он видит в словах Эпиктета о том, что добродетель в нашей власти, в том время как тело – нет, выражение духа Священного Писания [Ibid, p. 204].

Особенности филологии Липсия. Мы по праву можем говорить о «филологии Липсия», потому что он, как полагают некоторые исследователи, создал «бренд филологии, которая отвечала текущим практическим нуждам» [Grafton, 1987, p. 386]. Рассказывая о римской армии, например, он излагал не просто факты, но пытался извлечь мудрость из древних текстов, что в итоге вызвало большой интерес к его работам не только со стороны ученых, но и со стороны военных [Ibid, p. 387]. В «Шести книгах политики» (1589) он предлагает вполне практические советы, как организовать армию, как подавить инакомыслие, какие уловки можно использовать политику, а от каких стоит отказаться. «Он блестяще смешал полностью традиционные, даже классические ингредиенты таким образом, что из них получилась ультрасовременная смесь» [Ibid]. В своей «Политике» Липсий настаивает, что государственный муж должен руководствоваться максимой Сенеки: «Если хочешь взять власть над всем, отдай власть над собою Разуму. Многим будешь ты повелевать, если Разум будет повелевать тобою; он научит тебя, как и за что братья» (Письмо XXXVII) [Липсий, 2005, с. 317]. Если Разум – путеводная нить для политика, как полагает Липсий, то выгода – это ложная тропа, по которой, согласно Липсию, пошел Макиавелли, чей ум автор «Политики» признает как «острый, тонкий и огненный», но чья интуиция не повела «своего Государя в храм Добродетели» [Там же, с. 318]. При этом наш автор честно признается относительно своего произведения: «все здесь наше и ничто», ибо «слова и мысли мы прилежно отобрали из различных древних писателей» [Там же]. Таким образом, филология Липсия не была «игрой в бисер», но носила прикладной характер, а его обращение к древним писателям было не простым почтением (признавая, например, Аристотеля в качестве одного из самых величайших политических философов, он в то же время отмечает, что он писал «о государстве в общем и целом»), но аккуратным апроприированием мудрости веков.

Заключение. Рассмотрев неостоицизм Юста Липсия, мы можем прийти к выводу, что реновация стоической доктрины в XVI в. произошла по целому ряду причин. Прежде всего, бросается в глаза сложная историческая обстановка: век Реформации и религиозных войн порождал сумятицу и неустроенность, которые в свою очередь создавали благоприятную почву для стоицизма – учения призванного даровать спокойствие и душевное равновесие в кризисное время. С другой стороны, важную роль сыграло и блестящее образование Липсия,

которое не могло не предопределить его интерес к античной литературе. Иезуиты, у которых Липсий обучался в колледже, уделяли большое внимание гуманитарным дисциплинам, отказавшись от схоластических методов обучения. Личность Липсия – природный ум, получивший огранку в интеллектуальном окружении – также предопределила его склонность к изучению Античности. Важным фактором становления его личности было участие в секте фамилистов. Компромиссная позиция их лидера (выраженная в нейтралитете по отношению к светской и церковной властям) наложила отпечаток на нашего героя, который на протяжении жизни несколько раз менял вероисповедание. Такое свободное отношение к серьезным (по тем временам) вопросам говорит о глубоком понимании стоического тезиса об условности земных законов. Все вышеперечисленные факторы предопределили научный интерес Липсия к стоической философии и привели к возрождению стоицизма в новом историко-культурном контексте.

Список литературы / References

Блохина, Н. А. (2014). Онтология Дэвида Армстронга и Аристотеля: незеркальное отражение. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. № 4. С. 65-82.

Blokhina, N. A. (2014). David Armstrong's and Aristotle's ontology: nonspecular reflection. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. no. 4. pp. 65-82. (In Russ.)

Гаджихурбанова, П. А. (2012). *Этика Ранней Стои: учение о должном*. М.

Gadzhikurbanova, P. A. (2012). *Ethics of the Early Stoa: the Doctrine of Due*. Moscow. (In Russ.)

Марк Аврелий. (1993). *Размышления*. Пер. А. К. Гаврилова. СПб.

Marcus Aurelius. (1993). *Meditations*. Transl. A. K. Gavrilova. St. Petersburg. (In Russ.)

Новикова, О. Э. (2005). *Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547-1606)*. М.

Novikova, O. E. (2005). *Politics and Ethics in the Age of Religious Wars: Justus Lipsius (1547-1606)*. Moscow. (In Russ.)

Липсий, Ю. (2005). Шесть книг политики или государственного учения, рассматривающие по преимуществу монархию. Пер. О. Э. Новиковой. *Новикова, О. Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547-1606)*. М. С. 315-386.

Lipsius, J. (2005). Six Books on Politics or Civil Doctrine. Transl. O. E. Novikova. In *Novikova, O. E. Politics and Ethics in the Age of Religious Wars: Justus Lipsius (1547-1606)*. Moscow. pp. 315-386. (In Russ.)

Armstrong, D. M. (2010). *Sketch for a Systematic Metaphysics*. N.Y.

Becker, L. C. (1998). *A New Stoicism*. Princeton.

Grafton, A. T. (1987). Portrait of Justus Lipsius. *American Scholar*. Vol. 56. no. 3. pp. 382-390.

Kluyskens, J. (1974). Justus Lipsius (1547-1606) and the Jesuits: with four unpublished letters. *Humanistica Lovaniensia*. Vol. 23. pp. 244-270.

Lagrée, J. (2004). Constancy and Coherence. In Strange, S. K., Zupko, J. (eds.). *Stoicism: Traditions and Transformations*. Cambridge. Cambridge University Press. pp. 148-176.

Lipsius, J. (1997). A Guide to Stoic Philosophy in Three Books: Selections. Transl. R. V. Young. In Krayer, J. (ed.). *Cambridge Translations of Renaissance Philosophical Texts. Vol. 1: Moral philosophy*. Cambridge University Press. pp. 200-209.

Morford, M. (1991). *Stoics and Neostoics. Rubens and the Circle of Lipsius*. New Jersey.

Сведения об авторе / Information about the author

Санжениаков Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5789-6632>

Статья поступила в редакцию: 20.11.2020

После доработки: 28.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Sanzhenakov Alexander – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5789-6632>

The paper was submitted: 20.11.2020

Received after reworking: 28.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020

УДК 1 (091)

ПРОДИК КЕОССКИЙ. ФРАГМЕНТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА¹

Т. М. Суворкина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

Е. В. Афонасин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

afonasin@gmail.com

Аннотация. Продик Кеосский по праву считался одним из самых знаменитых софистов своего времени. Его интерес к изучению языка, результатом которого стал метод сопоставления синонимичных слов для определения их точного значения и выявления различий, возможно, был вызван скептическим отношением современников к тому, что можно считать реальным, равно и к моральному релятивизму, проистекавшему из подобных воззрений. Можно предположить, что Продик оказал глубокое влияние на Сократа. Настойчивое требование Продика выявлять различия между почти идентичными по значению словами, вероятно, подтолкнуло Сократа к собственному подходу к философии и точному определению моральных аспектов. Данная публикация включает в себя доксографические сообщения о жизни Продика и его сочинениях.

Ключевые слова: софистика, история лингвистики, риторика, убеждение.

Для цитирования: Суворкина, Т. М., Афонасин, Е. В. (2020). Продик Кеосский. Фрагменты и свидетельства. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.102-119. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.102-119.

PRODICUS OF CEOS. FRAGMENTS AND TESTIMONIA

T. M. Suvorkina

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

E. V. Afonasin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

afonasin@gmail.com

Abstract. Prodicus of Ceos was rightfully considered one of the most famous sophists of his time. His interest in language learning, which resulted in a method of comparing synonymous words to determine their exact meaning and identify differences, may have been due to the skepticism of his contemporaries about what can be considered real as well as a form of moral relativism, arising from such views. One may say that Prodicus had a profound influence on Socrates, and his insistence on identifying differences between words of almost identical meaning prompted Socrates to adopt his own approach to philosophy, centered on precise definitions of various moral issues. The present publication contains a collection of scant doxographic evidence about Prodicus' life and writings.

Keywords: sophistics, history of linguistics, rhetoric, persuasion.

¹ Суворкиной Т. принадлежит предисловие, Афонасину Е. – перевод и примечания к нему. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

For citation: Suvorkina, T. M., Afonasin, E. V. (2020). Prodicus of Keos. Fragments and Testimonia. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp.102-119. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.102-119.

Продик был уроженцем города Иулида, одного из городов острова Кеос – афинской колонии у побережья Аттики, к востоку от мыса Сунион. Точная дата его рождения неизвестна, как и дата его смерти, но, исходя из различных указаний на его возраст по сравнению с другими софистами и философами того же периода, вполне вероятно, что он родился около 460 г. и, скорее всего, умер после Сократа, поскольку последний говорит о нем в настоящем времени в *Апологии* (19e1). Известность ему принесли публичные выступления в Афинах, куда он часто приезжал по государственным делам в качестве посла своего родного города (*Гиппий Большой* 282c). Филострат описывает его как ученейшего человека. Он обладал очень низким голосом, из-за чего речь его было сложно разобрать (*Жизни софистов* 1.12). Такую же характеристику ему дает Платон (*Протагор* 315d–316a). Согласно сохранившимся сведениям, эти публичные выступления весьма его обогатили, так как за право на них присутствовать он взимал с учеников высокую плату (*Гиппий Большой* 282c). Так, например, в *Кратиле* Сократ иронично уточняет, что он не мог позволить себе получить урок точного словоупотребления за пятьдесят драхм, так что ему пришлось довольствоваться публичной лекцией, ценой в одну драхму (*Кратил* 384b). Также его слушателям были, как утверждается, Исократ, Еврипид и историк Фукидид. Должно быть, он был особенно известен в афинских кругах, поскольку Аристофан просто упоминает его по имени в *Облаках* (*Схолии к «Облакам» Аристофана*, 361), впервые представленных 423 г., и в *Птицах* (парабаса), представленных впервые в 414 г. Умер Продик около 390 г., по дошедшим до нас сведениям, выпив цикуту, хотя этот факт подвергается сомнению.

Нам очень мало известно о его трудах, лишь два или три их названия. Так, его сочинение «О природе человека», упоминается Галеном, греческим врачом II в. н. э. (*О естественных способностях* 2.9); «О природе» – Цицероном (*Об ораторе* 3.32.128), а «Времена года» цитируются в *Схолии к Облакам Аристофана* (361). Наиболее известен отрывок, подробное изложение которого мы можем обнаружить в воспоминаниях Ксенофонта и который, согласно схолиям к *Облакам Аристофана*, был частью «Времен года» (*Воспоминания о Сократе* 2.1.21–34). Эта история, известная под названием «Геракл на распутье», знакомит нас с юным Гераклом на пороге взрослой жизни, который встречает двух женщин, одна из которых представляется как Благополучие (Εὐδαιμονία), хотя позже вынуждена признаться, что критики называют ее Порочностью (Κακία), и предлагает легкий путь бесконечных удовольствий на протяжении всей земной жизни, другая же, названная Добродетелью (Ἄρετή), предлагает долгий путь тяжелого труда, с помощью которого человек должен получить то, что он желает, однако ценой огромных усилий, чтобы по-настоящему насладиться своими достижениями и, таким образом, заслужить уважение у людей и награды от богов в будущей жизни. В изложении Ксенофонта каждая женщина обладает контрастным образом во внешности, характере, строении тела, выражении лица, осанке и одежде, и этот контраст продолжается и в речах. Композиция повествования строится на том, что каждая из женщин, начиная с Порочности, аргументирует свою правоту, а после ее начальной речи произносится второстепенная. Так Порочность, восхвалявшую свой образ жизни, прерывает

Добродетель, сдержанно рассказывая о жизненном пути своих последователей. После чего Порочность резюмирует все вышесказанное, и, называя путь Добродетели слишком тернистым и трудным, предлагает более короткий и легкий путь к благополучию, однако Добродетель снова обрывает ее и произносит обличительную речь, показывая, насколько постыден и губителен для человека путь порока, тем самым превознося свой собственный. На этом Ксенофонт завершает повествование, отмечая, что Продик «украсил эти мысли еще более высокопарными выражениями». Можно предположить, что Ксенофонт представил неполную версию этой истории и в оригинальном изложении за речью Добродетели следовала речь Порочности, в которой она отстаивала свою правоту и показывала несостоятельность добродетельного пути. В лучших традициях «двойных речей», мы так и не узнаем, какой же выбор сделал Геракл.

Судя по дошедшим до нас сведениям, Продик был универсальным ритором, интересовавшимся всеми областями человеческой мысли, включая естественные науки и «физику». Согласно Епифанию, кипрскому епископу IV в. н. э., Продик вслед за Эмпедоклом постулирует, что вся жизнь происходит из четырех элементов. Сохранившиеся фрагменты предполагают, что Продик описывал развитие вещей через стадии эволюции: сначала четыре элемента, а затем солнце и луна (*Панарион* 3.21). Этот хронологический прогресс, движущийся через стадии эволюции, также предлагается в тех фрагментах, в которых говорится о его концепции развития человеческой религии. На первом этапе люди обожествляют природные явления (например, Солнце, Луну, реки и источники) и все остальное, что поддерживает жизнь и считается полезным (Секст Эмпирик, *Против ученых* 9.39). На следующем этапе человек дарует божественный статус тем, кто первым изобрел убежища, открыл новые источники пищи и другие полезные ремесла. Согласно Филодему (*О благочестии*, RHerс. 1428, col. 2.28–3.8, p. 13–14), Продик писал, что те природные силы и явления, которые предоставляли человеку пищу и помощь, сначала были признаны и почитаемы как боги, а затем те, кто обнаружил убежища, новые средства получения пищи или связанные с ними искусства, получили такие имена, как Деметра, Дионис и им подобные. Вероятно, именно на этой стадии Продик виделось развитие религиозных обрядов, жертвоприношений и мистерий, которые все, как он утверждал, произошли от земледельческих практик. Как отмечает Фемистий (*О том, следует ли заниматься земледелием* 30, 349a–b), Продик считал, что само понятие богов, а затем и поклонение им пришли из земледелия. Такой взгляд философа на традиционные верования привел к тому, что современники (и поздние авторы) называли его атеистом (Секст Эмпирик, *Против ученых* 9.51, Цицерон, *О природе богов* 1.37.118). Да и Платон в *Протагоре* (315d) называет его Танталом, намекая на его безбожие².

Стоит отметить что Продик, судя по всему, был одним из тех немногих софистов, к которым Платон испытывал симпатию. Это отчетливо видно хотя бы по тому, что Платон освободил его от тех прямых саркастических высказываний, которыми он обычно награждает других подобных преподавателей ораторского искусства в своих диалогах. Вместо этого мы встречаем такие характеристики, как «этот муж казался мне наимудрейшим

² Подробнее об образе Продика в диалогах Платона см.: [Corey, 2015].

и божественным» (*Протагор* 340e–341a), «его мудрость – божественная и древняя», и «великолепный Продик» (*Пир* 177b), и даже если предположить, что все эти эпитеты применялись с некоторой долей иронии, живой интерес Платона к продиковым изысканиям в области языка отрицать нельзя. Вероятно, в поисках точности слов и строгого определения терминов Платон видел первый, хоть и ограниченный, шаг к диалектике Сократа.

И действительно, более всего Продик известен не своей риторикой и космологическими теориями, но своеобразным интересом к лингвистике, а именно к точному определению терминов и тонкому различению почти синонимичных слов. Каждому явлению соответствует определенное слово, а потому Продик настаивал на правильности их употребления. Такая требовательность к точности, возможно, является реакцией на скептицизм Демокрита и всех тех, кто утверждал, что в словах не отражается реальное положение вещей. Метод Продика заключался в попарном сопоставлении близких по смыслу слов, чтобы путем анализа установить «правильное» значение каждого из них. Пример употребления этого метода мы можем увидеть в диалоге *Протагор* (337a–c). Там Продик сопоставляет слова «беспристрастность» и «безразличие», «спорить» и «ссориться», «одобрять» и «восхвалять», «наслаждаться» и «радоваться». Так непристрастность, в отличие от безразличия, предполагает справедливость, ссора не предполагает доброжелательности, присущей спору, одобрение не может содержать в себе лжи, как восхваление, а пустое удовлетворение своего тела, которое мы называем наслаждением, не может сравниться с радостью души. Подобное понимание положения вещей проскальзывает и в рассказе о Геракле. Ведь причина противостояния двух женщин кроется не в том, что они олицетворяют собой разные блага, а в том, что, по уверению Порочности, они предлагают одно и то же, но путь Порочности гораздо короче и легче. И зачем усложнять свою жизнь, если можно пойти короткой дорогой? Порочность быстро прерывает первую речь Добродетели, подводя итог: «Понимаешь теперь, Геракл, о каком трудном и продолжительном пути к благоразумию (ἐπὶ τὰς εὐφροσύνας) рассказывает тебе эта женщина? Я же поведу тебя к благополучию дорогой легкой и короткой». На что Добродетель ей отвечает: «Чем хорошим ты обладаешь? Откуда тебе известно, что доставляет удовольствие, если ты не пожелаешь ничего сделать для этого? Ты ведь даже не ждешь наступления желания испытать удовольствие, но насыщаешься всем загодя, ешь, не испытывая голода, пьешь, не страдая от жажды, чтобы наслаждаться едой, заказываешь поваров, чтобы насладиться питьем, покупаешь дорогие вина и рыщешь летом в поисках снега...».

Образцом для настоящего собрания послужило новое издание фрагментов ранних греческих философов, подготовленное А. Лаксом и Г. Мостом [Laks, Most, 2016]. Вслед за ними тексты настоящей публикации мы делим на три раздела: I. Биографические свидетельства, II. Сочинения и учение, и III. Оценки и интерпретации. Нумерация внутри каждого раздела своя. Ниже читатель найдет указатель античных источников³, таблицу соответствия нумерации свидетельств по разным изданиям и библиографию⁴.

³ Указатель источников позволяет соотнести тексты, представленные в настоящем собрании, с их расположением в издании А. Лакса и Г. Моста [Laks–Most, 2016] и в классическом издании Г. Дильса и

Продик Кеосский. Фрагменты и свидетельства

I. Биографические свидетельства

Хронология

1. Суда П.2365: Продик Кеосский, с острова Кеос, из города Иулида, философ природы и софист, современник Демокрита из Абдер и Горгия, ученик Протагора из Абдер [... I 14].

Визиты в Афины

2. Платон, *Гиппий Большой* 282с: [...] Наш друг Продик частенько бывал здесь и с другими посольствами, и теперь, наконец-то прибыв с посольством с Кеоса и выступив в собрании, весьма прославился [... I 4]

3. Платон, *Протагор* 315d–316a: [Сократ:] Узрел я и Тантала⁵, ведь в городе был и Продик Кеосский [...] Продик еще лежал в кровати, укрытый множеством одеял и покрывал, насколько я видел [...] О чем они говорили, я не смог уловить, хотя и очень хотел послушать Продика, ведь этот муж казался мне наимудрейшим и божественным. Но звук его низкого голоса заполнял всю комнату рокотом и делал сказанное неразборчивым.

Филострат, *Жизни софистов* 1.12: Будучи послом в Афинах, он пришел на собрание и заслужил славу ученейшего человека, хотя его речь было трудно разобрать из-за того, что говорил он низким голосом⁶.

Его стремление к наживе

4. Платон, *Гиппий Большой* 282с: [... I 2] да и, выступая в частном порядке и обучая молодежь, заработал немислимое количество денег⁷.

5. Платон, *Кратил* 384b: [Сократ:] Если бы я слышал выступление Продика за пятьдесят драхм, в котором, по его собственным словам, он научил слушателей этому предмету, то ничто не препятствовало бы и вашему немедленному узнаванию истины о правильности слов. Но я не слышал этого выступления, но лишь другое, ценой в одну драхму.

6. Псевдо-Платон, *Аксиох* 366с: [Сократ:] Сказанное мной – это лишь отголоски слов мудрого Продика, распродаваемые, одни за половину драхмы, другие – за две драхмы, а третьи – за тетрадрахму. Ведь этот муж никого не учит даром, имея привычку декламировать Эпихарма: «Рука руку моет, что-то дашь, что-то получишь».

В. Кранца [Diels, Kranz, 1951-1962]. Актуальный источник свидетельств каждый раз указывается и при цитировании, и в перекрестных ссылках.

⁴ Учтены также издание М. Унтерштайнера [Untersteiner, 1949-1962], новые английское, немецкое, французское и итальянское собрания под редакцией Дж. Диллона и Т. Гергел [Dillon, Gergel, 2003], Т. Ширрена и Т. Зинсмайера [Schirren, Zinsmaier, 2003], Ж.-Ф. Прадо [Pradeau, 2009] и М. Бонацци [Bonazzi, 2007], соответственно, а также раздел, посвященный софистам во втором томе собрания фрагментов ранних греческих философов Д. Грэхэма [Graham, 2010]. См. также новое издание: [Mayhew, 2011].

⁵ Ср. Гомер, *Одиссея* 11.582. Тантал терпел муки в Аиде за то, что пренебрегал богами. Сравнение содержит намек: именно в безбожии многие античные авторы обвиняют Продика.

⁶ Примечательное объединение в одном предложении того, что Филострат узнал из разных диалогов Платона.

⁷ Сравнивая Гиппия с его коллегами по профессии, Платоновский Сократ отмечает, что Продик успешно совмещал официальное посольство (I 2) с частными уроками и показательными выступлениями с речами.

7. Ксенофонт, *Пир* 4.62: [Сократ:] Знаю [...] Каллия ты [Антисфен] притащил сюда к мудрому Продику, заметив, что один любит философию, а другой нуждается в деньгах.

8. Филострат, *Жизни софистов* 1.12: Он выслеживал молодых отпрысков знатных семей из богатых домов, даже нанимая помощников (προξένους) для этой охоты, так как не мог отказаться от денег и отказать себе в удовольствиях [...]

Его известность и ученики

9. Платон, *Протагор* 340e–341a: [Сократ:] Какая удача, что в нашей беседе принимает участие и Продик. Ведь, ты понимаешь, Протагор, что его мудрость (σοφία) божественная и древняя, восходит ли она к Симониду, или вообще к стародавним временам. Да и ты, обладающий опытом во многих областях, все же, как видно, не знаком с вот этой, в отличие от меня, освоившего ее в качестве ученика Продика.

10. Авл Геллий, *Аттические ночи* 15.20.4: [Еврипид] был слушателем физика Анаксагора и риторика Продика.

11. Филострат, *Жизни софистов* 1.12: Продик Кеосский был настолько известен своей мудростью, что сын Грилла [Ксенофонт], будучи в плену в Беотии, слушал его рассуждения, предоставив за себя гарантии.

12. Дионисий Галикарнасский, *Исократ* 1: Он [Исократ] стал слушателем Продика Кеосского, Горгия Леонтийского и Тисия Сиракузского – у самых именитых тогда среди эллинов благодаря их мудрости [...]

13. Схолии к «Облакам» Аристофана 361: Он был учителем Ферамена⁸ [...]

Его кончина

14. Суда П.2365: [... I 1] Он умер в Афинах, выпив цыкуну, за то, что развращал юношей⁹.

II. Сочинения и учение

Сочинения

1. Гален, *О естественных способностях* 2.9: Продик в сочинении «О природе человека» [... II 13]

2. Цицерон, *Об ораторе* 3.32.128: Что сказать о Продике Кеосском, Фрасимахе Халкедонском и Протагоре Абдерском? О тех, которые в то время рассуждали и писали даже о природе вещей?

3. Схолии к «Облакам» Аристофана 361: Находится в обращении (φέρεται) и книга Продика под названием «Времена года» [... II 22]

⁸ Афинский политик, которого Ксенофонт (*Греческая история* 2.30–31) характеризует крайне негативно. См. также III 3.

⁹ Хотя Платон и другие наши источники подчеркивают стремление Продика к удовольствиям и сообщают о его «охоте» на юношей, очевидно, что составитель словаря или переписчик перепутал здесь Продика с Сократом, которые, следует заметить, связывались воедино еще в античной традиции (Аристофан, *Облака* 360–64), должно быть потому, что, как и Сократ, Продик особенно старательно изучал значения слов. Платон специально различал их в этом отношении (см. *Тезет* 151b).

4. Платон, *Пир* 177b: [...] если хочешь, рассмотри и замечательных софистов, написавших прозаические энкомии Гераклу и другим [героям],¹⁰ как, например, великолепный Продик [...]

О различении имен

5. Платон, *Хармид* 163d: [...] Ведь я множество раз слышал от Продика о различении имен (περὶ ὀνομάτων διαφοῦντος).

Он же, *Евтидем* 277e: Прежде всего, как говорит Продик, следует узнать о правильности имен (περὶ ὀνομάτων ὀρθότητος μαθεῖν δεῖ).

Он же, *Лакх* 197d: Продик [...] из софистов, как кажется, лучше всех различал эти имена (τὰ τοιαῦτα ὀνόματα διαφεῖν).

Примеры различений имен

6. Аристотель, *Толика* 2.6, 112b22–23: Продик разделял удовольствия на радость, наслаждение и веселье (διηρεῖτο τὰς ἡδονὰς εἰς χαρὰν καὶ τέρψιν καὶ εὐφροσύνην).

Платон, *Протагор* 358a–b: «Значит, вы согласны, – сказал я [Сократ], – что приятное (ἡδὺ) – это нечто хорошее, а неприятное (ἀνιαρὸν) – плохое. Продиковы различения имен я оставляю в стороне. Называешь ли ты это приятным, вызывающим наслаждение или радостным, и откуда бы и каким бы способом тебе не было угодно (χαίρεις) взять эти имена, мой дорогой Продик, просто ответь на мой вопрос в указанном смысле». – Продик рассмеялся и согласился, а с ним вместе и остальные.

Гермий, Комментарий к «Федру» Платона 267b, р. 250.24–251.1: [...] Продик открыл «точность [значения] имен», например, различая между наслаждением, весельем и радостью, и называя наслаждением удовольствие, получаемое при посредстве слуха, радостью – удовольствие души, а весельем – удовольствие, которое доставляется при помощи зрения [...]

7. Платон, *Протагор* 337a–c: Когда Критий закончил, Продик сказал так: «Прекрасно ты сказал, Критий! Ведь участвующим в подобных собраниях следует быть беспристрастными (κοινοῦς) слушателями для обоих собеседников, но не безразличными (ἴσοις), что не одно и то же. Ведь слушать нужно каждого из них беспристрастно, но присуждать (νεῖμαι) каждому не безразлично, более мудрому выделяя больше, а менее сведущему – меньше. Что до меня, то я прошу вас, Протагор и Сократ, уступить друг другу и спорить (ἀμφισβητεῖν) об этом предмете, но не ссориться (ἐρίζειν). Ведь спорящие друг с другом делают это доброжелательно, тогда как ссорятся между собой лишь противники и враги. Вот и вышла бы у нас прекрасная беседа, ну а вы, выступающие, снискали бы от нас, слушателей, одобрение (εὐδοκίμοιτε), но не восхваление (ἐλαίνοιοθε). Ведь одобрение в душах слушателей возникает без обмана, тогда как восхвалять на словах могут и те, кто говорит неправду вопреки собственному мнению. Что же касается нас, слушателей, то мы бы весьма порадовались (εὐφραϊνοίμεθα), но не насладились (ἡδοίμεθα), ведь порадоваться (εὐφραίνεσθαι) – значит узнать нечто, приобщившись (μεταλαμβάνοντα) к размышлению средствами самого рассудка (αὐτῇ τῇ διανοίᾳ), а насладиться (ἡδεσθαι) – что-то вкусив или получив какое-нибудь другое удовольствие при помощи своего тела (αὐτῷ τῷ σώματι)».

¹⁰ Вспомним также «Похвалу Елене» Горгия.

Там же, 340a–b: [Сократ:] [...] твое мусическое искусство, при чем посредстве ты различаешь между *желать* (βούλεσθαι) и *вожделеть* (ἐπιθυμεῖν), полагая, что это не одно и то же [...]

Там же, 340b: [Сократ:] [...] тем же самым представляется тебе *становиться* (γενέσθαι) и *быть* (εἶναι), или разным? – Разным, клянусь Зевсом, – сказал Продик.

Там же, 341b: «[...] *жуткое* (δεινόν) ведь, – говорит он [Продик], – это нечто плохое. Ведь никто не говорит “жуткое богатство”, “жуткий мир” или “жуткое здоровье”, но только “жуткая болезнь”, “жуткая война” и “жуткая нищета”, так как жутким быть плохо [...] Что же Симонид называет *трудным* (χάλεπόν), Продик?» «Нечто плохое», – ответил он.

Там же, 358d–e: «Что же, – сказал я [Сократ], – называете ли вы нечто ужасом (δέος) и страхом (φόβος)? И разве не то же самое, что и я [называю этим именем]? Я к тебе обращаюсь, Продик! Я имею в виду некое ожидание чего-то плохого, назовете ли вы это страхом или ужасом». Протагор и Гиппий решили, что это и ужас, и страх, Продик же – что это ужас, но не страх. «Мне это безразлично, Продик», – сказал я.

8. Платон, *Менон* 75e: [Сократ:] Скажи, есть ли нечто такое, что ты называешь *концом* (τελευτήν)? Я говорю о чем-то вроде *предела* (πέρας) и *края* (ἔσχατον). Мне то все равно, но вот Продик, пожалуй, с нами бы не согласился [...]

9. Платон, *Лакх* 197b–c, d: [Никий:] Думаю, что слова *бесстрашие* (τὸ ἄφοβον) и *мужественность* (τὸ ἀνδρείον) – это не одно и то же. Мужественности и предусмотрительности (προμηθείας), как мне кажется, причастны очень немногие, тогда как храбрость (θρασύτητος), дерзость (τόλμης), равно как и бесстрашие, и непредусмотрительность, свойственны большинству, включая мужчин, женщин, детей и животных. Так что то, что ты и многие другие зовут мужественностью (ἀνδρεία), я называю смелостью (θρασέα), тогда как мужественность связана с разумением (φρόνιμα), о котором я и толкую [...] [Сократ:] [...] эту мудрость он получил от нашего друга Дамона; Дамон же весьма близок к Продику, который из софистов, как кажется, лучше всех различал эти имена (τὰ τοιαῦτα ὀνόματα διαίρεῖν).

10. Платон, *Хармид* 163b, d: [Диалог Сократа и Крития:] «Скажи-ка мне, – говорю я, – разве словами *делать* (ποιεῖν) и *производить* (πράττειν) ты называешь не одно и то же (ταῦτόν)?» «Нет, – отвечает он, – равно как и словами *изготавливать* (ἐργάζεσθαι) и *делать* (ποιεῖν)» [...] «Критий, – говорю я, – лишь только ты начал свою речь, я тут же понял, что *добром* (ἀγαθά) ты называешь чье-то имущество, то, что кому-то принадлежит, а действиями – производство хороших изделий. Ведь я множество раз слышал от Продика о различении имен (περὶ ὀνομάτων διαίρουτος)».

Определения

11. Платон, *Евтидем* 305c: [Сократ:] ... ведь эти мужи, Критон, представляют собой, как сказал Продик, рубеж между философом и политиком (μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ πολιτικοῦ)¹¹.

12. Стобей, *Антология* 4.20.65: Из Продика. Вожделение, будучи удвоено, становится эротической страстью, а эротическая страсть, будучи удвоена, превращается в безумие¹².

¹¹ Платон имеет в виду софистов.

13. Гален, *О естественных способностях* 2.9: Продик, в сочинении «О природе человека», называет перегретую или даже переварившуюся (ὑπερωπτημένον) [составляющую] органических соков (χυμοῖς) флегмой (φλέγμα), возводя это слово к «воспалиться» (πεφλέχθαι) и используя ее не так, как другие, сохранив, при этом, ту вещь, с которой она обычно соотносится¹³. Любовь этого мужа к образованию новых слов (ἐν τοῖς ὀνόμασι... καινοτομίαν) достаточно хорошо показал и Платон. Ну а то, что все называют флегмой – некую белую жидкость – Продик назвал мокротой (βλέννα), то есть [отождествил ее с] тем холодным и влажным соком, который обычно скапливается в организме старых людей и тех, кто по той или иной причине переохладился, так что никто, будучи в здравом уме, не скажет, что сок этот не холодный и не влажный.

14. Плутарх, *Советы о сохранении здоровья* 8, 126С: Остроумно, как видно высказался и Продик, заметив, что из приправ лучшая жар (πῦρ).

Начала риторики

15. Платон, *Федр* 267a–b: [Сократ:] Тисий и Горгий [...] изобрели краткие речи, равно как и бесконечно длинные обо всем на свете. Услыхав как-то от меня об этом, Продик только рассмеялся, заметив, что лишь он один открыл, в чем должно состоять искусство составления речей (λόγων τέχνην) и что должны они быть не пространными и не краткими, но соразмерными (μετρίων).

Гермий, Комментарий к «Федру» Платона 267b, р. 251.1–3: [... II 6] Продик сказал так же, что именно так [соблюдая «точность [значения] имен»] следует украшать (καταλοκίλλειν) речь, и не повторять (ἀνακυκλεῖν) в длинных речах одно и то же, но действовать соразмерно (συμμετρίᾳ) [предмету].

16. Квинтилиан, *Наставления оратору* 3.1.12: Из них первыми общие места (communis locos), как говорят, обсуждали Протагор и Горгий, а воздействие речей (affectus) – Продик, Гиппий, тот же Протагор и Фрасимах.

17. Аристотель, *Риторика* 3.14, 1415b12–17: Так что в подходящий момент следует сказать что-то вроде такого: «Обратите на меня свое внимание! Ведь это нужно скорее вам, нежели мне», а также: «Я вам сейчас расскажу нечто такое, ужаснее (или, соответственно, удивительнее) чего вы никогда не слыхали». То есть, как сказал Продик, когда слушатели начинают засыпать (νυστάζοιεν), то следует подбросить (παρεμβάλλειν) им что-нибудь из урока за пятьдесят драхм.

Происхождение богов

¹² ἐπιθυμίαν μὲν διπλασιασθεῖσαν ἔρωτα εἶναι, ἔρωτα δὲ διπλασιασθέντα μανίαν γίγνεσθαι (Удвоенная страсть – любовь, а удвоенная любовь – безумие).

¹³ То есть, значение данного слова (и, соответственно, означаемый им предмет) Продик оставил неизменным, изменив при этом смысл, который оно выражает. Флегма – это действительно один из четырех гиппократовских «гуморов» (соков) организма, наряду с кровью, а также желтой и черной желчью, однако она обычно считается соответствующей стихии воды, и поэтому холодная и влажная (в отличие от крови, которая соответствует стихии воздуха, и поэтому влажная и горячая). Кроме того, обычно она белого цвета. Однако в такой интерпретации есть смысл, так как, согласно античным медикам, нередко флегма отвечает за развитие воспалений.

18. Филодем, *О благочестии* (PHerc. 1428, col. 2.28–3.8, p. 13–14): [...] Пригодное в пищу и приносящее пользу люди с самого начала начали считать богами и окружать почетом (τὰ περὶ <τοῦ> τὰ τρέφοντα καὶ ὠφέλοῦντα θεοὺς νενομίσθαι καὶ τετειμῆσθαι πρῶτον), как это написано у Продика, а после этого – и открывших источники пищи, <укрытия> и различные ремесла (τοὺς εὐρόντας ἢ τροφὰς ἢ σκέπας ἢ τὰς ἄλλας τέχνας), таких как Деметра, Ди<онис> и <Диоскуры>...¹⁴

19. Секст Эмпирик, *Против ученых* 9.51: О том, что [бога] нет, [говорили] так называемые атеисты, такие как Евгемер [...], Диагор Милосский, Продик Кеосский и Феодор [...]¹⁵

Там же, 9.52: Продик [думал], что [раньше] обожествляли (ὑπειλῆφθαι θεόν) все, полезное для жизни, например, солнце, луну, реки, запруды, луга, плоды и все тому подобное.

Там же, 9.18: Продик Кеосский говорит, что солнце, луну, реки, источники и, в целом, все полезное для нашей жизни древние считали богами из-за той выгоды, которую они приносят людям, как, например, Нил – египтянам. Поэтому [по его мнению] хлеб они считали Деметрой, вино – Дионисом, воду – Посейдоном, а Гефеста – огнем, и так в отношении всех благоприятных для их жизни вещей.

20. Фемистий, *О том, следует ли заниматься земледелием* 30, 349a–b: Если вспомнить Диониса, нимф, дочь Деметры, посылающего дождь Зевса и питающего Посейдона, то это позволит нам приблизиться к посвящению и к собственным словам добавить мудрость Продика, который возводит все человеческие священнодействия, таинства, праздники и посвящения ко всему наилучшему, что дает нам земледелие, полагая, что в этом состоит и благоволение богов к людям, и источник всякого благочестия¹⁶.

21. Минуций Феликс, *Октавий* 21.2: Продик говорит, что к богам причислялись те [путешественники], которые, обнаружив во время своих странствий новые виды плодоносящих растений (fruges), тем самым приносили пользу людям.

«Времена года». Похвала Гераклу

22. Схолии к «Облакам» Аристофана 361: Находится в обращении (φέρεται) и книга Продика под названием «Времена года» (Ἔρα), в которой рассказано, как Геракл встретил Добродетель (Ἄρετή) и Порочность (Κακία) и о том, как каждая из них приглашает его вступить на ее пути (τὰ ἥθη), и о том, как Геракл выбирает Добродетель, и труды ради нее предпочитает временным удовольствиям, предоставляемым Порочностью.

23. Филострат, *Жизни софистов* 1 предисл.: Продик Кеосский сочинил речь, не лишенную приятности: Добродетель и Порочность подступают к Гераклу в образе женщин,

¹⁴ Филодем цитирует книгу *О богах* стоика Персея Китийского (SVF I 448, Столяров I, 154).

¹⁵ Знаменитый «безбожник» Евгемер думал, что с древности обожествлялись великие люди (см. также ранее, 9.17), Продик, соответственно, – что полезные вещи, а лишь затем изобретатели новых полезных вещей. Им вторят, как пишет далее Секст, Диагор, Феодор и, наконец, Протагор, который, как известно, изрек: «О богах я не могу знать ни того, что они есть, ни того, что их нет, ни какого они вида...» (Секст Эмпирик, *Против ученых* 9.55). В заключение упоминается Эпикур, которые сохраняет веру в богов для простых людей.

¹⁶ πᾶσαν εὐσέβειαν *** ἐγγυώμενος. В тексте возможна лакуна (Дильс).

одна, одетая в соблазнительные и разноцветные одежды, а другая – в обычные, и одна предлагает Гераклу, тогда еще юноше, праздность и негу, а другая – скудость и труды [... III 1]¹⁷

24. Ксенофонт, *Воспоминания о Сократе* 2.1.21–34: [Сократ:] Но и мудрый Продик в сочинении о Геракле, которое он публично читает перед множеством людей, о добродетели говорит то же самое [что и Эпихарм], рассуждая об этом, если я правильно помню, следующим образом.

Он рассказывает, как Геракл, в пору перехода от детства к отрочеству, когда молодые люди становятся самостоятельными и становится ясно, пойдут ли они в своей жизни по дороге добродетели или же порочности, удалился в пустынное место, уселся в тишине и задумался о том, какой путь ему избрать. (22) И ему привиделось, что к нему приближаются две крупные женские фигуры, одна прекрасная видом с природными задатками свободнорожденной (ἐλευθέριον φύσει), украшением же ей были чистота тела¹⁸, стыдливость очей, сдержанные движения и белое одеяние, тогда как другая была такой полной, что казалось тучной и мягкотелой, накрашена так, что ее лицо казалось блее и розовее, чем оно было на самом деле, и держала себя так, что казалась стройнее, чем она была по природе, глаза же ее были широко открыты, а одеяния таковы, что ее красота беспрепятственно через них просвечивала. Она постоянно любовалась собой, оборачивалась, чтобы посмотреть, не разглядывает ли ее кто-нибудь, часто поглядывая и на свою собственную тень.

(23) Когда они приблизились к Гераклу, то та, что была упомянута первой, продолжала идти, как шла, вторая же, желая опередить ее, бросилась вперед и, подбежав, сказала: «Вижу, Геракл, что ты задумался о том, какой путь тебе следует избрать в жизни. Если, сделавшись моим другом, ты последуешь за мной, то я поведу тебя путем приятнейшим и наилегчайшим, и не останется такого удовольствия, которого ты не отведаешь, и не испытаешь ты никаких тягот на протяжении всей жизни. (24) Прежде всего, ты избежишь как военных, так и общественных дел (πραγματων), будешь лишь постоянно (ἀεὶ ἔσται) заботиться о том, какие бы еще раздобыть изысканные еду и питье, чем бы еще порадовать свои зрение и слух, чем бы потешить свое обоняние и осязание, с каким бы еще юнцом заняться любовью, как бы помягче спать да так, чтобы все это доставалось тебе без всяких трудов. (25) Ну и потом, если у тебя когда-либо возникнет подозрение, что все это может истощиться (σπάνεως), то, главное, не беспокойся, что я заставлю тебя добывать все это трудами и стараниями, телесными или душевными. Тем, что другие добывают трудом, ты будешь просто наслаждаться, не отказываясь ни от какой возможной выгоды. Ведь я предоставляю возможность своим спутникам пользоваться всем, чем угодно».

(26) Выслушав такую речь, Геракл спросил: «Как же называть тебя, женщина?» Она же в ответ: «Друзья называют меня Благополучием (Εὐδαιμονία), а завистники прозвали Порочностью (Κακία)».

¹⁷ Упомянув об этой истории в других местах (*Жизни софистов* 1.12, *Письма* 73), Филострат неизменно ссылается на Ксенофонта, который, по всей видимости, является для него единственным источником.

¹⁸ В рукописи «цвета».

(27) Тогда другая женщина, приблизившись к нему, сказала следующее: «И я тоже пришла к тебе, Геракл, зная твоих родителей и твою природу познав благодаря полученному тобой образованию и, исходя из этого, надеюсь, что если ты встанешь на путь, ведущий ко мне, то сделаешься добрым вершителем прекрасных и благородных дел, так что и я заслужу, через эти добрые деяния, еще больший почет и уважение. Но не буду обманывать тебя присказками об ожидающих тебя удовольствиях и правдиво расскажу тебе о том, как боги обустроили все сущее. (28) Ведь волею богов ничто из доброго и прекрасного не достается людям без трудов и забот, но, желая получить божью милость, ты должен служить им, желая получить любовь друзей, ты должен и сам их облагодетельствовать, стремясь заслужить уважение сограждан, ты должен принести им пользу, ну а если хочешь своей доблестью заслужить восхищение всей Эллады, то должен постараться сделать добро и ей; хочешь, чтобы земля принесла тебе обильные плоды – позаботься о земле, думаешь, что тебе пора обзавестись тучными стадами – позаботься о животных, стремишься к ратным подвигам, дабы освободить друзей и наказать врагов – научись военным искусствам у тех, кто в них сведущ и может применять; ну а если хочешь быть сильным телесно – приучи тело подчиняться разуму и упражняй его трудами и потом».

(29) Прервав ее речь, Порочность, по словам Продика, сказала так: «Понимаешь теперь, Геракл, о каком трудном и продолжительном пути к благоразумию (ἐπὶ τὰς εὐφροσύνας) рассказывает тебе эта женщина? Я же поведу тебя к благополучию дорогой легкой и короткой!»

(30) Добродетель же ей в ответ: «Бедняжка! Чем хорошим ты обладаешь? Откуда тебе известно, что доставляет удовольствие, если ты не пожелала ничего сделать для этого? Ты ведь даже не ждешь наступления желанного удовольствия, но насыщаешься всем загодя, ешь не испытывая голода, пьешь не страдая от жажды, чтобы наслаждаться едой, заказываешь поваров, чтобы насладиться питьем, покупаешь дорогие вина и рыщешь летом в поисках снега, ну а чтобы слаще спать, покупаешь не только мягкие ковры, но и кровати, и разные подставки для них, так как спать ложишься ты не потому, что устала, но от безделья. Да и любовью ты занимаешься еще до того, как почувствовала в этом потребность, изобретая для этого всякие приспособления и мужчин используя, как женщин. Вот чему ты учишь своих друзей, развратничая всю ночь и в постели проводя лучшую часть дня!

(31) Хотя сама и бессмертная, ты отвергнута богами и не в почете у добрых людей, и ты лишена лучшего из того, что услаждает слух, – похвалы в собственный адрес, – и глаза твои лишены лучшего зрелища – ведь не видать тебе ни одной прекрасной вещи, сделанной собственными руками. Кто поверит сказанному тобой? Кто предоставит необходимое тебе? Кто, будучи в здравом уме, посмеет присоединиться к твоей свите? Бессильные телесно в молодости, в старости они становятся еще и слабоумны душевно, в юности ленивые и раскормленные, в старости они проходят через труды и невзгоды, стыдясь содеянного и тяготясь тем, что делают теперь; так, вкусив наслаждения в юности, беды откладывают они до наступления старости.

(32) Я же живу с богами, живу и с добрыми людьми. Без моей помощи не совершают ни одного доброго дела ни боги, ни люди. В почете я и среди богов, и среди приличных людей – любимая сотрудница для ремесленников, надежная хранительница дома для хозяев,

милостивая защитница для домашних слуг, добрая помощница в мирных делах, надежная соратница в ратных трудах, лучшая подруга в любви (φιλία).

(33) Мои друзья приятно и легко наслаждаются едой и питьем, так как воздерживаются до тех пор, пока не почувствуют в них потребность. И спится им лучше, чем лентяям, а пробуждение их вовсе не раздражает, и они не пренебрегают из-за этого своими обязанностями. Молодежь рада похвалам старших, а старшие гордятся тем уважением, которое им оказывают молодые. Они радуются, вспоминая прошлые деяния, рады они и тому, что делают теперь, любимы благодаря мне богами, обожаемы друзьями и почитаемы отечеством. Когда же приходит назначенный срок, они не погружаются бесславно в забвение (οὐ μετὰ λήθης ἄτιοι κεῖνται), но процветают в памяти (μετὰ μνήμης), воспеты в гимнах на вечные времена. Именно это, Геракл, сын славных родителей, ты получишь за свои труды – благословеннейшее благополучие (μακαριστοτάτην εὐδαιμονίαν)».

Таким вот образом описал Продик воспитание Геракла Добродетелью. Правда, он украсил эти мысли еще более высокопарными выражениями.

III. Оценки и интерпретации

Отдельные суждения о характере Продика и его философии

1. Филострат, *Жизни софистов* 1 предисл.: [... П 23] и рассказав обо всем во всех подробностях [то есть, закончив сочинение о выборе Геракла], Продик начал произносить эту речь публично за вознаграждение, путешествуя по городам и зачаровывая их, подобно Орфею и Фамириду, удостоившись за это немалых почестей в Фивах и еще больших в Спарте, так как его обучение шло на пользу юношам.

2. Марцеллин, *Жизнь Фукидида* 36: Он [Фукидид] старался иногда, как говорит Антилл, использовать одинаковое построение частей предложения (παρισώσεις) и перестановки (ἀντιθέσεις) имен, характерные для Горгия и популярные в то время среди эллинов, а также точное словоупотребление, характерное для Продика Кеосского.

3. Афиней, *Пир мудрецов* 5, 220В: Диалог «Каллий» [сократика Эсхина] включает в себя осмеяние (διασώκῃσιν) [...] софистов Продика и Анаксагора. Он говорит, что Продик сделал Ферамена своим учеником, а другой – Филоксена, сына Эриксида, и Арифрада, брата игрока на кифаре Арегнода, стремясь тем самым, через их явную распущенность и ничтожное сластолюбие, показать, какого рода образование они получили от своих учителей.

4. Псевдо-Платон, *Эриксий* 397c–d, e: [Сократ:] Когда намерен в Ликее мудрый муж Продик рассуждал об этом¹⁹, то присутствующим показалось, что он говорит ерунду, так что ему не удалось убедить никого из присутствующих в своей правоте [...] Молодой человек спросил его, в каком смысле богатство ему представляется злом, а в каком – добром. Тогда он, тут же подхватив эту тему, как и ты [Критий] только что, сказал: «Для добрых и прекрасных (καλοῖς καγαθοῖς) людей, знающих, как следует распоряжаться деньгами, оно добро, а для скверных и неученых – зло». «То же, – добавил он, – верно и в отношении всего остального: каковы те, кто пользуется вещами, таковыми неизбежно оказываются для них

¹⁹ Обсуждается положение о том, что вещи бывают добрыми или злыми не сами по себе, но их качество зависит от того, кто и для чего их использует. Далее в диалоге Продик фигурирует в длинном рассуждении на эту тему, которое более не содержит ничего такого, что можно было бы ему специфически приписать.

и сами вещи (ὁλοῖοι γὰρ ἄν τινες ὄσιν οἱ χρώμενοι, τοιαῦτα καὶ τὰ πράγματα αὐτοῖς ἀνάγκη εἶναι)»²⁰.

5. Псевдо-Платон, *Аксиох* 366с: [...I 6] А намедни, представляя в доме Каллия, сына Гиппоника, свою новую речь, он так высказался о жизни, что и я сам почти готов был покончить с собой. С тех пор, Аксиох, моя душа стремится к смерти.

6. Схолии к «Птицам» Аристофана 692: Каллимах ошибается, называя Продика ритором; ясно, что здесь он выступает в качестве философа²¹.

7. Александр Афродисийский, Комментарий к «Топике» Аристотеля, р. 181.2–6: Продик старался придать каждому из этих имен собственное значение, как это делают в Стое [...] так делают и законодатели, но не те, которые не говорят ничего здравого.

8. Дидим Слепец, Комментарий к «Экклезиасту» 1.8b (Р. Tura III 16.11, CPF Prodicus 3T): Передают парадоксальное мнение Продика о том, что невозможно противоречить²². В каком смысле он говорит это? Ведь это противоречит всеобщему знанию и мнению, и все так или иначе разговаривают с людьми, им противоречащими, и в обычной жизни, и в научных дискуссиях. Так что его утверждение о том, что невозможно противоречить, догматично. Ведь если один человек противоречит другому, то оба они что-то говорят. Так что невозможно им обоим говорить [что-то одно] об одной и той же вещи. Ведь он говорит, что только тот, кто говорит истину и сообщает о действительном положении вещей, высказывает их; тогда как тот, кто ему противоречит, вещь не высказывает²³ ... эта мысль названа парадоксальной, так как противоречит всеобщему мнению; все про<тиворечия (?)>... противоречие.

Критика его атеизма

9. Цицерон, *О природе богов* 1.37.118: [эпикурец Веллий:] Что же? Продик Кеосский, сказавший, что полезные людям вещи были причислены к богам, разве оставил что-то от религии?

10. Секст Эмпирик, *Против ученых* 9.39: Утверждающие, что все, полезное для жизни, древнейшие из людей считали богами, [причисляя к таковым] солнце, луну, реки, запруды и тому подобное, не только отстаивают малоубедительное мнение, но и обвиняют древних в крайнем простодушии. Ведь маловероятно, чтобы они были неразумны настолько, чтобы считать богами то, что разрушается на их глазах, или приписывать божественные способности вещам, которые они же сами потребляют и уничтожают²⁴.

11. Епифаний, *Панарион* 3.21: Продик называет богами четыре элемента, а также Солнце и Луну. От них происходит, по его словам, всякая жизненная сила (τὸ ζωτικόν).

²⁰ Аргументация сходна с той, что развивается в первой из так называемых *Двойных речей* (см. статью К. Ковальчук в этом выпуске журнала).

²¹ В этом месте комедии Аристофана хор птиц, на свой манер, излагает орфическую космогонию, призывая «ни в чем не верить Продикку».

²² Это положение обычно приписывается Протагору (см. Платон, *Теэтет* 152 е и др.), а также Антисфену.

²³ Можно предположить, что таким образом в сознании позднего христианского автора отразилась теория Продика об «истинном» значении слов.

²⁴ Далее Секст Эмпирик замечает, что тогда уже лучше было бы объявить богами не сами вещи, а такие природные силы, как «плодородие» и т. д. Примечательно, что в следующем свидетельстве Епифаний именно так и истолковывает идею Продика.

Указатель источников

Источники	Настоящее собрание	EGP (Laks, Most)	DK (Diels, Kranz) / U (Untersteiner)
Авл Геллий <i>Аттические ночи</i> 15.20.4	I 10	P 10	A 8
Александр Афродисийский, Комментарий к «Топике» Аристотеля, р. 181.2–6	III 7	R 10	A 19
Аристотель <i>Риторика</i> 3.14, 1415b12–17	II 17	D 13	A 12
<i>Топика</i> 2.66 112b22–23	II 6	D 6, R 10	A 19
Аристофан <i>Птицы</i> 692	ad III 6	–	A 5
Афиней, <i>Пир мудрецов</i> 5, 220В	III 3	R 3	A 4b
Гален <i>О естественных способностях</i> 2.9	II 1, 13	D 1, 9	B 4
Гермий, Комментарий к «Федру» Платона 267b, р. 250.24–251.1 –3	II 6, 15	D 6, 11	– / *A 19
Дидим Слепец Комментарий к «Экклезиасту» 1.8b (P. Tura III 16.11, CPF Prodicus 3T)	III 8	D 14, R 14	–
Дионисий Галикарнасский <i>Исократ</i> 1	I 12	P 12	A 7
Епифаний, <i>Панарион</i> 3.21	III 11	R 13	– / * B 5
Квинтилиан <i>Наставления оратору</i> 3.1.12	II 16	12	A 10
Ксенофонт <i>Воспоминания о Сократе</i> 2.1.21–34	II 24	D 21	B 2
<i>Пир</i> 4.62	I 7	P 7	A 4a
Марцеллин, <i>Жизнь Фукидида</i> 36	III 2	R 2	A 9
Минуций Феликс, <i>Октавий</i> 21.2	II 21	D 18	cf. B 5
Платон <i>Гиппий Большой</i> 282c	I 2, 4	P 2, 4	A 3

Источники	Настоящее собрание	EGP (Laks, Most)	DK (Diels, Kranz) / U (Untersteiner)
<i>Евтидем</i> 277e 305c	II 5 II 11	D 5 D 7	A 16 B 6
<i>Кратил</i> 384b	I 5	P 5	A 11
<i>Лахет</i> 197b–c 197d	II 8 II 5	D 24 D 5	A 17 A 17
<i>Менон</i> 75e	II 8	D 23	A 15
<i>Пир</i> 177b	II 4	D 4	B 1
<i>Протагор</i> 315c–316a 337a–c 340a–b 340e–341a 341b 358a–b 358d–e	I 3 II 7 I 9 II 7 II 6 II 7	P 3 D 22 D 22 P 9 D 22 D 22 D 22	A 2 A 13 A 14 – A 14 – –
<i>Федр</i> 267a–b	II 15	D 11	A 20
<i>Хармид</i> 163b–d	II 5, II 10	D 5, 25	A 18
Псевдо-Платон <i>Аксиох</i> 366c	I 6, III 5	P 6, R 5	B 9
Эриксий 397c–d	III 4	R 4	B 8
Плутарх <i>Советы о сохранении здоровья</i> 8, 126C	II 14	D 11	A 20
Секст Эмпирик, <i>Против ученых</i> 9.18 9.39 9.51 9.52	II 19 III 10 II 19 II 19	D 16 R 12 R 12 D 16	B 5 – B 5 B 5
Стобей, <i>Антология</i> 4.20.65	II 12	D 8	B 7
Суда П.2365	I 1, 14	P 1, 14	A 1
Схолии к Аристофану «Облака» 361 «Птицы» 962	I 13, II 3, 22 III 6	P 13, D 3, 19 R 7	A 6, B 1 A 10

Источники	Настоящее собрание	EGP (Laks, Most)	DK (Diels, Kranz) / U (Untersteiner)
Фемистий, <i>О том, следует ли заниматься земледелием</i> 30, 349a–b	II 20	D 17	B 5
Филодем, <i>О благочестии</i> (PHerс. 1428, col. 2.28–3.8, p. 13–14)	II 18	D 15, R 8	B 5
Филострат <i>Жизни софистов</i> 1. предисл. 1.12	II 23, III 1 I 3, 8, 11	D 19, R 1 P 11, D 20	ad A 1a A 1a
Цицерон <i>Об ораторе</i> 3.32.128 <i>О природе богов</i> 1.37.118	II 2 III 9	D 2 R 11	B 3 B 5

Список литературы / References

Bonazzi, M. (ed.) (2007). *I sofisti*. Milano: Rizzoli.

Diels, H., Kranz, W. (hrsg.) (1951-1962). *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Bd. 1-3. Berlin: Weidmann.

Dillon, J., Gergel, T. (eds.) (2003). *The Greek Sophists*. London: Penguin.

Corey, D. (2015). *The Sophists in Plato's Dialogues*. New York.

Graham, D. (ed.) (2010). *The Texts of Early Greek Philosophy: The Complete Fragments and Selected Testimonies of the Major Presocratics*. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.

Laks, A., Most, G. (eds.) (2016). *Early Greek Philosophy. Volumes VIII–IX: Sophists*. Loeb classical library, 531–532. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.

Mayhew, R. (2011). *Prodicus the Sophist: Texts, Translations, and Commentary*. Oxford.

Pradeau, J.-F. (ed.) (2009). *Les sophistes*. 2 vols. Paris: Flammarion.

Schirren, T., Zinsmaier, T. (hrsg.) (2003). *Die Sophisten*. Stuttgart. Reclam.

Untersteiner, M. (ed.) (1949-1962). *I sofisti*. 4 vols. Firenze: La nova Italia.

Сведения об авторах / Information about the authors

Афонасин Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, e-mail: afonasin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0623-0574>.

Суворкина Татьяна Михайловна – аспирантка Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2020

После доработки: 09.11.2020

Принята к публикации: 20.11.2020

Afonasin Evgeny – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str., e-mail: afonasin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0623-0574>.

Suvorkina Tatiana – Postgraduate of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str.

The paper was submitted: 30.10.2020

Received after reworking: 09.11.2020

Accepted for publication: 20.11.2020

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.42

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЭТНОЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (на примере этнолокальных сообществ татар Новосибирской области)

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

e-mail: zamashka@yandex.ru

Аннотация. На материалах полевых исследований этнолокальных сообществ татар, компактно проживающих в сельских районах Новосибирской области, рассмотрены особенности их экономической адаптации к процессам социальной модернизации. Дана характеристика основных элементов современной системы жизнеобеспечения, выявлены закономерности ее трансформации. Сделан вывод о том, что базовым принципом формирования систем жизнеобеспечения в сельских этнолокальных сообществах татар в настоящее время выступает диверсификация экономических практик. Она проявляется как сочетание максимального количества доступных современных и традиционных практик, что позволяет сообществу адаптироваться в регулярно изменяющихся условиях. При этом вся структура экономических видов деятельности находится в процессе непрерывной трансформации.

Ключевые слова: этнолокальные сообщества, сельские сообщества, система жизнеобеспечения, экономические практики, трансформация, модернизация, диверсификация.

Для цитирования: Зазулина, М. Р. (2020). Формирование систем жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ в условиях модернизации (на примере этнолокальных сообществ татар Новосибирской области). *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.120-132. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.120-132

FORMATION OF LIFE SUPPORT SYSTEMS FOR RURAL ETHNO-LOCAL COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION (on the example of ethno-local communities of tatars in the Novosibirsk region)

M. R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

e-mail: zamashka@yandex.ru

Abstract. Based on the materials of field research of ethnolocal communities of Tatars living compactly in rural areas of the Novosibirsk region the features of their economic adaptation to the processes of social modernization are considered. The characteristics of the main elements of the modern life support system are given, and the regularities of its transformation are revealed. It is concluded that the basic principle of formation of life support systems in rural ethno-local communities of Tatars at the present stage is the diversification of economic practices. It manifests itself as

a combination of the maximum number of available modern and traditional practices, which allows the community to adapt to regularly changing conditions. At the same time, the entire structure of economic practices is in the process of continuous transformation.

Keywords: ethnolocal communities, rural communities, life-support system, economic practices, transformation, modernization, diversification.

For citation: Zazulina, M. R. (2020). Formation of life support systems for rural ethno-local communities in the context of modernization (on the example of ethno-local communities of Tatars in the Novosibirsk region). *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. pp.120-132. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.120-132

Процессы социальной модернизации, начавшиеся в конце XX в., привели к изменению жизнедеятельности всех групп российского общества. Значительные трансформации произошли в образе жизни сельских локальных сообществ, в том числе, имеющих этническую специфику. Дело в том, что значительную роль в системах жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ всегда играли практики традиционного природопользования. Соответственно, модернизационные перемены для таких сообществ сопровождались трансформацией систем жизнеобеспечения, изменением роли и места составляющих их элементов.

В данной работе будет дана характеристика основных элементов современной системы жизнеобеспечения этнолокальных сообществ татар, компактно проживающих в сельской местности, а также выявлены основные закономерности ее трансформации. Основой для наблюдений и выводов, послужили данные полевых исследований, реализованных при участии автора в 2015 г. на территории Новосибирской области. Исследованием были охвачены практически все населенные пункты, расположенные в сельской местности и являющиеся местами компактного проживания представителей татарского этноса: Аул-Кошкуль, Малый Тебис, Аул-Тебис, Белехта, Тармакуль (Чановский район), Аул-Бергуль, Аул-Шагир (Куйбышевский район), Новокурупкаевка, Аул-Тандов (Барабинский район Новосибирской области). В ходе исследований применялись следующие методы: включенное наблюдение, глубинные интервью с лидерами сообществ, а также представителями поселковых и районных администраций, анкетный опрос рядовых жителей, работа с официальными документами и статистикой. Всего было проведено 50 интервью с представителями экспертного сообщества и 234 формализованных интервью с рядовыми жителями поселков.

Новосибирская область традиционно является местом компактного проживания представителей татарского этноса. Племена близкие к татарским, и называвшие себя «бараба», жили здесь издревле. Именно они дали название современному этнониму «барабинские татары». Современные ученые относят татар, проживающих на территории Новосибирской области, к группе сибирских татар, образовавшейся на территории Западной Сибири в результате сложных этно-демографических и миграционных процессов. Этногенез сибирских татар происходил на фоне взаимопроникновения и смешения различных по происхождению племен и народностей, прежде всего угорских, самодийских, тюркских и монгольских [Ульянова и др., 2015]. При этом барабинских татар принято выделять в отдельную этнографическую группу среди сибирских татар, на том основании, что в их

формировании в достаточной степени представлены некоторые «паневразийские», а также «сибирская» гаплогруппы, но практически не выражены «переднеазиатские» и «восточноазиатские» гаплогруппы [Имекина и др., 2017]. Кроме этого, часть современных представителей татарского этноса, проживающих в Новосибирской области на территории обследованных поселений, являются потомками так называемых «мишар», выходцев с Поволжья, под влиянием социально-политических факторов мигрировавших на территорию Сибири в XVIII в.

Все поселки, которые сегодня являются местами компактного проживания татар, являются относительно небольшими: на момент исследования численность населения в каждом из них составляла от 136 до 651 человека, а численность домохозяйств – от 38 до 171 (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения и домохозяйств в населенных пунктах –
местах компактного проживания татар в Новосибирской области,
данные 2015 г. (данные похозяйственных книг)

Населенный пункт	Население (чел.)	Домохозяйства (шт.)
Курупкаевка	470	110
Аул-Тандов	136	38
Аул-Бергуль	651	171
Аул-Шагир	193	74
Тармакуль	415	106
Аул-Кошкуль	340	120
Аул-Тебис	398	105
МалыйТебис	330	90
Белехта	172	60

Из девяти указанных населенных пунктов семь являются моноэтническими, их население составляют представители татарского этноса. Еще два поселка являются полиэтническими, здесь соседствуют представители татарского и казахского этносов. Как показали проведенные нами исследования, моноэтничность является важным фактором сохранения этнического своеобразия в языковой и культурной сфере [Зазулина, 2019]. Можно предположить, что она способствует и сплоченности сообщества в сфере социальной и экономической. В данной работе будут рассмотрены особенности экономической адаптации сообществ татар, проживающих в сельской местности, к процессам социальной модернизации. На сегодняшний день, несмотря на свою малочисленность, исконный компактный характер проживания и наличие традиционных элементов в системе жизнеобеспечения, барабинские татары (и в принципе сибирские татары) не имеют статуса коренных малочисленных народов и закрепленных за ними территорий традиционного природопользования. При этом такие сообщества, обладая выраженной этнической спецификой и проживая в сельской местности, в равной степени сталкиваются и с проблемами общими для сельского населения России, и с процессами размывания традиционного образа жизни, характерного для коренных малочисленных народов.

Внимание к экономическим практикам важно еще и по той причине, что, как показывают исследования, основные проблемы, стоящие перед сибирскими татарами в местах их компактного проживания, имеют не столько культурный, сколько социально-экономический характер (это, прежде всего, плохое качество дорог, бедность, безработица), то есть связаны не с влиянием иноэтничного окружения, а с социально-экономическими факторами. Это означает, что перспективы дальнейшего воспроизводства этничности не могут рассматриваться вне контекста, создаваемого социально-экономической ситуацией. Нельзя забывать и про «золотое правило» сохранения этнической идентичности, в соответствии с которым длительное и полное сохранение этнической идентичности в культурных и социальных сферах возможно лишь при условии сохранения этнических практик в сфере экономики. В противном случае неминуемо происходит размывание традиционной социальной и культурной сферы, которые начинают приобретать исключительно внешний декоративный характер. Таким образом, проблема сохранения материального базиса, то есть традиционной системы жизнеобеспечения, оказывается важной частью проблемы сохранения этничности в полном объеме.

Под системой жизнеобеспечения мы будем понимать совокупность экономических практик, обеспечивающих существование и выживание этнолокальных сообществ. Перечень практик, составляющих систему жизнеобеспечения, может иметь региональные и даже локальные отличия, что объясняется наличием различных ресурсов, территориальными, природными и экономическими факторами. Однако основные группы практик, которые являются составляющими элементами системы, являются постоянными.

Говоря о сельских сообществах, целесообразно выделить следующие группы практик:

1. Традиционное природопользование, к которому относятся различные природопользовательские практики от охоты до рыболовства и собирательства.
2. Личные подсобные хозяйства (ЛПХ), к которому относится работа на подворье от возделывания огорода до содержания крупного рогатого скота.
3. Сектор аграрной экономики (занятость в сельскохозяйственных организациях).
4. Сектор сельской экономики, к которому мы относим любую занятость формального и неформального характера в бюджетной и внебюджетной сферах, но осуществляемую в пределах села, либо предполагающую выезд за его пределы в рамках рабочего дня (мы не относим сюда).
5. Занятость, связанная с долговременными отлучками из села (вахта, долговременные приработки в крупных городах и пр.).

Выделение именно такой структуры обусловлено целями нашего исследования, поскольку позволяет зафиксировать то, что происходит с экономическими практиками, имеющими принципиальное значение для существования сельских этнолокальных сообществ, и как эти практики соотносятся между собой.

В частности, правомерным является выделение сектора аграрной экономики из сектора сельской экономики и представление его в качестве отдельной категории. Занятость в сельскохозяйственных предприятиях на протяжении последних ста лет была ведущим типом экономической деятельности и основной формой занятости на селе. Именно вокруг нее происходило выстраивание всей сельской экономики, выполняющей по сути дела

обслуживающую функцию. Именно в сфере занятости на сельскохозяйственных предприятиях произошли и продолжают происходить изменения, приводящие к трансформации всего образа жизни сельских сообществ. Поэтому в рамках данной работы занятость в аграрной сфере, т. е. на современных сельскохозяйственных предприятиях, мы будем рассматривать отдельно.

Также имеет смысл выделять и рассматривать в качестве самостоятельного сектора ЛПХ, несмотря на то, что формально он относится к сектору аграрной экономики. Именно перераспределение функций по жизнеобеспечению сельских сообществ между крупными сельскохозяйственными предприятиями и личными подсобными хозяйствами населения оказывается ведущей тенденцией последних десятилетий.

В выделенном перечне экономических практик первые две, то есть природопользование и ведение ЛПХ, могут считаться традиционными, а последние три – современными практиками. И основные процессы в современной экономике последних десятилетий и даже столетий связаны с усилением позиций современных практик в качестве элементов системы жизнеобеспечения и ослаблением позиций традиционных практик. Именно в этом ключе можно интерпретировать процесс увеличения городского населения, процесс сокращения количества сельских населенных пунктов и процесс сокращения занятости в аграрном секторе, который за счет все большей технологической оснащенности требует все меньшего количества рабочих рук.

Традиционные и современные практики не являются полностью взаимоисключающими, а оказываются достаточно гибкими по объему и содержанию. В научной литературе феномен совмещения различных практик хозяйствования получил название диверсификация. И на сегодня диверсификации экономических практик является основной адаптационной стратегией для представителей всех обследованных этнолокальных сообществ. Можно даже подчеркнуть, что этносы не выбирают, они совмещают.

Самой распространенной экономической практикой в татарских поселках является ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Такие хозяйства ведет от 65 % до 90 % домохозяйств в каждом из обследованных поселков.

В целом характеристики ЛПХ и вся ситуация, связанная с ведением подсобных хозяйств в татарских селах, похожа на ситуацию в сибирском селе в целом. Различная доля ЛПХ в различных поселках связана, как правило, с представленностью трех категорий населения: бюджетников, пенсионеров и маргинализованных элементов. Именно они по разным причинам, как правило, не держат ЛПХ. Бюджетники не держат хозяйств в силу полной занятости на основном месте работы, а также в связи с регулярным денежным доходом от заработной платы в бюджетной организации. По сельским меркам такой доход является не только стабильным, но и значительным. Особенно эта тенденция выражена для семей, в которых бюджетниками являются и муж, и жена. Для пенсионеров ведение хозяйства часто оказывается слишком трудоемким, кроме этого им помощь зачастую оказывают семьи детей. Семьи маргиналов не ведут хозяйство, так как это требует регулярных усилий, в то время как маргиналы в соответствии с образом жизни предпочитают разовые случайные заработки.

В личных подсобных хозяйствах татары держат коров, кур, гусей. По религиозным причинам не держат свиней, зато держат овец. Во всех поселках, кроме одного, выпас коров производится стадом, которое может насчитывать от 150 до 250 голов. Однако это не означает, что поголовье коров распределено равномерно между всеми домохозяйствами, ведущими ЛПХ. В последние годы наметилась тенденция специализации ЛПХ: домохозяйства делятся на те, которые держат сразу от 4–6 коров и больше, и те, которые коров не держат. Сельские эксперты связывают это с тем, что одну корову держать становится невыгодно: если держать ее для продажи, то молоко и мясо с нее сдавать оказывается слишком нерентабельно, если держать ее для потребления в домохозяйстве, то становится дешевле купить эти продукты в магазине или у односельчан. С такой точки зрения, при наличии близких и удобных рынков сбыта, на подворье выгодно иметь от 4 коров. В целом коров держат до 40 % домохозяйств.

Также в домохозяйствах держат овец и птицу, часто в значительных количествах. В хозяйствах, которые держат кур, их поголовье насчитывает, как правило, 50–70 голов. Кроме этого сезонно татары разводят значительное поголовье гусей.

Таким образом, для татарских этнолокальных сообществ, характерен достаточно крепкий сектор ЛПХ, в котором выделяется значительная доля не крупных, но средних по размеру хозяйств, ориентированных на товарное хозяйство.

В то же время все эксперты отмечают общую тенденцию сокращения ЛПХ, связанную со значительной трудоемкостью и низкой рентабельностью этой экономической деятельности. В чуть более выигрышной ситуации находятся те сообщества, на территории которых есть мелкие предприятия по приему и переработке молока. Они не только обеспечивают население рабочими местами, но и, принимая молоко, тем самым стимулируют развитие сектора ЛПХ.

Также отметим, что крупные подсобные хозяйства в татарских поселениях не зарегистрированы ни в качестве фермерских, ни в качестве индивидуально-предпринимательских. На момент исследования количество крестьянско-фермерских хозяйств в поселках составляло всего 3 единицы.

Второй по популярности группой экономических практик, осуществляемых населением татарских поселков, является традиционное природопользование. Сюда относятся сбор ягод, грибов, папоротника, колбы. В различных поселках природопользованием занимаются от 50 % до 70 % домохозяйств. Несмотря на большую распространенность таких практик, лишь крайне незначительная доля семей (менее 5 %) занимается ими профессионально, т. е. полностью живет за счет леса. В целом же особенностью таких практик в современности является их низкоспециализированный характер. По сути дела, они не требуют специальной подготовки и участие в них, как правило, принимают все члены семьи от мала до велика, в ряде случаев объединяются члены нескольких семей. Сбор дикоросов в подавляющем большинстве случаев осуществляется для потребления в собственном домохозяйстве.

Поскольку сбор дикоросов имеет сезонный характер, то и доход от такой деятельности тоже является сезонным. Конкретные ориентации на сбор тех или иных дикоросов связаны

с непосредственной быстрой возможностью их продажи, поскольку часто их ценность определяется их «свежестью». Например, сбор грибов гораздо более распространен в поселках, которые находятся непосредственно возле крупной автомагистрали. В обследованном ареале (напомним, что речь идет о Чановском, Куйбышевском и Барабинском районах Новосибирской области) это трасса Р-254, которой местное население дает разные названия: «дорога жизни», «трасса Байкал» и пр.

Для населения близлежащих поселков ее значение определяется не столько тем, что по ней можно куда-то уехать, а тем, что на ней местное население может продать проезжающим грибы и ягоды. По сути дела, автомагистраль существует не для передвижения, а для продажи и является фактором, значительно стимулирующим традиционную природопользовательскую деятельность местного населения. Такое изменение общепринятого значения привычных нам явлений можно считать проявлением современных комплексных социально-экономических процессов (подобные явления интересны для наблюдения и, несомненно, нуждаются в дальнейшем анализе и осмыслении).

Занятость в крупных сельскохозяйственных организациях наименее представлена среди населения татарских этнолокальных сообществ. Низкая представленность ее связана с тем, что не в каждом населенном пункте есть сельскохозяйственные предприятия. На момент обследования, предприятия действовали только на территории двух поселков – Тармакуль и Бергуль. Количество местного населения, занятого на них составляло соответственно 10 и 6 человек. При этом в ряде поселков сельхоз предприятия ранее существовали, но были в ходе аграрных трансформаций сначала реструктурированы, а затем ликвидированы.

Отметим, что обычно занятость в сельскохозяйственных предприятиях является приоритетной для сельских жителей, и если на территории населенного пункта их нет, то селяне часто устраиваются на предприятия в соседних селах. Среди татар подобная практика не получила распространения. Отношение к занятости в сельскохозяйственных организациях от сообщества к сообществу может меняться, и в ряде случаев обусловлено исторически сложившимся негативным отношением к процессам насильственной коллективизации, которое наложило отпечаток на выбор предпочитаемых экономических стратегий поведения. Это является одной из причин, почему ликвидированные колхозы на территории татарских поселений не были восстановлены. Работа на сельскохозяйственном предприятии считается среди представителей некоторых из обследованных нами сообществ низкооплачиваемой и не престижной. По доходности она проигрывает выбираемым стратегиям ведения крупных ЛПХ и отходничества в город. Но повторимся еще раз, негативное отношение к занятости в акционерных обществах (АО) не является повсеместным правилом и обусловлено сложным комплексом факторов, многие из которых имеют локальную природу.

А вот занятость в бюджетной сфере, напротив, везде считается важной и почетной, поскольку связана с помощью не просто односельчанам, но и представителям своего этноса. К сожалению, количество бюджетных мест в современном селе ограничено сферами образования (сады и школы), досуга (клубы и библиотеки), связи (почта), медицины (ФАПы)

и управления (администрации). В небольших татарских поселениях количество рабочих мест в таких учреждениях крайне мало, на них занято, в зависимости от размера населенного пункта, от 2 до 34 человек.

Кроме этого, сфера сельской экономики представлена немногочисленными магазинами и еще более немногочисленными заправокми, пилорамами и пр. Но подобные предприятия могут предоставить рабочие места лишь единицам.

Относительно новой, но активно осваиваемой сферой экономической деятельности для этнолокальных сообществ татар, является отходничество. Татары либо организуют строительные бригады по 10–15 человек и уезжают на длительное время (от нескольких недель до месяцев) в Новосибирск предлагать свои услуги на строительном рынке, либо уезжают работать на север классическим вахтовым методом (вахта, как правило, длится пару месяцев). Характерно, что в этом случае представители татарского этноса также не едут поодиночке, а предпочитают устраиваться на работу группами. Можно предположить, что в подобной коллективной организации отходнических практик нашел воплощение коллективный дух взаимопомощи, свойственный представителям татарского этноса. Отходничество распространено во всех обследованных нами поселках. В каждом из поселков на заработки периодически уезжают от 10 до 40 человек, таким образом, доля занятых в таких практиках домохозяйств может оцениваться в 10–40 % (уезжают, как правило, один взрослый из членов семьи и это, естественно, мужчины, женщины остаются дома заниматься детьми и вести хозяйство).

Структура занятости в обследованных сельских населенных пунктах, составленная на основе экспертных интервью представлена в табл. 2.

Таблица 2

Структура занятости в сельских населенных пунктах –
местах компактного проживания татар в Новосибирской области
(доля семей, занятых различными видами деятельности)

Сфера экономической деятельности	Доля занятых (%)
Традиционное природопользование	50–70
Личные подсобные хозяйства	65–90
Сектор аграрной экономики (сельхозпредприятия)	0–10
Сектор сельской экономики (бюджетники и небюджетники)	5–20
Занятость, связанная с долговременными отлучками из села	10–30

Описанная нами ранее и представленная в таблице структура занятости дает возможность осмыслить масштабы стратегии диверсификации в местах компактного проживания татар и ее характерные черты. Во-первых, приведенные данные свидетельствуют о бесспорном выборе населением этнолокальных сообществ татар стратегии сочетания принципиально различных экономических практик. Тот факт, что во всех обследованных поселках представлены все стратегии, свидетельствует о том, что каждое сообщество не просто сочетает современные и традиционные экономические практики, а старается использовать весь доступный спектр экономических реакций.

Во-вторых, мы можем проследить ранжирование практик по популярности среди населения. Оказывается, что, несмотря на все тенденции сворачивания объемов ЛПХ и природопользования, отмечаемых и статистикой, и научным сообществом, и сельскими экспертами, именно эти сектора остаются наиболее популярными, занимая соответственно первое и второе места по занятости среди населения. Настолько сильная включенность сельских сообществ в данные практики является лучшим свидетельством их поистине «народного» характера и вновь заставляет задуматься об их значимости для существования сообществ.

Напротив, даже совокупная доля всех форм современной занятости в нашем исследовании едва достигает 60 % (и очевидно, что на самом деле она намного ниже). Несмотря на то, что в сельских сообществах в последние десятилетия (и можно сказать даже столетия) происходит бурный рост современных форм занятости, фактически до сих пор все остается «по старинке». Кризис, вызванный проведением комплексных социально-экономических реформ, только подчеркнул, что сельское население оказывается «за бортом» всех инноваций, и по-прежнему вынуждено выживать за счет поля и леса.

Приведенные выше данные касаются занятости населения различными практиками, но никак не характеризуют доходность, то есть их экономическую эффективность. Отметим, что долю того или иного источника в общих доходах домохозяйства достаточно сложно оценить. Ведение ЛПХ и тем более природопользование, по сути дела, являются неформальными видами деятельности. Помимо того, что они имеют значительные сезонные колебания, сведения о них часто скрываются и занижаются. Также не всегда корректно сравнивать долю той или иной экономической деятельности в доходе домохозяйства и ее реальную значимость для выживания сельской семьи. Несмотря на низкую доходность и даже ее полное отсутствие, ведение ЛПХ и природопользование всегда остаются доступными видами экономической деятельности и именно поэтому играют важную роль в системе жизнеобеспечения сельской семьи. Также надо отметить, что различные экономические практики требуют различных трудозатрат. Например, к сбору ягод и грибов можно привлечь детей и поручить продавать подросткам. Отходничество на строительство требует преимущественно мужского труда. Сбор ягоды, растущей на болоте (клюквы и морошки), требует значительных, но разовых и ограниченных по времени усилий.

Товарный характер ЛПХ в современном российском селе отнюдь не является повсеместной нормой. По нашим оценкам, свою продукцию продают лишь 30–40 % домохозяйств в обследованных населенных пунктах. А это значит, что более чем для половины семей, ведущих ЛПХ, эта деятельность имеет полностью натуральный характер, сводящийся исключительно к потреблению в семье.

Также на основе собранных данных можно сделать вывод, что товарность природопользовательских практик еще ниже, чем товарность ЛПХ. Продажей дикоросов занимаются от 10 % до 40 % домохозяйств в зависимости от поселка. Даже если доход от таких продаж удастся получить, он может быть очень различным и иметь нерегулярный характер.

Если говорить о ранжировании экономических практик по доходности, то наиболее доходными среди татар считаются работа вахтовым методом и специализированное ведение крупного ЛПХ. Наименее доходными считаются работа на местных сельхозпредприятиях и ведение мелких ЛПХ. Получается, что доходность, по сути дела, не связана с традиционностью или современностью практик. Как те, так и другие могут приносить и высокий и низкий доход. По нашему мнению, такая «неопределенность» и служит реальной основой экономической диверсификации: каждая из них может стать значимой в постоянно изменяющихся условиях.

На основе всех имеющихся данных можно выделить характерные черты трансформации системы жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ татар. Очевидно, что происходит постепенное увеличение доли современных практик в системе жизнеобеспечения, а также увеличение их значимости в качестве источника дохода. При этом структура современных практик хозяйствования также претерпевает изменения, среди них наблюдается рост занятости, связанной с долговременными отлучками из села. Получается, что доля современных видов экономической деятельности увеличивается в основном за счет длительного отходничества, в то время как занятость в секторе сельской экономики сохраняется на одном уровне, а занятость в аграрном секторе (под эту тенденцию попадает и занятость на сельскохозяйственных предприятиях и занятость в ЛПХ) постепенно сокращается.

Если говорить о природопользовании, то надо признать, что практики собирательства в основном имеют вспомогательный характер. Этому способствует и то, что они носят все менее специализированный характер и то, что их сезонность позволяет сочетать их с другими экономическими практиками. Но эти черты также являются гарантией того, что в обозримом будущем природопользование вряд ли исчезнет.

Отметим, что роль и место личных подсобных хозяйств в экономике этнолокальных сообществ постепенно сокращается. С одной стороны, это является следствием увеличения масштабов работы вахтовым методом. Ведение хозяйства требует постоянных усилий и присутствия, а также тяжелого физического труда, поэтому появление занятости, связанной с вахтой и отходничеством в город, автоматически означает либо полный отказ от ведения подсобного хозяйства, либо значительное сокращение его объемов. Еще одной связанной тенденцией является усиление специализации в рамках сектора личных подсобных хозяйств и выделение его в основную сферу экономической деятельности для тех домохозяйств, которые отходничество не практикуют. Также развитие сектора личных подсобных хозяйств сегодня оказывается крайне зависимым от государственной аграрной политики.

Все отмеченные особенности являются характерными для экономических процессов не только в татарских поселениях. Они характерны для всего современного российского села. В то же время исследование показало, что существуют особенности, специфичные именно для экономики татарских этнолокальных сообществ, отличающие их от соседних сел с русским населением. Характерной чертой татарских сообществ, по сравнению с русскими, является более выраженная установка на природопользовательские практики. Можно утверждать, что в условиях перманентного социально-экономического кризиса именно

традиционные практики, связанные с освоением природных ресурсов, стали основой выживания этнолокальных сообществ татар (развалились колхозы, задерживают зарплату – татары начинают заниматься грибами, ягодами; дорого покупать комбикорм для кур – держат сезонно гусей и т. д.).

Еще одной важной чертой реализации экономических практик в татарских поселках выступает взаимопомощь среди родственников. Представители родственных семей часто объединяются для сбора дикоросов или для отходничества в город (бригады для строительства, как правило, образуются среди родственников). Это помогает более эффективно перераспределить обязанности и, в конечном итоге, выжить.

По оценкам и самих татар, и экспертов из сельских администраций, наблюдающих быт сельских жителей в русских и в татарских деревнях, отношения в татарских поселках крепче. Татары демонстрируют большую деловую хватку, они «хитрее» и в целом более адаптивны. Можно предположить, что все выделенные черты связаны не только с проявлением национального характера, но являются своеобразным проявлением этномобилизации в условиях жизни в иноэтничном окружении.

Суммируя все вышеизложенное, подчеркнем, что формирование систем жизнеобеспечения в сельских этнолокальных сообществах татар на современном этапе четко следует принципу диверсификации экономических практик. Сочетание различных форм экономической деятельности оказывается необходимым для выживания этнолокальных сообществ, принципом организации труда в современных условиях.

Вся структура экономических практик находится в процессе непрерывной трансформации. Элементы этой структуры оказываются по отношению друг к другу одновременно конкурирующими, но в тоже время компенсаторными и взаимодополнительными. Тенденции трансформации системы жизнеобеспечения этнолокальных сообществ в определенные периоды времени оказываются крайне противоречивы. С одной стороны, в условиях перманентного социально-экономического кризиса, именно традиционные практики становятся основой выживания этнолокальных сообществ татар. Но с другой стороны, в это же время происходит изменение структуры современных практик хозяйствования в сторону увеличения в их составе доли практик связанных с долговременными отлучками из села. Наиболее сильные изменения происходят в секторе ЛПХ, который одновременно неуклонно сокращается, но при этом начинает специализироваться, и в секторе, связанном с долговременным отходничеством. Но именно эти сферы деятельности на сегодняшний момент могут считаться и самыми нестабильными, поскольку их развитие максимально зависит от государственной политики и общей конъюнктуры рынка.

Отмеченные тенденции могут иметь специфические последствия для сельских сообществ с этнической спецификой: складывается ситуация, при которой развитие традиционных практик и даже работа в любой нетрадиционной сфере, но в пределах села, способствуют замкнутости и сохранению этнокультурного своеобразия. И напротив, экономические стратегии, связанные с отходничеством, размывают традиционный образ жизни и ведут к уменьшению употребления родного языка.

Трансформация перестает быть процессом и становится характеристикой современного состояния системы жизнеобеспечения сельских сообществ. Связано это с тем, что постоянно меняются внешние условия существования сообществ: прежде всего ситуация на рынке, в результате которой изменяется доступность и привлекательность для сельского населения различных экономических ниш; а также государственная политика в отношении села. Изменения в государственной регламентации ведут к институциональной перестройке села. По сути дела, мы наблюдаем, как все сообщества, в том числе и этнолокальных поселков, в своей экономической деятельности вынуждены адаптироваться к новым условиям, буквально раз в несколько лет, вслед за изменением общей социально-экономической ситуации в стране и вслед за конкретными законами, регламентирующими деятельность в определенных сферах. Именно это обуславливает сохранение предельно широкого спектра диверсификационных экономических стратегий. Они сохраняются, чтобы сообщество могло в случае кризиса быстро перестроиться и выжить. Такова особенность функционирования системы на данном этапе.

Список литературы / References

Зазулина, М. Р. (2019). Этническая идентичность в условиях проживания в сельской местности: модели воспроизводства и механизмы репрезентации. *Сибирский философский журнал*. Т. 17. № 3. С. 209-221. DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-3-209-221

Zazulina, M. R. (2019). Ethnic identity in the conditions of living in rural areas: patterns of reproduction and mechanisms of representation. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 17. no. 3. pp. 209-221. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-209-221 (In Russ.)

Имекина, Д. О., Падюкова А. Д., Балаганская О. А., Агджоян А. Т. и др. (2017). Структура генофондов тоболо-иртышских и барабинских татар по данным о полиморфизме Y-хромосомы. *Генетика человека и патология*. Сборник научных трудов. Вып. 11. Томск. С. 47-48.

Imekina, D. O., Padyukova, A. D., Balaganskaya, O. A., Agdzhoyan, A. T. and more. (2017). Structure of the gene pools of the tobolo-Irtysh and Barabinsk Tatars according To y-chromosome polymorphism data. In *Human Genetics and Pathology*. Collection of proceedings. Vol. 11. Tomsk. pp. 47-48. (In Russ.)

Ульянова, М. В., Лавряшина, М. Б., Поддубиков, В. В., Зазулина, М. Р. и др. (2015). Итоги комплексного исследования процессов воспроизводства населения в локальных группах тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области: генетико-демографические аспекты. *Вестник Кемеровского государственного университета*. № 1-2. С. 36-43.

Ulyanova, M. V., Lavryashina, M. B., Poddubikov, V. V., Zazulina, M. R., Osipov, K. I., Chemchieva, A. P., Tychinskih, Z. A., Tkhorenko, B. A., Vedenin, A M., Nechiporenko, O. N.,

Druzhinin, V. G. (2015). Results of complex investigations of population reproduction processes in local groups of tobol-irtysh siberian tatars in tyumen region: genetic and demographic aspects. *Bulletin of the Kemerovo state University*. no. 1-2. pp. 36-43. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

Статья поступила в редакцию: 30.10.2020

После доработки: 09.11.2020

Принята к публикации: 20.11.2020

Zazulina Mariia – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Nikolaev Str., 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

The paper was submitted: 30.10.2020

Received after reworking: 09.11.2020

Accepted for publication: 20.11.2020

УДК 316.422:378.4

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТИПОЛОГИИ УНИВЕРСИТЕТОВ

Е. М. Лбова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
kate.lbova@gmail.com

Аннотация. В статье, через изучение разных вариантов типологии университетов, оцениваются актуальное состояние и перспективы развития российской высшей школы. Выделены различные подходы к классификации учреждений высшего образования: классический, рассматривающий университет через призму истории; подход, систематизирующий учреждения высшего образования по принадлежности к определенной культурной традиции; экономический. Показано, что существуют две противоположные точки зрения относительно будущего российских университетов. Сторонники первой точки зрения предлагают радикальное реформирование. Их оппоненты предлагают подстраивать существующую систему под требования современного общества. На основе проведенного анализа сделан вывод, что для России предпочтительнее второй, гибридный вариант, который позволяет сохранить преимущества российского образования и нивелировать недостатки.

Ключевые слова: высшее образование, университет, типология, классификация, трансформация, Россия.

Для цитирования: Лбова, Е. М. (2020). Настоящее и будущее российской высшей школы через призму типологии университетов. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 133-140. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.133-140

THE PRESENT AND THE FUTURE OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION SHOWN THROUGH UNIVERSITY TYPOLOGY

E. M. Lbova

Institute of philosophy and law SB RAS (Novosibirsk)
kate.lbova@gmail.com

Abstract. In the article, through the study of various typologies of universities, the current state and the future of Russian higher education are assessed. There are different approaches to the classification of higher education institutions: classical, which views the university through the history; an approach that systematizes higher education institutions by belonging to a particular cultural tradition; economic approach. The authors of the typologies offer two opposite points of view regarding the future of the Russian university. According to the first point of view, the existing university system must be completely reformed. Supporters of the second one suggest adjusting the existing system to the requirements of modern society. Due to the analysis, we concluded that a hybrid option is more suitable for Russia, in which gradual changes allow preserving the advantages of Russian education and minimize the disadvantages.

Keywords: higher education, university, typology, classification, transformation, Russia.

For citation: Lbova E. M. (2020). The present and the future of Russian higher education shown through university typology. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 133-140. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.133-140

Переход от индустриального общества к постиндустриальному на рубеже XX–XXI вв., повсеместное распространение культа знаний и рост доступности информации затронули все сферы жизни общества, обусловив необходимость трансформации социальных институтов. Сфера высшего образования и ее важнейшая составляющая – университет, одни из первых ощутили кризис переходного периода, став предметом научной дискуссии относительно настоящего и будущего современной высшей школы. По мнению немецкого ученого Ю. Миттельштрасса, нынешние университеты выглядят как «непомерно раздутые предприятия с расплывчатыми очертаниями», чья основная цель сводится не к познанию, а к зарабатыванию денег на «студенческой массе» [Миттельштрасс, 2013, с. 100]. Исследователь является сторонником популярной точки зрения о так называемой «смерти университета», широко распространенной среди российских и западных экспертов [Казанцев, 2016]. Существует и другая точка зрения, согласно которой классический университет постепенно эволюционирует и приобретает новые формы, соответствуя запросам общества, не теряя при этом своего высокого статуса [Коява и др., 2018]. И та, и другая позиции имеют право на существование, но какая больше подходит российской системе высшего образования? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо не только охарактеризовать высшую школу как социальный институт, но и обратиться к различным классификациям типов университетов. С момента включения России в Болонский процесс, в 2003 г., вышло значительное количество работ российских, а также зарубежных исследователей, посвященных истории развития высшей школы и типологии университетов. Изучение различных классификаций университетов может помочь выбрать верное направление модернизации российской системы высшего образования.

Под социальным институтом высшего образования подразумевается система, нацеленная на передачу знаний и трансляцию культуры для «обеспечения преемственности поколений и стабилизации общества» [Осипова, 2004, с. 14]. В России существуют следующие виды высших учебных заведений: федеральный университет (с 2006 г.), университет, академия, институт. Из всех перечисленных типов, мы сосредоточим внимание на университете, который также является понятием, отождествляемым со всей сферой высшего российского образования в целом. Основная задача современного университета состоит в интеграции науки, образования, культуры и социальной жизни общества. Важное значение придается производству научного знания, что российской системе высшего образования прежде было не свойственно. Российский университет всегда занимался подготовкой кадров, а исследовательская деятельность оставалась в ведении Академии наук. В современных условиях, возникло противоречие между социальной и научной функциями университета требующее реконтекстуализации науки и высшего образования [Зиневич и др., 2014]. Иначе говоря, российская высшая школа нуждается в выстраивании новых институциональных форм, обеспечивающих высокую конкурентоспособность сферы высшего образования, соответствующих вызовам нового времени.

Пример описания современного состояния российской высшей школы есть в типологии Н. В. Осиповой. Исследователь выделяет два вида университета: *традиционный* (классический) и *новый* (отраслевой). Основная задача *классического университета* – выполнять роль единого центра науки, образования, культуры и социальной жизни общества.

Классическому университету свойственны следующие качества: фундаментальность образования, единство научной и образовательной деятельности, наличие наряду с естественнонаучными социально-гуманитарных дисциплин, академическая свобода преподавателей и студентов. Второй вид – *отраслевой университет*. Именно он, по мнению Н. В. Осиповой, должен заменить со временем классический, преобразовав последний в «хозяйственный институт», объединяющий индивидов, самостоятельно принимающих решения относительно программы своего обучения [Осипова, 2004, с. 16].

В рамках классической типологии университетская система рассматривается через призму истории развития высшей школы. К примеру, С. А. Смирнов для характеристики изменений, произошедших в системе российского высшего образования, опирается на данную классификацию [Смирнов, 2008]. Исследователь перечисляет следующие типы университетов: *ремесленная цеховая корпорация* (XI–XV вв.); *классический исследовательский университет* (XVII–XX вв.); *университет-предприятие* (XX в.); *университет-супермаркет*; *проектный университет*; *сетевой университет*. В качестве основного критерия отличия для каждого типа университета выделяется, свойственная только ему, базовая образовательная практика. Так, *первым европейским университетам* была свойственна практика передачи образцов от учителя к ученику. *Классический исследовательский университет* делал упор на развитие наук. *Университет-предприятие* был ориентирован на «выстраивание учебного процесса по схеме образовательного конвейера» [Смирнов, 2008, с. 235]. Причем этот тип университета до сих пор существует и большинство российских вузов ставят в приоритет освоение студентами учебных предметов, не уделяя внимание творческой и научной составляющим. *Тип университета-супермаркета* был выработан в США. По сути, он копирует практику университета-предприятия, но основной акцент сделан на свободе выбора учебных дисциплин студентами. Обучение в *проектном университете* ориентировано на практическое применение полученных знаний в конкретной области. У студентов формируется проектное мышление и креативность. Данный подход свойственен передовым мировым университетам. Для *сетевого университета* характерно распространение филиалов и представительств в различных регионах и даже странах. В современном мире, по мнению С. А. Смирнова, университетам при выборе образовательной практики предпочтительнее ориентироваться не на сложившиеся исторически типы, а заимствуя опыт прошлого и настоящего создавать гибридные формы университетов. В качестве примера исследователь предлагает форму сетевой предпринимательской университетской корпорации.

Классификация, систематизирующая учреждения высшего образования по принадлежности к определенной культурной традиции, чаще всего используется, когда речь идет о британских, французских и немецких ведущих университетах. История их становления и развития позволяет говорить о специфических различиях между ними, выраженных в различных формах университетских моделей. В *английской модели* университеты ориентированы на воспитание и обучение будущего члена национального истеблишмента. Для них характерно наличие широкой академической свободы, позволяющей самостоятельно формировать образовательную программу. *Французской системе высшего образования* свойственен строгий государственный и бюрократический контроль, ограничивающий автономию университетов. Для *немецкой* (прусской) модели развития университетских

систем характерен упор на максимальную академическую свободу, единство науки во всех ее проявлениях и наличие централизованной бюрократизированной системы управления [Петров, 2020]. К уже упомянутым трем моделям, следует прибавить *американскую*, сформировавшуюся в начале XX в. и ставшую примером для многих современных университетов. Американская или, иначе говоря, англосаксонская система высшего образования сочетает в себе как элементы свойственные лучшим европейским университетам (академическая свобода, элективность, единство науки и образования), так и черты, сложившиеся исторически в результате экономической и территориальной специфики США (прагматизм, конкуренция). В России американскую модель пытаются копировать, что может в перспективе негативно отразиться на качестве образования, поскольку данная модель строится на принципе «прагматического отношения к научным исследованиям и обучению» [Абрамова, 2020, с. 86].

Й. Виссема предлагает разделять университеты по поколениям. Ученый выделяет три типа: *средневековый университет первого поколения, исследовательский университет и университет третьего поколения (концепция «Университет 3.0»)* [Как изменятся университеты, 2017]. Согласно данной концепции, университет третьего поколения должен совмещать в себе черты предыдущей модели (разработка фундаментальных исследований, междисциплинарность) наряду с открытостью для промышленности и бизнес-структур, предполагающей коммерциализацию разработок. Популярность подобного подхода связана с развитием мультикампусных университетов в США и популярностью англо-саксонской системы высшего образования в мире.

Необычную типологию университетов предложил Д. Н. Песков в дискуссии о будущем высшей школы [Кузьминов и др., 2017], классифицируя университеты в соответствии с различными уровнями экономического развития. Согласно данному подходу, в современном мире существует четыре типа университетов. Учреждения первого типа действуют в рамках *аналоговых экономик* и нацелены на сохранение доли активной молодежи в регионе; ко второму типу относятся университеты, созданные для решения прикладных задач *развивающихся экономик*; третий тип – это знаменитые *британские и французские университеты культурной монополии*; четвертый тип – «воронки» – лидирующие американские университеты, аккумулирующие талантливую молодежь со всего мира. При этом Д. Н. Песков отмечает, что на сегодняшний день не существует ни одной модели университета, адекватной вызовам цифровой экономики [Там же, 2017].

Описанные выше типологии университетов могут быть рассмотрены как идеальные, описания. На практике сложно встретить, не только в России, но и где-либо в мире, учебное заведение полностью подходящее под какую-либо из классификаций. Институт высшего образования, как и любая социальная сфера жизни общества, чутко реагирует на глобальные тенденции и трансформации, пребывая в состоянии перманентных внутренних и внешних перемен. К примеру, естественный процесс трансформации российской университетской системы в соответствии с требованиями новой рыночной экономики в 1990-х гг., был замедлен в связи с восстановлением государственного контроля за деятельностью высших учебных заведений в начале 2000-х гг. По мнению L. Bischof, возобновление финансирования крупных университетов затормозило процесс естественного развития российской системы высшего

образования, обусловив возвращение к традиционной модели университета [Bischof, 2018]. Также реформы в области образования, нацеленные на продвижение англосаксонской модели вкпе со вступлением в Болонский процесс, позволили добиться пока что только внешнего соответствия желаемому идеалу. Это связано как с наследием советской высшей школы, перенявшей принципы классического немецкого университета, ориентированного на трансляцию знаний, так и с экономической ситуацией [Абрамова и др., 2018]. По сути, университет сегодня «готовит кадры для действующей аналоговой экономики, а не для экономики данных» [Кузьминов и др., 2017, с. 207]. Современное российское образование, в большинстве случаев, по-прежнему узкоспециализированное и ориентировано на заучивание информации. При этом студенты не могут самостоятельно формировать свою программу обучения, как, например, в университетах США; или свободно перемещаться между вузами, как в европейских странах. Большинство выпускников не владеют навыками научно-исследовательской деятельности, без которых «наука не может развиваться и превращается в свод сомнительных истин» [Величко, 2014, с. 288]. Это обстоятельство требует иного подхода к модернизации системы высшего образования. В «обществе знания» существует запрос на креативного специалиста, способного обеспечить быстрый результат в условиях высокой интеллектуальной конкуренции. Университеты, готовящие таких работников, должны стать генераторами развития новых отраслей и новых компаний. По мнению Д. Н. Пескова, с этой задачей сможет справиться университет, либо ориентированный на *моделирование окружающего мира (setting university)*, либо «на максимизацию вызова» (*singularity university*) [Кузьминов и др., 2017, с. 210]. Учреждения такого типа не предполагают массовости и должны привлекать исключительно талантливую и одаренную молодежь. Эта тактика в корне противоречит глобальной идее доступности и массовости высшего образования, прописанной во Всемирной декларации ЮНЕСКО [Всемирная декларация, 2000].

Рассмотренные нами классификации дают представление не только о различных подходах к истории и сущности «университета», но и позволяют сделать вывод о существовании двух противоположных позиций относительно будущего российского высшего образования в обществе знания. С одной стороны, существуют довольно пессимистичные оценки перспектив современного университета, предполагающие полное разрушение существующей системы и создание новой. С другой стороны, есть сторонники более оптимистичного прогноза, предусматривающего появление различных форм гибридных университетов. И та и другая позиции имеют право на существование. Однако для России больше подходит второй вариант, при котором постепенные изменения позволят сохранить преимущества и нивелировать недостатки.

Список литературы / References

Абрамова, М. А., Каменев, Р. В., Крашенинников, В. В. (2018). *Высокие технологии: влияние на социальные институты и применение в профессиональном образовании*. Новосибирск: Манускрипт.

Abramova, M. A., Kamenev, R. V., Krashennnikov, V. V. (2018). *High technologies: impact on social institutions and application in professional education*. Novosibirsk. Manuscript. (In Russ.)

Абрамова, М. А. (2020). Наука + образование \neq образование + наука. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 83-93. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.83-93.

Abramova, M. A. (2020). Science + education = (\neq) education + science. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 83-93. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.83-93. (In Russ.)

Величко, М. В. (2014). Система образования как генератор «кризиса фрагментации обществознания». *Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета*. № 36. С. 285-288.

Velichko M. V. (2014). The education system as a generator of the “crisis of fragmentation of social science”. *News of the Saint-Petersburg Agrarian University*. no 36. pp. 285-288. (In Russ.)

Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901839539> (Дата обращения: 10.11.2020).

World declaration on higher education for the 21st century: approaches and practical Measures. [Online]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901839539> (Accessed: 10 November 2020). (In Russ.).

Зиневич, О. В., Рузанкина, Е. А. (2014). Университет как научный и социальный институт в современном российском обществе. *Высшее образование в России*. № 7. С. 37-43.

Zinevich, O. V., Ruzankina E. A. (2014). University as a scientific and social institute in the contemporary Russian society. *Higher education in Russia*. no 7. pp. 37-43. (In Russ.)

Казанцев, Д. А. (2016). Идея «смерти» университета в современном западном и российском образовательном дискурсе. *The Chicago journals in liberal arts*. С.104-111.

Kazantsev, D.A. (2016). The idea of “death” in contemporary western and Russian discourse. In *The Chicago journals in liberal arts*. pp. 104-111. (In Russ.)

Как изменятся университеты в течение следующих 20 лет. Конспект лекции профессора Йохана Виссемы, автора книги «Университет 3.0». (2017). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsu.ru/podrobnosti/kakizmenyatsya-universitety-v-techenie-sleduyushchikh-20-let/> (Дата обращения: 18.11.2020).

How universities will change over the next 20 years. Lecture notes by Professor Johan Wissema, author of the book “University 3.0”. (2017). [Online]. URL:

<http://www.tsu.ru/podrobnosti/kakizmenyatsya-universitety-v-techenie-sleduyushchikh-20-let/>
(Accessed: 18 November 2020). (In Russ.)

Коява, Л. В., Новгородов, П. А., Смирнов, С. А. (2018). Предпринимательский университет. Концепт. *Современная конкуренция*. Т. 12. № 4(70)-5(71). С. 93-105.

Koyava, L., Novgorodov, P. Smirnov, S. Entrepreneurial university. The concept. *Journal of Modern Competition*. Vol. 12. no. 4(70)-5(71). pp. 93-105. (In Russ.)

Кузьминов, Я. И., Песков, Д. Н. (2017). Дискуссия «Какое будущее ждет университеты». НИУ ВШЭ, 14 июля 2017 г. *Вопросы образования*. № 3. С. 202-231.

Kuzminov, Y., Peskov, D. (2017). Discussion “What tomorrow holds for universities”. *Educational studies*. no 3. pp. 202-231. (In Russ.)

Миттельштрасс, Ю. (2013). Будущее науки и настоящее университета. *Логос*. № 1(91). С. 100-121.

Mittelstrass, J. (2013). The future of the science and the present of the university. *Logos*. no 1(91). pp. 100-121. (In Russ.)

Осипова, Н. В. (2004). *Современный университет как социальный институт*: автореф. ... канд. соц. наук. М.

Osipova, N. V. (2004). *Modern university as a social institution*. Abstract of PhD thesis in social sciences. Moscow. (In Russ.)

Петров, В. В. (2020). *Университетские системы в трансформирующихся обществах*. Новосибирск: Манускрипт.

Petrov, V. V. (2020). *University systems in transforming societies*. Novosibirsk. Manuscript. (In Russ.)

Смирнов, С. А. (2008). Российская высшая школа: на пути к новым институциям. *Вестник НГУЭУ*. № 1. С. 232-241.

Smirnov, S. A. (2008). Russian higher education: towards new institution. *Vestnik NSUEM*. no 1. pp. 232–241. (In Russ.)

Bischof, L. (2018). Effects of the Bologna process on Quality Assurance Regimes in the Post-Soviet Space: Isomorphism and Path Dependencies in Moldova, Russia, and Kazakhstan. *European Higher Education Area: The Impact of Past and Future Policies*. Springer. pp. 77-93.

Сведения об авторе / Information about the author

Лбова Екатерина Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8. e-mail: kate.lbova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-8748-5095>.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2020

После доработки: 28.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Lbova Ekaterina – Candidate of Historical Sciences, Research Officer of the Institute of philosophy and law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: kate.lbova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-8748-5095>.

The paper was submitted: 18.11.2020

Received after reworking: 28.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020

УДК 74.58:65.050

ЧАСТНЫЕ ВУЗЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛИТЫ В РОССИИ: ЯКУТСКИЙ КЕЙС**И. И. Подойницына**

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

(Республика Саха (Якутия), г. Якутск)

irena_ivan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования в обществе частных вузов, определению их места в образовательном процессе. Проводится параллель с работой частных учебных заведений в США, имеющих славную историю развития, берущую отсчет с XVII в. Автор статьи опирается на анализ специальной литературы по данной проблеме, выявляет факторы успеха американских вузов и «факторы неуспеха» частных вузов в Якутии, а также ссылается на масштабное социологическое исследование выпускников Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова и Якутского института экономики, проведенное под его руководством (Якутск, 469 респондентов, 2016, 2017, 2018 гг.). Автор статьи приходит к выводу, что в России история частных вузов, начавшаяся с 90-х годов XX века, имеет достаточно драматичный характер. В самом невыгодном положении находятся сегодня филиалы столичных частных вузов, работающие в провинции. Сложившаяся ситуация требует детального социологического анализа, проведения сравнительного анализа результатов деятельности государственных и частных вузов и выявления на этой основе плюсов и минусов негосударственных вузов для разработки рекомендаций по исправлению ситуации.

Ключевые слова: Гарвард, Лига плюща, факторы успеха, Якутский институт экономики, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Social climbers, «факторы неуспеха».

Для цитирования: Подойницына, И. И. (2020). Частные вузы и формирование элиты в России: якутский кейс. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 141-149. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.141-149

PRIVATE UNIVERSITIES AND ELITE FORMATION IN RUSSIA: YAKUT CASE**I. I. Podoyunitsyna**

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

(Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk)

irena_ivan@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of functioning of private universities in society, determining their place in the educational process. A parallel is drawn with the work of private educational institutions in the United States, which have a glorious history of development dating back to the XVII century. The author of the article relies on the analysis of special literature on this issue, identifies success factors of American universities and “failure factors” of private universities in Yakutia, and also refers to a large-scale sociological study of graduates of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Research conducted under his leadership (Yakutsk, 469 respondents, 2016, 2017, 2018). The Author concludes that the history of private universities in Russia, which began in the 90s of the twentieth century, is quite dramatic. Branches of the capital's private universities operating in the province are at the greatest

disadvantage today. The current situation requires a detailed sociological analysis, a comparative analysis of the performance of public and private universities and identification of the pros and cons of non-state universities on this basis, in order to develop recommendations for correcting the situation.

Keywords: Harvard, Ivy League, success factors, Yakut Institute of Economics, Saint Petersburg University of management technologies and Economics, Social climbers, “failure factors”.

For citation: Podoynitsyna, I. I. (2020). Private universities and elite formation in Russia: Yakut case. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 141-149. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.141-149

Для многих людей, работающих в сфере образования и науки, а также для тех, кто занят в различных областях, где обязательно требуется качественное образование – политика, банковское дело, финансы и др. – весьма престижно окончить Гарвардский университет. Уже сам факт владения дипломом Гарварда означает, что ты – lucky man, селебрити. Гарвард – старейший вуз США, основан в 1636 г. Вуз имеет самый большой эндаумент (целевой капитал) в мире, который составляет 37,1 млрд долларов. Гарвард вырастил 75 лауреатов Нобелевской премии, занимает первое место в мире по числу миллиардеров среди выпускников. Его библиотека – крупнейшая академическая в США и третья по величине в стране. Хорошо известно, что это частный вуз. Он создан филантропом Джоном Гарвардом, который завещал колледжу половину своего состояния.

В Гарвардском университете функционируют: медицинский факультет, институт юридических наук, институт бизнеса, институт богословия и др. Обучение в Гарварде для бакалавров имеет фиксированную стоимость в 49 653 долларов в год (примерно 3 млн 900 тыс. руб. по современному курсу) [Гарвардский университет]. Но это не предел, стоимость обучения на некоторых факультетах в два раза выше. Гарвард входит в число вузов Лиги плюща, эта ассоциация восьми самых престижных частных учебных заведений США.

Выпускники Гарварда высоко котируются на международном рынке труда. В одной из заграничных командировок мне посчастливилось сотрудничать с выпускниками Гарварда. Одним из них был декан Высшей школы бизнеса в г. Цюрих по имени Борис Волкофф. Он был бельгийцем, потомком русских эмигрантов. Я спросила его на Круглом столе, как помог ему диплом Гарварда, какими преференциями в социуме обеспечил. Б. Волкофф ответил, что существует ряд стереотипных суждений по поводу Гарварда (например, что «с этим дипломом сразу станешь генеральным директором фирмы» и др.). На самом деле какое-то время он, подобно выпускникам других американских вузов, не столь престижных, находился в поисках работы. Пришлось даже уехать в Европу. Но фактически все гарвардские воспитанники, по словам Б. Волкоффа, обладают такими качествами, как высокая мобильность, конкурентоспособность, профессионализм. Выпускники Гарварда быстро поднимаются в социальном лифте, занимают ниши в высших прослойках общества, они способны выстраивать выгодные деловые коммуникации. По замечаниям Б. Волкоффа, он не знает ни одного случая неудачной карьеры среди своих однокурсников.

Проведенный нами на основе опросов экспертов социологический анализ факторов успешной деятельности Гарварда как частного вуза позволил выделить следующие:

- 1) мощный фонд эндаумента, который позволяет проводить масштабные научные исследования;
- 2) высокий уровень профессорско-преподавательского состава, в числе которого немало лауреатов Нобелевской премии;
- 3) существование особого фильтра для отсеивания студентов, которые не подходят для Гарварда в материальном и интеллектуальном плане, и, соответственно, в будущем не смогут составить элиту общества;
- 4) высокая конкурентоспособность диплома Гарвардского университета;
- 5) сильная материально-техническая база вуза (огромная библиотека, удобные кампусы, развитые социальные инфраструктуры и др.);
- 6) особая корпоративная культура, которая зиждется на истории и традициях вуза;
- 7) поддержка со стороны социума, развитый feedback.

Возможно, покажется спорным пункт о существовании некоего «специального фильтра», который безжалостно отсеивает «ненужных» (в Гарварде любят брать детей статусных обеспеченных родителей). С одной стороны, неравенство воспроизводит неравенство; с другой стороны, элита должна формироваться из избранных, и почему бы не иметь вуз, который отвечает на этот вызов социума? Российскому читателю, наверное, это трудно понять, потому что российские вузы, даже лучшие, всегда воспроизводили ряды разночинцев.

Поставим вопрос таким образом: может быть, современные частные вузы России возьмут на себя ту же роль, что и вузы Лиги плюща, и займутся подготовкой российской элиты? Ответа на этот вопрос мы пока не имеем. Но попробуем дать ответ хотя бы на примере судьбы одного частного вуза на уровне одного региона. На данный момент в России действует 1001 частный вуз [Негосударственные вузы России]. Исследователи этого вопроса подчеркивают, что развитие частного высшего образования в России было достаточно сложным. В 1990 г. частные вузы возникали быстро, и так же быстро исчезали. Самое обидное, что, к сожалению, многие работодатели не признавали дипломов частных вузов. Частные вузы были прибежищем для тех, кто не смог поступить в государственные учебные заведения. Как пишет А. Филимонов, среди выпускников частных вузов с 1993 по 2005 гг. порядка 90 % вынуждены были получать второе высшее образование, т. е. переучиваться [Частные вузы: зачем они нужны...]. Лучшими негосударственными вузами России на данный момент называются Московский финансово-юридический университет МФЮА, Московский психолого-социальный университет, Российский новый университет (РосНУ) и др.

Обратимся к мнению В. Зернова – председателя совета Ассоциации негосударственных вузов России (АНВУЗ), ректора Российского нового университета. В. Зернов отметил, что частные вузы быстрее реагируют на меняющиеся запросы рынка труда; в них чаще используются инновации; они проявляют большую гибкость в работе с «нестандартными» студентами – состоявшимися специалистами, получающими второе высшее образование; частные вузы устанавливают сравнительно небольшую стоимость обучения.

В наиболее плачевном состоянии находятся сегодня филиалы частных вузов, расположенные в провинции. Приведу пример Якутского института экономики (ЯИЭ), филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (бывший Санкт-Петербургский Академический университет). С одной стороны, согласно рейтингу негосударственных вузов, головной вуз пока не входит в число лучших частных вузов России. С другой – он относится к «крепким середнячкам» – это один из первых частных вузов в нашей стране, позиции которого на рынке образовательных услуг устойчивы [Ивойлова, 2016]. Филиал СПБУТУиЭ (тогда СПбАУ) был открыт в Республике Саха (Якутия) в г. Якутске в конце 1990-х гг. XX в. В те годы на волне энтузиазма в институт пришли талантливые педагоги, которыми руководил влюбленный в свое дело директор С. С. Иванов. Педагогический коллектив нового вуза был настроен на то, чтобы работать с так называемыми «нестандартными» студентами – в данном случае это были представители власти, получавшие второе высшее образование в Якутском институте экономики на факультете государственно-муниципального управления (ГМУ). Важно отметить, что период становления института пришелся на этап формирования местного самоуправления в Якутии, и расширение его контактов с властью способствовало укреплению репутации в региональном социуме. Благодаря проведению большой профориентационной работы, в ЯИЭ поступали сильные ученики. Тогда в институте были введены определенные академические свободы – к примеру, часто устраивались Круглые столы, конференции, обсуждались проблемные вопросы. Преподаватели издавали монографии, сборники статей в издательстве головного вуза в Санкт-Петербурге, и это было одной из самых сильных сторон педагогического коллектива, мотивированного на продвижение научных идей.

Но примерно в 2015 г. наступила пора серьезных трудностей в образовании в целом, и особенно это ударило по филиалам университетов в регионах. Педагогический состав сменился – к управлению пришли непрофессионалы, часто без степени, педагогического стажа, не имеющие малейшего представления о том, как создается наука. К слову, безответственное отношение частных вузов к подбору персонала для работы в филиалах приобрело в середине нулевых годов характер общенационального бедствия. Создавалось такое впечатление, что руководители головного вуза стали действовать по принципу: лишь бы кто-нибудь работал! Из центра могла быть прислана комиссия для организации конкурсного отбора преподавателей. Но на деле головной вуз фактически не создавал никаких условий для привлечения хороших кадров на местах. Зарплата, вопреки стереотипному суждению, в частном вузе была весьма низкой, премии мизерными, нерегулярными. Привлечь профессионалов с помощью каких-либо социальных бонусов было, возможно, и реально, но никто не заботился об этом. В таком маленьком вузе, как Якутский институт экономики, менеджмент был совершенно непрозрачным, как образовательный, так и научный. Студенты стали поступать в ЯИЭ по «остаточному» принципу – те, кто никуда не попал, со слабыми школьными аттестатами, без всяких мотиваций к учебе.

Исследование выпускников, проведенное нами в Якутском институте экономики, продемонстрировало, что студенты, закончившие этот вуз, совершенно не котировались на

местном рынке труда, по всем позициям уступали выпускникам государственных учебных заведений, имели смутные карьерные устремления [Подойницына, Николаева, 2020, с. 125].

В настоящее время в Республике Саха (Якутия) специалистов в сфере экономики и управления готовят три вуза: Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, его подразделение – Финансово-экономический институт; Якутский институт экономики, филиал Санкт-Петербургского университета технологий экономики и управления и Якутский экономико-правовой институт, филиал образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», а также три образовательных учреждения средне-профессионального образования. Профессиональное образование в сфере экономики и финансов в Республике можно назвать востребованным – в регионе развита сфера финансов, которая дает до 15 % ВРП. По выводам предыдущих мониторингов мы можем утверждать, что местное население ориентировано на занятость в бюджетной сфере и профессия экономиста считается одной из самых престижных; усилия региональных органов исполнительной власти направлены на становление малого и среднего предпринимательства. Исходя из теоретико-дедуктивного анализа, можно сделать вывод, что профессия экономиста и управленца необходима Республике. Добавим сюда и такой важный аргумент «за»: во многих улусах (районах) республики экономика развита недостаточно, что обуславливает востребованность свежих молодых кадров для ее развития.

Однако метод аналитической индукции, или социологический анализ дал нам противоположные результаты. Были изучены личные дела выпускников ФЭИ СВФУ, ЯИЭ(ф) СПБУТУиЭ и ЯЭПИ(ф) АТиСО 2016, 2017, 2018 гг., взяты интервью у выпускников. Исследование показало: по специальности работают 78 % выпускников СВФУ, они достаточно быстро находят работу и не боятся уезжать в улусы. Здесь стоит подчеркнуть, что взаимодействие с улусными работодателями в вузе развито на высоком уровне, оно не прекращается в течение пяти лет обучения молодого человека. Из выпускников Якутского института экономики, работают по специальности и имеют карьерные устремления только 24 % опрошенных. На вопросы «Оцениваете ли вы свои настоящие достижения в позитивном плане?»; «Видите ли вы себя профессионалом в будущем?»; «Видите ли вы себя топ-менеджером через 5–10 лет?» было получено минимальное число утвердительных ответов молодых людей, начинающих специалистов. Подавляющее большинство отметили пункт «сомневаюсь». У студентов-выпускников ЯИЭ отсутствуют серьезные цели на будущее, четкое видение профессионально-карьерных перспектив, в лучшем случае некоторые интервьюируемые высказали желание продолжить обучение путем получения второго высшего образования и/или диплома магистра. Общее социально-психологическое состояние выпускников – неуверенность в своих силах, сомнение и растерянность, пессимизм [Подойницына, Николаева, 2020, с. 113, 122-124].

Обвинять в такой ситуации стоит прежде всего преподавателей и администрацию Якутского института экономики, которые не смогли внедрить в вузе карьерный менеджмент. Карьерный менеджмент – это создание в вузе условий для осознанного выбора студентами, начиная с младших курсов, направлений своей дальнейшей профилизации в процессе

вузовского обучения, разработка реальной программы личных действий для формирования конкурентоспособности [Резник, Игошина, 2014, с. 3].

В процессе социологического исследования мы столкнулись с таким явлением: Якутский институт экономики в течение последних пяти лет формировал людей типа *Social climbers* – это молодые люди, которые поступают в институт только для того, чтобы быстро и без проблем получить любой диплом. Многих привлекало то, что они получают «корочку» Санкт-Петербургского вуза, а вот куда с ней идти дальше, никто не хотел задумываться. Результаты исследования выпускников ЯИЭ показали, что многие из них представляют скорее типичных социальных маргиналов – людей сомневающих и неопределившихся, не знающих, какую социальную нишу занять, не подготовленных к рыночной экономике. Развившаяся в Якутском институте экономики коррупция, в конце концов, привела к его закрытию.

Таким образом, можно выделить основные «факторы неуспеха» за последние пять лет жизнедеятельности (2015–2019 гг.) Якутского института экономики как филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, приведшие его к закрытию: слабая материально-техническая база (тесные аудитории с плохой мебелью, отсутствие спортивного зала, отсутствие специальных фондов для занятия наукой и др.); отсутствие квалифицированного руководства институтом; нежелание привлекать к работе профессионалов; отсутствие карьерного менеджмента и ориентация на *Social climbers*; отсутствие поддержки со стороны социума в лице городских и республиканских структур управления и потенциальных работодателей.

Попробуем ответить на вопрос, заявленный в начале статьи, по поводу подготовки частными вузами региональной элиты. На наш взгляд, это задача может быть вполне реальной и выполнимой на уровне конкретного региона при соблюдении определенных условий. К этому выводу мы приходим, проведя исследование выпускников вуза, на которое мы ссылались выше, а также интервью с ветеранами ЯИЭ, которые работали в филиале со дня его основания. Первоначально в Якутском институте экономики были созданы все условия для формирования местной элиты: тесная связь с Правительством РС(Я), Госсобранием (Ил Тумэн) РС(Я), Мэрией г. Якутска. Многие представители данных властных структур обучались в стенах ЯИЭ, в основном, это было второе высшее образование, они же поддерживали вуз материально, предоставляли места студентам ЯИЭ для прохождения практик, снабжали материалами для написания дипломных работ. Подобное частно-государственное партнерство делало вуз сильным, авторитетным на местном рынке образовательных услуг. У вуза была своя ниша. Применялась жесткая система отбора при поступлении молодых людей в институт (принимались выпускники школ только с хорошими данными, победители Олимпиад и др.). Важно и то, что адреса и маршруты будущего трудоустройства выпускников ЯИЭ в первое десятилетие его деятельности также хорошо были известны – это органы муниципальной и республиканской власти, банки, финансовые структуры республики.

Как рассказали ветераны ЯИЭ, в конце 1990-х – начале 2000 гг. Якутский институт экономики был одним из крепких звеньев в саморазвивающейся корпорации под названием

Санкт-Петербургский Академический Университет. Якутский филиал считался по праву конкурентоспособным элементом «учебного холдинга», самостоятельным моно-бизнесом, где разрабатывалась политика интегрированных учебных планов, которые спускались сверху и адаптировались на местах; происходило кооперирование филиала и головного вуза в сфере НИОКР; благодаря взаимовыгодному сотрудничеству филиал через головной вуз имел партнерские отношения с различными российскими и зарубежными вузами [Подойницына, Заярная, 2016, с. 202-203]. В первое десятилетие своего существования ЯИЭ котировался и в Санкт-Петербурге, и в регионе, в котором он работал. И это, несомненно, способствовало формированию местной элиты. Высокий рейтинг вуза способствовал поступлению амбициозных абитуриентов. Но, к сожалению, в середине нулевых ситуация в системе образования на региональном уровне круто изменилась: обновился педагогический состав и руководство института, как было уже сказано, не в лучшую сторону; и отлаженная система подготовки местной элиты, не успев до конца окрепнуть, сломалась. Начиная примерно с 2015 г. в вуз стали поступать Social climbers. Маргиналы-абитуриенты превращались со временем в маргиналов-выпускников и др. И этот «круговорот маргиналов» также привел к падению авторитета вуза.

В связи с полученными нами выводами на основе анализа динамики развития конкретного филиала частного вуза, мы бы хотели выразить солидарность с мнением Ю. Апухтиной и Ю. Лукьяновой, которые пишут, что, если за границей популярна и всемирно известна «Лига плюща», то у нас, в России, сформировалась пока только «Лига хвоща», российский вариант ассоциации частных вузов. Россия пыталась стать страной частного образования, но осталась – государственного. Частные вузы в России стали не слишком добросовестным семейным бизнесом. За почти тридцать лет истории новой России в стране не удалось создать эффективный рынок частного образования [Апухтина, Лукьянова, 2018]. По мнению авторов, частные вузы не сравнялись с госсектором не только по доходам и численности студентов, но и по качеству образования.

Мы полагаем, что научное сообщество, специализирующееся в рамках социологии образования, должно формулировать и определять миссию частных вузов в социуме. Исследование образовательных заведений, динамики их развития, контингента преподавателей, учеников, родителей имеет высокий эвристический потенциал для анализа и выявления «болевых точек» системы высшего образования в России. Увы, социологических исследований данных вузов единицы, что сдерживает проведение работы над ошибками, а также оставляет вопрос о возможности создания в стране российского Гарварда без ответа.

Список литературы / References

Апухтина, Ю., Лукьянова, Ю. (2018) *Лига хвоща*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proekt.media/research/chastnoe-obrazovanie/> (Дата обращения: 19.10. 2020).

Apukhtyna, U., Luckyanova, U. (2018). *League of hvosh*. [Online]. URL: <https://www.proekt.media/research/chastnoe-obrazovanie> (Accessed: 19.10.2020). (In Russ.)

Гарвардский университет. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.educationindex.ru/university-search/university-of-harvard> (Дата обращения: 01.10.2020).

Harvard University. [Online]. URL:<https://www.educationindex.ru/university-search/university-of-harvard> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.)

Ивойлова, И. (2016). Частное дело. Как выбрать хороший вуз. *Российская газета: Федеральный выпуск*. № 21(6889).

Ivoylova, I. (2016). Private business. How can we choose good institute. *Rossiskaya gazeta. Federal issue*. no 21(6889). (In Russ.)

Негосударственные вузы России. [Электронный ресурс]. URL: https://academica.ru/vysshee-obrazovanie/negosudarstvennyj-vuz/stranitsa_1 (Дата обращения: 01.10.2020).

Non-state universities in Russia. [Online]. URL: http://academica.ru/vysshee-obrazovanie/negosudarstvennyj-vuz/stranitsa_1 (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.)

Подойницына, И. И., Заярная, Л. Д. (2016). Саморазвивающаяся корпорация как феномен современной социальной жизни. *Социальные изменения в современном обществе*. Монография. Ульяновск. С. 197-205.

Podoyunitsyna, I. I., Zayarnaya, L.D. (2016). Self-developed corporation as phenomena of modern social life. In *Social changing in modern society*. Ulyanovsk. pp. 197-205. (In Russ.)

Подойницына, И. И., Николаева, И. В. (2019). *Влияние уровня образования на карьерный рост выпускника в сфере экономики и управления Республики Саха (Якутия)*. СПб.

Podoyunitsyna, I. I., Nikolaeva, I. V. (2019). *Influence of the level of education on the career growth of a graduate in the field of Economics and management of the Republic of Sakha (Yakutia)*. St. Petersburg. (In Russ.)

Резник, С. Д., Игошина, И. А. (2014). *Карьерный менеджмент*: учебное пособие. М.

Reznick, S. D., Igoshina, I. A. (2014). *Career management*: text-book. Moscow. (In Russ.)

Частные вузы: зачем они нужны и кто в них поступает. [Электронный ресурс]. URL: <https://letidor.ru/obrazovanie/chastnye-vuzy-zachem-oni-nuzhny-i-kto-v-nih-postupaet.htm> (Дата обращения: 01.10.2020).

Private universities: why they are needed and who enters them. [Online]. URL: <http://letidor.ru/obrazovanie/chastnye-vuzy-zachem-oni-nuzhny-i-kto-v-nih-postupaet.htm> (Accessed: 01.10.2020). (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Подойницына Ирина Ивановна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58. e-mail: irena_ivan@mail.ru. <http://orcid.org/0000-0002-2664-9276>

Статья поступила в редакцию: 20.10.2020

После доработки: 20.11.2020

Принята к публикации: 28.11.2020

Podoynitsyna Irina – Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of management of the Financial and Economic Institute of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, 58, Belinsky str., e-mail: irena_ivan@mail.ru. <http://orcid.org/0000-0002-2664-9276>

The paper was submitted: 20.10.2020

Received after reworking: 20.11.2020

Accepted for publication: 28.11.2020

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 299.4+304

ТЕНГРИАНСТВО И ДВОЕВЕРИЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

С. Ш. Аязбекова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Казахстанский филиал)
ayazbekova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу распространения буддизма, христианства и ислама среди тюрко-монгольских народов, изначально исповедовавших тенгрианство. Возрождение тенгрианства, наблюдаемое в современный период, проявляется как институционально, с участием государственной и общественной поддержки, так и в повседневной практике – как продолжение той живой культурной традиции, которая на протяжении тысячелетий передавалась из поколения в поколение – как мировоззрение, способ жизнедеятельности и как жизненный ориентир. В заключении делается вывод, что в феномене двоеверия тенгрианство обеспечивает сохранение идентичности, устойчивости и целостности всего тюрко-монгольского мира и каждого отдельного народа, а распространение буддизма, христианства и ислама задают динамику его развития на основе межцивилизационного взаимодействия.

Ключевые слова: тюрко-монгольская общность, кочевая и оседлая мировые цивилизации, тенгрианство, буддизм, ислам, христианство, двоеверие.

Для цитирования: Аязбекова, С. Ш. (2020). Тенгрианство и двоеверие тюрко-монгольских народов. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.150-165. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.150-165

TENGRISM AND DUAL FAITH OF THE TURKIC-MONGOLIAN PEOPLES

S. Sh. Ayazbekova

Moscow State University named after M.Lomonosov (Kazakhstan branch)
ayazbekova@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the spread of Buddhism, Christianity and Islam among the Turkic-Mongol peoples that have originally professed Tengrism. Contemporary revival of Tengrism manifests itself both institutionally (via state and public support) and in everyday practice as the continuation of a living cultural tradition that has been passed down from generation to generation for a millennia and has been seen as a worldview, a way of life and a life guidance. The author concludes that Tengrism has ensured preservation of identity, stability and integrity of the Turkic-Mongolian world within the phenomenon of dual faith, while the spread of Buddhism, Christianity and Islam have set the dynamics of its development on the basis of intercivilizational interaction.

Keywords: Turkic-Mongolian world, Nomadic world civilization, Settled world civilization, Tengrism, Buddhism, Islam, Christianity, dual faith.

For citation: Ayazbekova, S. Sh. (2020). Tengrism and dual faith of the turkic-mongolian peoples // *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 150-165. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.150-165

Рубеж XX–XXI вв. со всей очевидностью обнаружил тенденцию к возрождению одной из самых древних религий – тенгрианства. В XX в. тенгрианство многими учеными воспринималось как язычество, культ, распространенный в архаичных культурах кочевых народов. В последние годы, благодаря проведенным изысканиям в области филогенеза, культурогенеза и мифологии, исследователи многих стран (Г. Фрейзер – в США, Н. В. Абаев – в России, Н. Г. Аюпов, А. Ю. Никонов, К. Сарткожаулы, К. Серикпаев – в Казахстане) приходят к выводу о том, что тенгрианство – вера в Небесного Бога Тенгри, является самой ранней монотеистической религией, тем древом, на котором выросли все мировые религии.

Междисциплинарный анализ ареала Евразийского степного пояса, на протяжении многих веков именуемого Великой степью, показал, что тенгрианство послужило основой создания таких цивилизаций, как тенгрианская, скифо-сакская, гуннская, тюркская и монгольская [Аязбекова, 2019а; Аязбекова, 2019б]. В силу кочевого способа жизнедеятельности насельников Великой степи, данные цивилизации имели открытый, экстравертный характер, а потому здесь были распространены все мировые религии – буддизм, ислам и христианство. Созданные значительно позже тенгрианства и развивая ее отдельные принципы и постулаты, данные религии наиболее полно были восприняты в период тюркской цивилизации, сосуществуя и взаимодействуя с тенгрианством.

Широкое принятие этих религий и частичное – некоторых других (зороастризма, индуизма) зачастую сопровождалось взаимодействием с тенгрианством, которое с течением времени перестало восприниматься как религия, а было сохранено и рассредоточено в ментальности и повседневной жизни многих тюркских и монгольских народов. Исключение составляло большинство тюрков, принявших христианство, проживавших в Европе – Венгрии, Румынии, Болгарии и Чехии, – и утративших свои этнические корни [Gökbel, 2002, p. 184]. И только чуваш и гагаузы, проживавшие в России, не утратили своей идентичности, внедряя в христианство традиции тенгрианства [Tümer, Küçük, Küçük, 2009, p. 81].

В наши дни отчетливо прослеживается возрождение тенгрианства и увеличение количества его приверженцев среди алтайцев, бурятов, башкир, долган, казахов, кыргызов, татар, тувинцев, хакасов, уйгур, тофалар, шорцев, якутов. Так, А. И. Гоголев [2017] пишет об основе языческой религии якутов, которая возникла в степях и горностепных районах Южной Сибири, находящихся на северо-западной границе Центральной Азии среди ранних кочевых-скотоводов скифо-сибирской и гунно-сарматской эпох. В работе М. А. Абрамовой [2003, с. 30] истоки зарождения гуманистических идей в культуре и этнопедагогике северных народов эвенков, эвенов, чукчей, юкагиров прослеживаются на примере формирования отношения у детей к окружающему миру, где всем правят Небо, Солнце, Луна, Земля, Вода. Последующая трансформация космогонических представлений (тенгрианство, шаманизм) в Якутии создала удивительные возможности для бесконфликтной ассимиляции христианских представлений.

Важно при этом, что зачастую возникает не просто сосуществование и одновременное самостоятельное функционирование на одной территории (либо в среде одной нации) тенгрианства и буддизма, тенгрианства и христианства, тенгрианства и ислама, но и их взаимодействие.

В настоящее время мы являемся свидетелями того, что *ислам* в своем большинстве исповедуют азербайджанцы, балкарцы, башкиры, казахи, каракалпаки, карачаевцы, кумыки, кыргызы, ногайцы, узбеки, уйгуры, татары, турки, туркмены, хорасанские тюрки, частично – салары, хотоны, чуваша; *буддизм* – тувинцы, алтайцы, калмыки, буряты, якуты, хакасы, цаатаны, частично – уйгуры, салары, хотоны, югуры; *христианство* – чуваша, гагаузы, долганы, чулымцы, частично – алтайцы, татары, тофалары, хакасы, шорцы, якуты; *бурханизм* – алтайцы (частично); *иудаизм* – крымчаки.

Исторические корни двоеверия

Вера в Небесного бога стала сущностной характеристикой генезиса всех локальных эндогенных цивилизаций, созданных на территории Великой степи, – тенгрианской, скифо-сакской, гуннской, тюркской и монгольской. Тенгрианство пронизывало всю структуру этих цивилизаций: начиная от мифов, легенд, эпоса, регламентации повседневной и праздничной жизни каждого человека и заканчивая военно-административным делением, особенностями ведения войны и системой государственного управления. Однако в процессе своего развития тенгрианство потеряло свою интегрирующую роль, когда широкое распространение получили буддизм, христианство, ислам и другие религии. Конечно, исторические и политические реалии на определенных этапах истории задавали этим цивилизациям центробежные тенденции, однако осознание этнического и языкового единства и по сей день свидетельствует о цивилизационной целостности всех тюрко-монгольских народов. Стало быть, в разные исторические периоды цементирующее цивилизационное значение могут приобретать разные признаки.

Великий шелковый путь притягивал мир оседлости и мир кочевья, мир многих локальных цивилизаций Евразии, а потому был открыт для этнокультурных новаций и конфессиональных взаимодействий. Ареал цивилизаций Великой степи – это место, куда проникали, обогащались и трансформировались все мировые религии. Тенгрианство всегда проявляло веротерпимость и не вытесняло иные религии с территории своего распространения.

Устойчивость степных евразийских цивилизаций во многом определялась тенгрианством, которое создавало их монолитность и внутреннюю концентрацию. Высокая степень этой монолитности была достигнута к III в. С этого периода начинается распространение буддизма среди протомонгольских народов – хунну, сяньби, киданей; с IV в. христианства – на северо-западе, с VII в. ислама – на юге и юго-востоке. Однако тенгрианство не было вытеснено полностью, а сохранившись, создало разнообразные формы двоеверия.

Анализ распространения буддизма, христианства и ислама среди тюрко-монгольских народов, изначально исповедовавших тенгрианство, наглядно показал, что проникновение религии или ее смена практически всегда были связаны со следующими процессами: изменением государственной, политической и/или экономической ситуации; идеологией; распрями между отдельными тюркскими и монгольскими народами; распадом

государственности; изменением традиционной системы правления; кризисом традиционной идеологии; общим ослаблением политической власти и передачей ее иным религиозным общинам; внутривластным кризисом и принятием на этой основе большей частью населения иной религии; расширением международной торговли; военными поражениями и оккупацией; внешнеполитическими процессами; переходом кочевых племен на оседлость; необходимостью защиты от нашествий соседей и возникновением вассальной зависимости; миграциями кочевого населения на территории оседлых народов; физическим уничтожением тенгрианцев; переселенческой политикой и, наконец, деятельностью миссионеров.

Важно при этом, что для тюрко-монгольских народов тенгрианство выступает эндогенной религией, т. е. созданной данными народами в рамках самой ранней локальной тенгрианской цивилизации в ее системной целостности этногенеза, филогенеза и культурогенеза. Что касается буддизма, ислама и христианства, то данные религии для этих народов являются чужеродными, пришедшими извне, т. е. экзогенными. А это значит, что для освоения новых территорий им был жизненно необходим адаптационный ресурс. Именно поэтому среди тюрко-монгольских народов все распространившиеся монотеистические религии с присущими каноническими верованиями содержат живую традицию тенгрианства. И как бы ни уничтожали святыни, как бы ни выкорчевывали из сознания людей веру в Бога Тенгри, распространение новых для этих народов религий могло быть возможным при одном условии – сохранении в пришедших извне формах религиозных учений тенгрианства.

Ислам, христианство и буддизм способствовали значительной децентрализации и дезинтеграции тюрко-монгольских народов. Связано это с тем, что для них тенгрианство – это исконная религия предков, которые исторически на своем языке поклонялись своему богу Тенгри, имели свою тюрко-руническую письменность, тогда как распространение других религий связано с одновременным распространением и других языков. Так, ислам – религия арабских народов, его последователи на арабском языке возносят свои молитвы Аллаху. В иудаизме на иврите с тфилой (шахритом, минхой, мусафой и арвитом) обращаются к своему богу Яхве евреи. Христианство в своем большинстве распространено среди европейских народов, которые обращают свои молитвы Иисусу Христу на латыни. Что касается индуизма, возникшего у юго-восточных народов, то его молитвы исполняются только на санскрите. Китайский язык используется в конфуцианстве и даосизме. Если рассматривать эти аналогии, то можно заметить, что цивилизационная идентичность заключается в единстве этноса, языка, религии и письменности. Утрата их единства, также как и каждого из этих фундаментальных основ, ведет к расшатыванию цивилизационной целостности.

Специфика проникновения тенгрианства в другие религии проявляется и в их принадлежности к разным мировым цивилизациям: номадической – для тенгрианства и оседлой – для буддизма, христианства и ислама. А потому тенгрианство в большей мере сохранилось в среде кочевых народов – казахов, кыргызов, туркмен, монголов, бурятов, калмыков и других. Однако и в среде оседлых народов, некогда исповедовавших тенгрианство, двоеверие сохранилось и в настоящее время – у узбеков, уйгуров, таджиков, дунганов и др.

С историко-философской и политической точки зрения двоеверие можно рассматривать как продолжение «принципа ненарушения старой мифологии», описанного Г. М. Бонгард-Левиным применительно к периоду экспансии буддизма за пределами Индии [Бонгард-Левин, 1973, с. 284]. В этом принципе, рассмотренном Н. Л. Жуковской в более широком плане, характерном и для ислама, и для буддизма, усматривается определенная стратегия – «сначала усвоения, а затем постепенной трансформации и подчинения себе и этой мифологии, и уже сложившихся культов, и всей вообще системы традиций» [Жуковская, 1977, с. 5].

Политическая история и политические процессы оказали свое прямое воздействие на возвращение тенгрианства и его более глубокое распространение в отдельные исторические периоды, протекавшие на территории Великой степи. Так, к примеру, усиление роли тенгрианства в политической жизни многих тюркских и монгольских народов было связано с расширением Монгольской империи и верностью Чингисхана тенгрианству. И хотя религиозная политика Чингисхана отличалась веротерпимостью (в особой мере, внимание чингизидов привлек ислам), его религиозная принадлежность оказала в тот исторический период самое большое влияние на возвращение тенгрианства.

Распространение мировых религий среди тюрко-монгольских народов, некогда единых под знаком Синего Неба, – отличительная черта и нашего времени. Сохранение тенгрианства отчетливо прослеживается в традициях, обрядах и обычаях, культуре и искусстве, фольклоре, языке и литературе, что позволяет говорить о двоеверии: тенгрианско-буддийском, тенгрианско-христианском и тенгрианско-исламском.

Социально-политические особенности современного двоеверия

Феномен двоеверия, возникший в средние века в силу политических, военных и экономических факторов, зачастую исследователями рассматривается как «народные» буддизм, ислам и христианство. Статус «народные» может свидетельствовать о масштабах данного феномена и его широком распространении, что лишний раз подчеркивает, что речь идет о внедрении чужеродных религий в инокультурную и иноязычную среду. Однако следует заметить, что термин «народный» по отношению к буддизму, исламу и христианству не всегда может раскрывать влияние тенгрианства, а в некоторых случаях обозначает лишь то, что конфессиональное сознание адептов и их социальное поведение не во всем совпадают или входят в противоречие с нормативными требованиями той или иной религии.

Во многом это также может быть обусловлено и неоднородностью распространения религий среди населения, проживающего компактно. Так, к примеру, по данным опроса, проведенного в 2008 г. Институтом алтаистики, в Республике Горный Алтай (историческом центре тенгрианства), из числа верующих опрошенных 61 % назвали себя православными христианами, более четверти – приверженцами «алтайской веры» (т.е. тенгрианства), десятая часть отнесла себя к последователям ислама [Алтайцам следует принять буддизм, 2015].

Что касается стран Центральной Азии, то, к примеру, современные ваххабиты утверждают, что здесь нет «настоящего ислама» и продолжается период *джахилийя* («неведения») [Ушаков, 2005, с. 177-178]. Стало быть, несмотря на широкое распространение ислама у азербайджанцев, казахов, кыргызов, узбеков, туркмен и других народов Центральной Азии, здесь до настоящего времени сохранились те культурные традиции, которые связывают эти народы с религией предков – тенгрианством.

Следует заметить, что возрождение тенгрианства в повседневной практике не всегда может восприниматься институционально, как проявление тенгрианства, а является той живой культурной традицией, которая на протяжении тысячелетий передавалась тюрко-монгольским народам из поколения в поколение – и как мировоззрение, и как способ жизнедеятельности, и как жизненные ориентиры. Это заставляет нас предположить, что такие синкретические формы не являются промежуточными в процессе распространения буддизма, христианства и ислама, а становятся той исторической и укрепившейся формой, которая характеризует конфессиональный менталитет современных тюркских и монгольских народов.

Сегодня тенгрианство воздействует и на конфессиональное сознание, поскольку снижается роль и значение религиозных институтов в социальном поведении верующих. Так, к примеру, социологические исследования религиозности в исламе показывают, что «“народный” ислам ... является фактором, снижающим в современных условиях влияние мечети на сознание этнорелигиозных групп» [Фролова, 2006]. Другие социологические исследования свидетельствуют о том, что, к примеру, в Дагестане только 44,9 % совершают пятикратный намаз, что говорит об отсутствии должного исполнения обязательных требований Корана и Сунны [Абдулагатов, 2018].

Как видно, в ситуации двоеверия наблюдается несоответствие в повседневной жизни между религиозным сознанием и теми нормами, которые зафиксированы в сакральных текстах – Коране, Библии, Трипитаке и других. Такое несовпадение, а иногда и противоречие, оказывает влияние на социальное поведение верующих. При этом, речь идет не столько о единичных случаях, а о религиозности целых народов, что свидетельствует о массовом характере феномена двоеверия. С другой стороны, нельзя говорить и о полной тождественности и однородности сознания различных социальных групп.

Распространение двоеверия не стоит рассматривать и как промежуточную форму от тенгрианства к иным религиям. Сегодня следует признать, что двоеверие является уже сложившейся формой конфессионального сознания многих народов Центральной Азии. Усиление двоеверия, также как и возвращение тенгрианства в религиозную и быденную жизнь тюрко-монгольских народов, является знаком возрождения духовных ценностей и национального самосознания. Важно также и то, что в современный период тюрко-монгольские народы включены в полиязыковую систему, когда тенгрианское вероисповедание осуществляется на национальных языках, происходящих из общей алтайской языковой семьи; исламское – на арабском языке, а православие – на русском. Все это заставляет нас обратиться к отдельным формам и традициям двоеверия, существующим в наши дни.

Формы и традиции двоеверия

Наиболее ярко двоеверие проявляется не только в сохранении шаманизма и параллельном его существовании с буддизмом, христианством и исламом, но и в их симбиозе. Так, к примеру, многие калмыки исповедуют и буддизм, и тенгрианство, а в Бурятии и Монголии и по сей день существуют своего рода двоеверские регионы, где шаманы получают два посвящения, а свои камлания они проводят сначала перед буддийским алтарем, а затем на шаманской половине юрты [Буддизм и шаманы, 2011].

Влияние ислама, в частности суфизма, очевидно и в шаманской практике Ферганской долины, когда кыргызские и узбекские шаманы читают Коран, обращаются к Аллаху, пророкам или святым, а сами камлания напоминают суфийские игры [Баялиева, 1989].

Тенгрианство проявляется также в сохранении традиций паломничества. Наряду с общими закономерностями оно несколько отличается от паломничества в других религиях. Так, в буддизме посещение святых мест является частью религиозной практики тех, кто отказался от мира, и направлено на достижение духовных результатов, таких как очищение кармы, стремление к духовным прозрениям, путь к освобождению души, просветлению, выражение поклонения высшим силам и приобщение к энергетике мистических вибраций. Здесь объектами паломничества являются храмы, монастыри, буддийские пещеры, центры, места, связанные с жизнью Будды, выдающихся Учителей, бодхисаттв и мастеров [Зайцев, 2017]. В христианстве паломничество различается как «великое» и «малое» и основывается на стремлении верующих поклониться Святой земле и другим сакральным местам, связанным с Христом, апостолами, Богородицей; раскаяться в грехе, совершить жертвоприношение и молитву [Житинев, 2016].

В современной практике тенгрианского паломничества присутствует идея пути как духовного развития. В отличие от других религий, наряду со святилищами и святыми захоронениями, основными объектами почитания являются природные объекты – горные, растительные, водные и другие, а потому для каждой, даже самой небольшой социальной группы (и даже для отдельно взятой личности) они могут быть своими, а любая точка пространства может стать сакральным объектом. На такую особенность религиозного мировосприятия кочевников Евразийской степи обратили внимание французские философы-постмодернисты Ж. Делез и Ф. Гваттари, когда отмечали, что здесь «абсолют не появляется в месте, а смешивается с неограниченным местом; слияние обоих, места и абсолюта, осуществляется не в централизованной, ориентированной глобализации или универсализации, а в бесконечной последовательности локальных операций» [Делез, Гваттари, 2007, с. 84].

Приобщение к сакральным объектам традиционно основывалось на представлении об их духовной энергетике, а потому пребывание здесь наряду с выполнением религиозных процедур – повязыванием деревьев цветными лоскутками, приношение в жертву животного

– может иметь и достаточно практическую цель в жизни человека, к примеру, для излечения от тех или иных болезней. Терапевтическое воздействие традиционно оказывает и прикосновение к сакральному объекту, употребление или омовение «святой» водой.

Однако в настоящее время в традициях паломничества народов Центральной Азии наблюдается синкретизм, когда, к примеру, исконно тенгрианские места или объекты начинают увязываться с именем какого-либо святого: буддийского, исламского или христианского. Таково, к примеру, ежегодное паломничество к мусульманскому «святому месту» Шах и Мардан в Туркестане, которое приобрело сакральное значение в результате превращения древнего святилища в место погребения «праведного халифа» Али, в чем обоснованно сомневается высшее мусульманское духовенство. Однако и до сегодняшнего дня здесь устанавливаются рога, повязываются лоскутки ткани, приносится пища. Аналогично произошла и исламизация Коркут-ата, Камбар-ата, Чопан-ата, Зенги-баба, Суксек-ата и других, к святым захоронениям которых и по сей день устремляются паломники [Литвинов, 2018, с. 59]. Возможно, что первоначально приспособление тенгрианских святых или традиционных древних мест паломничества было своего рода защитным прикрытием в условиях искоренения тенгрианства, хотя сегодня, когда нет уже былого уничтожения объектов тенгрианства, возникшая некогда традиция исламизации традиционных ценностей, сохранилась.

Тенгрианство сохраняется и в проведении наиболее консервативных обрядов, связанных с рождением и смертью человека. Так, к примеру, у многих тюркских народов, исповедующих ислам, буддизм и христианство, сохранилась так называемая «родовая музыка», которую исполняют группы музыкантов, находящихся вблизи от комнаты роженицы. В Дагестане и по сей день в родильной практике используют записи этой музыки, которая по их свидетельству способствует безболезненным родам [Юсфин, 2010, с. 113.]. Сохранились также разнообразные обряды «включения» (термин – А. Ван Геннеп) [Геннеп, 1999], направленные «на введение ребенка в мир»: укладывание в колыбель («*Бесік-той*» – у казахов, «*Бишек-туй*» – у татар, «*Бешик туй*» – у узбеков, «*Пизік-той*» – хакасов); имянаречения, сороковины («*Қырқынан шығару*» – у казахов, «*Чилль*» – у узбеков и таджиков, «*Кырк кун*» или «*Кырк*» – у киргизов); торжества, связанные с появлением первого зуба («*Тис-той*» – у хакасов); первой стрижки волос («*Киспик-той*» – у хакасов); первых шагов («*Тусау кесу*» – у казахов, «*Тузамах кискен-той*» – у хакасов); первым отъездом мальчика из родительского дома, «посвящением в наездники» («*Токым қагыр*» – у казахов); 12-летним циклом («*Мучал туй*» – у узбеков) и другие [Аязбекова, 2014].

Конечно, все многообразие форм взаимодействия тенгрианства с другими религиями не ограничивается сказанным, однако показательным сегодня является процесс расширения и увеличения динамики синкретических форм, а также институционализации самого тенгрианства.

Неотенгрианство

Исследование процессов возрождения тенгрианства обозначает тенденцию к усилению внимания к нему со стороны государства, а также его институционализации.

Тенгрианские основы истории и культуры многих народов Центральной Азии сегодня осознаются и на государственном уровне. Так, Первый президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев, в одном из своих программных выступлений отметил: «Мы страна – Великой степи, Ұлы Даланың баласымыз біз. Великая Степь, Вечное Синее Небо наши спутники, наши предки жили под этими осенями. Тәңір, Тенгри – это Небо. От света, зелени Великой Степи и Синего Неба в смеси родился цвет нашего флага. Мы – дети Великой Степи, не просто номады. И вот под этими лозунгами и новым брендом мы должны показаться миру новым Казахстаном» [Назарбаев, 2015].

Другие руководители государств не всегда говорят о тенгрианстве открыто, однако их слова и действия свидетельствуют о признании веры в Небесного бога Тенгри. К примеру, в 2005 г. президент Туркменистана С. Ниязов (Туркменбаши) распорядился сократить число студентов исламского теологического факультета Туркменского госуниверситета ввиду того, что «они в последующем не будут востребованы», предложив при этом опубликовать «список единых религиозных праздников всех туркмен» [цит. по: Литвинов, 2018, с. 64], в который вошли и традиционные религиозные праздники.

В представлении Первого президента Татарстана М. Ш. Шаймиева Бог является «природной силой», о чем поведал корреспонденту «БИЗНЕС Online» депутат Госдумы Фатих Сибатуллин. Представляя свою новую книгу «Какой Бог правильный?», Ф. Сибатуллин большое внимание уделяет тенгрианству, как той природной силе, которой поклонялись издревле татары, и вера в которую должна стать в Татарстане основой современного мировосприятия [Самигуллина, 2014].

Представляется в этой связи, что возвращение тенгрианства, его возрождение будет все более и более институционализированным. И начало этого процесса отчетливо прослеживается в Якутии, где сегодня большинство якутов исповедует «новую религию» – Айыы, которая является ничем иным, как модернизированной формой тенгрианства. Если учесть, что в XVIII в., в Ленском крае распространение христианства усилиями казаков и православного духовенства имело массовый характер среди якутов, юкагиров, эвенков, эвенов, долган и чукчей, то сегодня создание «новой религии» – Айыы, на самом деле свидетельствует о масштабном возрождении тенгрианства и его институционализации. Так, в столице Якутии, в сентябре 2002 г., открылось первое в XXI в. культовое сооружение тенгрианцев – центр духовной культуры «Арчы Дьиэтэ», где теперь не только проводятся ритуальные обряды, но и ведется обучение детей. 10 января 2012 г. «новая религия» была зарегистрирована Министерством юстиции Российской Федерации по Республике Саха (Якутия). Все это позволило систематизировать современную обрядность с учетом тенгрианского культурного наследия, реконструировать ритуальные сооружения, культовые

храмы. «В местности Юс Хатын была возведена уникальная ритуальная архитектура народа саха: специальные культовые храмы – помещения в виде монументальной берестяной урасы Могол ураса, ритуальные сооружения Аар багах, коновязи сэргэ различных форм и другие культовые сооружения, символизирующие мифологический образ гигантского космоса и составляющие заполненное сакральное пространство – тьюсюлгэ» [Данилова, 2010].

Другой центр неотенгрианства – Татарстан. Здесь в селе Камаево, известном в народе как Иске-Казан (Старая Казань), начиная с 2000 г., ежегодно, в июне месяце организовывается тенгрианский лагерь «Тан Батыр», где собираются приверженцы тенгрианства с России, Казахстана, Азербайджана и других стран. В 2014 г. представители татарской интеллигенции выступили с ходатайством перед Президентом Татарстана Рустамом Миннихановым о построении в Казани тенгрианского святилища Тэнре-йорт. В своем обращении они отмечали: «Тэнре-йорт нужно разместить в центре Казани, чтобы Тэнре и духи предков знали отношение к ним, размер его должен соответствовать его назначению» [Мальцев, 2015].

Аналогичные процессы, направленные на институционализацию тенгрианства, возникают и в среде общественности Кыргызстана. Здесь на протяжении нескольких лет предпринимаются попытки регистрации тенгрианства в Государственной комиссии по делам религий. Причина отказа в регистрации – «недопущение угроз межконфессиональному согласию и сохранение религиозной стабильности в республике». Предполагается, что за этим кроется «возмущение мусульман легализацией язычества» [Мальцев, 2015]. Однако последователи тенгрианства в Кыргызстане, а их свыше 5 тыс., полагают, что возрождение тенгрианства становится частью укрепления национальной идентичности кыргызов [Какая вера у киргизов ..., 2019].

Тем самым становится очевидным, что XXI в. может стать эпохой институционализации тенгрианства, все более осознаваемого в качестве фундаментальной основы культурного кода всех народов, некогда исповедовавших веру в Небесного бога Тенгри.

Заключение

Исторически тенгрианство, воплощая в себе связь Человека и Мира, смысл и внутренний порядок по отношению к различным сферам тенгрианской, скифо-сакской, гуннской, тюркской и монгольской цивилизациям, несмотря на распространение других религий, оставалось фундаментальным основанием их единства. Не случайно поэтому, тенгрианские представления проникали в ислам, буддизм, христианство и другие религии, распространенные в среде многих тюркских и монгольских народов.

История свидетельствует, что защитной реакцией для сохранения «самости» всего тюрко-монгольского мира становилось укоренение в их подсознании и в традиционной культуре тенгрианского содержания. Поэтому не случайно, что многими учеными, исследовавшими тенгрианство, отмечается влияние тенгрианства на другие религии,

поскольку в традициях некоторых народов менялись формы выражения, а тенгрианская суть сохранялась в неизменности. И даже с принятием других религий тенгрианство не было вытеснено, а продолжало существовать в обычаях и обрядах, в представлениях о жизни и смерти, в культуре и психологии.

Существующий среди тюрко-монгольских народов феномен двоеверия – тенгрианско-буддийский, тенгрианско-христианский, тенгрианско-исламский, - благодаря тенгрианству, способствует сохранению единства этих народов. В особой мере это проявляется в неотенгрианстве, а также в общественном сознании, регламентирующем повседневную и праздничную жизнь людей – в нравственности и морали, обычаях и традициях, обрядах, искусстве, художественно-поэтических формах устного и письменного творчества, в социальных институтах и ментальности.

Важным является и то, что тенгрианство, достаточно устойчивое на протяжении многих веков, оказалось тем фундаментальным и исторически-стабилизирующим фактором, который не был утрачен при многих других религиозных воздействиях, поскольку сохранился в бессознательных архетипах человеческой памяти, в консервативности возрастных поведенческих и бытовых стереотипов, в семейно-обрядовой практике. Тем самым, можно признать, что в ситуации двоеверия тенгрианство сохранило единство цивилизационного порядка, обеспечивая тем самым и целостность тюрко-монгольского мира.

Сохранение и возрождение тенгрианства заставляет обратиться и к вопросу степени и глубины распространения христианства, ислама, буддизма и других религий в среде тюркских и монгольских народов. Здесь речь может идти как о масштабах, так и об интерпретации вопроса в различных источниках. Конечно, бесспорным является проникновение буддизма, христианства и ислама в конфессиональную структуру тюрко-монгольских народов. Однако исследователям еще предстоит изучить феномен двоеверия в каждом конкретном случае и масштабы распространения этих религий, принимая во внимание отсутствие религиозных тенгрианских институтов и преобладание устной традиции передачи информации, религиозных канонов и культурных стереотипов.

Таким образом, распространение буддизма, христианства и ислама – религий оседлой мировой цивилизации, сопровождается одновременным развитием тенгрианства, возникшего на основе кочевой мировой цивилизации. В результате возникает феномен двоеверия, при котором тенгрианство обеспечивает сохранение устойчивости, идентичности и целостности всему тюрко-монгольскому миру, а распространение буддизма, христианства, ислама и других религий задают динамику его развития на основе межцивилизационного взаимодействия.

И все же, несмотря на отдельные периоды забвения своей религии, письменности, языка, утраты культурных ценностей, прежним для тюркских и монгольских народов осталось представление о стабильности мира в его космоцентрической устремленности, о геронтократии и генеалогической целостности как идеологических институтах традиционного общества, о циклическом времени, воплощенном в принципе возврата, и взаимодействии кочевой цивилизации с оседлой –

замкнутого. Важно и то, что, во многом благодаря феномену двоеверия, и сегодня на глубинном, подсознательном уровне, сохранились цивилизационные, общекультурные и психологические связи между всеми тюрко-монгольскими народами.

Список литературы / References

Абдулагатов, З. М. (2018). «Народный» ислам: особенности социологического анализа. *История, археология и этнография Кавказа*. Т. 144. № 3. С. 95-108.

Abdulagatov, Z. M. (2018). "Popular" Islam: Features of Sociological Analysis. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. Vol. 144. № 3. pp. 95-108. (In Russ.)

Абрамова, М.А. (2003). Идеи гуманизма в культуре и образовании Якутии. Якутск.

Abramova, M. A. (2003). Ideas of humanism in the culture and education of Yakutia. Yakutsk (In Russ.).

Алтайцам следует принять буддизм. (2015). *ИА REGNUM*. 20 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/1974843.html> (Дата обращения: 03.10.2020).

The Altaians should accept Buddhism. (2015). *IA REGNUM*. 20 Sept. [Online]. URL: <https://regnum.ru/news/society/1974843.html> (Accessed: 03 October 2020). (In Russ.)

Аязбекова, С. Ш. (2014). Функции музыки в воспитании детей (на примере тюркской культуры). *Субъект и объект познания в проекции образовательных методик и психологических концепций. 82-ая Международная научно-практическая конференция*. Лондон. [Электронный ресурс]. URL: <http://gisap.eu/ru/node/50325> (Дата обращения: 03.10.2020).

Ayazbekova, S. Sh. (2014). The functions of music in raising children (on the example of Turkic culture). In *Subject and Object of Cognition in the Projection of Educational Methods and Psychological Concepts. The 82nd International Scientific and Practical Conference*. London. [Online]. URL: <http://gisap.eu/ru/node/50325> (Accessed: 03 October 2020). (In Russ.)

Аязбекова, С. Ш. (2019а). *Цивилизации Великой Степи*. Нур-Султан.

Ayazbekova, S. Sh. (2019a). *Civilizations of the Great Steppe*. Nur-Sultan. (In Russ.)

Аязбекова, С. Ш. (2019б). *Культура и искусство Великой Степи*. Нур-Султан.

Ayazbekova, S. Sh. (2019b). *Culture and art of the Great Steppe*. Nur-Sultan. (In Russ.)

Баялиева, Т. Д. (1989). Пережитки шаманства у киргизов. *Научные чтения памяти академика АН Киргизской ССР С. И. Ильясова*. Фрунзе.

Bayaliyeva, T. D. (1989). Remnants of shamanism among the Kirghiz. In *Scientific readings in memory of S. I. Ilyasov, Academician of the Academy of Sciences of the Kirghiz SSR*. Frunze. (In Russ.)

Бонгард-Левин, Г. М. (1973). *Индия эпохи Маурьев*. М.

Bongard-Levin, G. M. (1973). *India of the Mauryan era*. Moscow. (In Russ.)

Буддизм и шаманы. (2011). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dharmakaya.ru/forum/index.php?topic=17.0> (Дата обращения: 03.10.2020).

Buddhism and the shamans. (2011). [Online]. URL: <http://www.dharmakaya.ru/forum/index.php?topic=17.0> (Accessed: 03 October 2020). (In Russ.)

Генепш, А. Ван. (1999). *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Пер. с франц. Ю. В. Иванова. М. 198 с.

Genepp A. Van. (1999). *The rites of the passage. Systematic study of rituals*. Transl. from the French by Y. V. Ivanova. Moscow. 198 pp. (In Russ.)

Гоголев, А.И. (2017). Основы тенгрианства в якутских религиозных верованиях в XVII-XIX вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://tengrifund.ru/osnovy-tengrianstva-v-yakutskix-religioznyx-verovaniyax.html> (Дата обращения: 03.10.2020).

Gogolev, A. I. (2017). Fundamentals of Tengrianism in Yakut religious beliefs in the XVII-XIX centuries. [Online]. URL: <https://tengrifund.ru/osnovy-tengrianstva-v-yakutskix-religioznyx-verovaniyax.html> (Accessed: 03 October 2020). (In Russ.)

Данилова, Н. К. (2010). *Якутское традиционное жилище: пространственные и ритуальные измерения*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/yakutskoe-traditsionnoe-zhilishche> (Дата обращения: 03.10.2020).

Danilova, N. K. (2010). *Yakut traditional dwelling: spatial and ritual dimensions*. Cand. historical sci. diss. Abstr. Tomsk. [Online]. URL: <https://www.dissercat.com/content/yakutskoe-traditsionnoe-zhilishche> (Accessed: 03 October 2020). (In Russ.)

Делез, Ж., Гваттари, Ф. (2007). Капитализм и шизофрения. Т. 2: Тысяча плоскостей. Пер. с франц. Б. Г. Нуржанова. *Тамыр*. 2007. № 1.

Deleuze, G., Guattari, F. (2007). Capitalism and schizophrenia. Vol. 2. A thousand planes. Transl. from the French by B. G. Nurzhanova. *Tamyr*. 2007. no 1. (In Russ.)

Житинев, С. Ю. (2012). *Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и усльманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты*. М.

Zhitinov, S. Y. (2012). *Religious Pilgrimage in Christianity, Buddhism and Islam: Socio-Cultural, Communication and Civilizational Aspects*. М. (In Russ.)

Жуковская, Н. Л. (1977). *Ламаизм и ранние формы религии*. М.

Zhukovskaya, N. L. (1977). *Lamaism and early forms of religion*. Moscow. (In Russ.)

Зайцев, Д. М. (2017). Паломничество в буддизме: истоки, традиция, особенности. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. Философия*. № 15. С. 127-131.

Zaytsev, D. M. (2017). Pilgrimage in Buddhism: Origins, Tradition, Features. *Bulletin of Polotsk State University. E Series. Pedagogical Sciences. Philosophy*. no 15. pp. 127-131. (In Russ.)

Какая вера у киргизов: от китайских летописей до современности. (2019). *Hranitel.club*. 07 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://hranitel.club/2429-kakaya-vera-u-kirgizov> (Дата обращения: 03.10.2020).

What is the faith of the Kirghiz: from the Chinese chronicles to the present (2019). *Hranitel.club*. 07 Sept. [Online]. URL: <https://hranitel.club/2429-kakaya-vera-u-kirgizov> (Accessed: 03 October 2020). (In Russ.)

Литвинов, В. П. (2018). «Народный ислам» как синтез язычества и мусульманской религии в Туркестане: паломнический аспект. *Исламоведение*. Т. 9. № 1. С. 54-65.

Litvinov, V. P. (2018). "Popular Islam" as a synthesis of paganism and Muslim religion in Turkestan: the pilgrimage aspect. *Islamic Studies*. Vol. 9. no 1. pp. 54-65. (In Russ.)

Мальцев, В. (2015). Романтики арийского евразийства. Культ Тенгри завоевывает популярность в тюркских регионах России и СНГ. *НГ – Религии*. 21 янв. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2015-01-21/6_tengri.html (Дата обращения: 03.10.2020).

Maltsev, V. (2015). Romantics of Aryan Eurasianism. The Tengri cult is gaining popularity in the Turkic regions of Russia and the CIS. *NG – Religions*. 21 Jan. [Online]. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2015-01-21/6_tengri.html (Accessed: 03 October 2020). (In Russ.)

Назарбаев, Н. А. (2015). Выступление Президента Казахстана Н. Назарбаева на VIII Астанинском экономическом форуме (г. Астана, 22 мая 2015 года). *Zakon.kz*.

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/4713890-vystuplenie-prezidenta-kazakhstan.html> (Дата обращения: 03.10.2020)

Nazarbayev, N. A. (2015). Speech of the President of Kazakhstan N. Nazarbayev at the VIII Astana economic forum (Astana, may 22, 2015). *Zakon.kz*. [Online]. URL: <https://www.zakon.kz/4713890-vystuplenie-prezidenta-kazakhstan.html> (Accessed: 03 October 2020) (In Russ.)

Самигуллина, Э. (2014). Фатих Сибататуллин: «Я все спрашивал у Шаймиева про Бога, про Аллаха...». *БИЗНЕС Online*. 19 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/114724>

Samigullina, E. (2014). Fatih Sibagatullin: "I kept asking Shaimiev about God, about Allah ...". *BIZNES Online*. 19 Sept. [Online]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/114724> (In Russ.)

Ушаков, В. Н. (2005). *Политический ислам в Центральной Азии*. М.; Бишкек. 206 с.

Ushakov, V. N. (2005). *Political Islam in Central Asia*. Moscow. Bishkek. 206 pp. (In Russ.)

Фролова, Л. Н. (2006). «Народный ислам» и мечеть: социологический анализ (на материалах Республики Адыгея): дис. ... канд. социол. наук. Майкоп. 228 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/2713991/> (Дата обращения: 03.10.2020).

Frolova, L.N. (2006). "Popular Islam" and the mosque: a sociological analysis (based on the materials of the Republic of Adygea). Cand. social sci. diss. Maykop. 228 pp. [Online]. URL: <https://www.twirpx.com/file/2713991/> (Accessed: 03 October 2020). (In Russ.)

Юсфин, А. Г. (2010). О народной музыкотерапии. *Музыкальная психология и психотерапия. Научно-методический журнал для музыкантов, психологов и психотерапевтов*. № 5. С. 109-120.

Yusfin, A. G. (2010). On folk music therapy. *Musical psychology and psychotherapy. Scientific and methodological journal for musicians, psychologists and psychotherapists*. no 5. pp. 109-120. (In Russ.)

Gökbel, A. (2002). Kıpçaklarda Sosyo-Kültürel ve Dini Yapı. *Türkler Ansiklopedisi (Türkiye Yayınları)*. Ankara.

Gökbel, A. (2002). Socio-Cultural and Religious Structure of the Kipchaks. *Turkish Encyclopedia (Turkey Publications)*. Ankara.

Tümer, G, Küçük, A., Küçük, M. A. (2009). *Dinler Tarihi*. Ankara.

Tümer, G, Küçük, A., Küçük, M. A. (2009). *History of Religions*. Ankara.

Сведения об авторе / About the author

Аязбекова Сабина Шариповна – академик IASHE (Великобритания), академик РАН (Россия), доктор философских наук, профессор Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, e-mail: ayazbekova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2430-6747>

Статья поступила в редакцию: 20.10.2020.

После доработки: 09.11.2020.

Принята к публикации: 20.11.2020

Ayazbekova Sabina Sharipovna – Academician of the IASHE (Great Britain) and RANS (Russia), Doctor of Philosophical Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan branch, e-mail: ayazbekova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2430-6747>

The paper was submitted: 20.10.2020.

Received after reworking: 09.11.2020.

Accepted for publication: 20.11.2020

УДК 81'42+167

НЕЗРИМЫЙ ОППОНЕНТ: СКРЫТАЯ ДИСКУССИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ¹

И. Е. Ким

Институт филологии СО РАН,
Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
kim@philology.nsc.ru

Д. В. Ильина

Новосибирский государственный университет,
Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск)
dviljina@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена описанию языковых средств, с помощью которых автор научно-популярной статьи вводит в нее позицию «неискушенного читателя». В качестве источника материала для исследования использованы шесть научно-популярных статей лингвистической тематики. Используя методы, применяемые в исследованиях референции, семантическом синтаксисе и поэтике художественного текста, были проанализированы приемы введения обыденной картины мира «незримого оппонента» автора-ученого (или сведущего журналиста), в качестве которого автор представляет потенциального неискушенного читателя статьи. В результате исследования обнаружено, что авторы используют различные средства имплицитности, включающие пресуппозиции, неявную смену точки зрения, игры с референцией местоимений и существительных, чтобы решить сложную коллизию «фактора адресата»: критикуя взгляды, образующие обыденную картину мира читателя, не представляя в явной форме самого читателя своим оппонентом.

Ключевые слова: имплицитность, обыденная и научная картина мира, жанр научно-популярной статьи, авторизация, референция, точка зрения, личное местоимение, переносное значение лица.

Для цитирования: Ким, И. Е., Ильина, Д. В. (2020). Незримый оппонент: скрытая дискуссия в научно-популярной статье лингвистической тематики. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.166-183. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.166-183

THE INVISIBLE OPPONENT: A HIDDEN DISCUSSION IN A LINGUISTIC POPULAR SCIENCE ARTICLE

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760) КОМФИ «Анализ и моделирование структуры риторических аргументов в естественном языке на примере научно-популярного дискурса».

This study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project 18-00-01376 (18-00-00760) “Analysis and modeling of the structure of rhetorical arguments in natural language on the case of popular science discourse”.

I. E. Kim

Institute of Philology SB RAS,
Novosibirsk State University (Novosibirsk)
kim@philology.nsc.ru

D. V. Ilina

Novosibirsk State University,
Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk)
dviljina@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the description of the linguistic means by which the author of a popular science article introduces into it the position of an “inexperienced reader”. Six popular science articles on linguistic topics were used as a source of material for the research. With the methods of studies of reference, semantic syntax and poetics of a literary text, the techniques of introducing an ordinary worldview of the “invisible opponent” of the author-scientist (or a knowledgeable journalist) were analyzed, in which the author represents a potential inexperienced reader of the article. As a result of the study, it was found that the authors use various means of implicitness, including presuppositions, implicit change of point of view, games with the reference of pronouns and nouns, in order to solve a complex collision of the “addressee factor”: criticizing the views that form the reader's everyday picture of the world, do not present explicit the reader himself as his opponent.

Keywords: implicitness, everyday and scientific picture of the world, genre of popular science articles, authorization, reference, point of view, personal pronoun, figurative meaning of a person.

For citation: Kim, I. E., Ilina, D. V. (2020). The invisible opponent: a hidden discussion in a linguistic popular science article. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 166-183. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.166-183

Конец XX в. ознаменовался формированием важного методологического приема в социальных и гуманитарных науках. А. Я. Гуревич сформировал для этого приема почти художественный образ: «безмолвствующее большинство». За этим образом стоит сложная научная задача – изучая письменные источники, выявить и описать, что и как думали неграмотные люди, не умеющие писать и не оставившие после себя письменных памятников, документальных свидетельств и записей [Гуревич, 1990].

А. Я. Гуревич показывает, что пониманию взглядов «безмолвствующего большинства» способствует изучение косвенных источников, таких, которые как документы предназначены были для других нужд, ср., например: «Особенно важной для той части общества, которая в изучаемый период втягивалась в зависимость от крупных землевладельцев, была идея свободы. Этот аспект мировоззрения свободных людей запечатлели *записи обычного права*, и прежде всего так называемые *варварские правды*» [Там же, с. 31]. Вот еще примеры использования непрямых источников: «Насколько традиционное противопоставление свободных и рабов уже не соответствовало реальности раннефеодального общества, вероятно, лучше всего явствует из *завещания второй половины VIII в.*, где упомянута передача церкви двух рабов (*servos*), из коих “один свободный, а другой раб” (*unus est liber et alter servus*), или из *клюнийской грамоты XI в.*, оформившей дарение виллы «с рабами и рабынями (*cum servis et ancillis*), проживающими в этом наследственном владении... будь то свободные, будь то

рабы» (*sive sint liberi, sive sint servi*) [Там же, с. 34]; «Среди памятников, которые с относительной полнотой позволяют познакомиться с суевериями и ритуалами сельской жизни в Раннем Средневековье, наибольшей ценностью обладают *пенитенциалии* (“покаянные книги”) католической церкви – пособия для исповедников, содержащие перечни грехов и устанавливавшие епитимьи за них» [Там же, с. 49].

А. Я. Гуревич объясняет основания этого метода: «Внимание историка не могут не привлечь такие сочинения, как жития святых, “примеры”, описания странствий души по загробному миру, проповеди, памятники вульгарного богословия, “покаянные книги” – пособия для исповедников, то есть жанры среднелатинской словесности, адресованные широкой массе населения. Эти произведения, по большей части дидактического характера, служили в руках духовенства средством воздействия на религиозное и нравственное поведение паствы. Но для достижения своих целей сочинитель неизбежно должен был вступить в диалог с аудиторией, и среднелатинские авторы не могли не испытывать со стороны публики, на которую были ориентированы их произведения, определенного давления, – здесь создавалась своего рода “обратная связь”. Поэтому можно предположить, что в памятниках латинской письменности указанных “низовых” жанров таятся фрагменты народной культурной традиции <...> Среди названных жанров особое место занимают видения потустороннего мира. В них запечатлены, и очень своеобразно, представления средневековых людей о смерти и загробном воздаянии, об устройстве мира иного. Но тем самым изучение такого рода повествований могло бы пролить свет на понимание в ту эпоху человеческой личности, на трактовку времени и пространства, то есть обнаружить существенные стороны средневековой “картины мира”» [Там же, с. 161-162].

Таким образом, знание о взглядах бесписьменной части народов Средневековья, не оставляющей прямых документов, добывается из источников, которые авторы создавали для совершенно иных коммуникативных целей: фиксации правовых норм, передачи имущества, распространения христианства, обучения отправлению религиозных обрядов и т. п. Изучение представлений народных масс, не оставляющих документальных свидетельств своих взглядов на мир, превратилось, таким образом, в аналог детективного расследования, при котором криминальные события реконструируются по косвенным данным, по показаниям лиц, не имеющих отношения к делу, по следам, которых никто не хотел оставлять.

Так, Б. Г. Литвак реконструировал особенности психологии русских крепостных крестьян первой половины XIX в. по жалобам мира (крестьянской общины) царю [Литвак, 1971, с. 209]. П. В. Лукин реконструировал представления русских крестьян XVII в. о верховной власти по материалам дел о «непригожих речах». В качестве материала исследования выступают протоколы допросов подозреваемых в словесных преступлениях против царя и другие материалы дел [Лукин, 2000].

В отношениях автора и адресата печатного (и графического электронного) текста возникает похожая коллизия красноречивого автора и безмолвствующего коллективного читателя.

Н. Д. Арутюнова обозначила эту коллизию в своей блестящей статье «Фактор адресата»: «... Всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата. Удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из важнейших условий его эффективности. “Ошибка адресатом” может быть уподоблена обращению не в ту инстанцию» [Арутюнова, 1981, с. 358]. Как показала Н. Д. Арутюнова, в наибольшей степени фактор адресата связан с прагматикой, с условиями успешности речевого акта [Там же и далее].

Позднее в теории речевых жанров Т. В. Шмелевой «фактор адресата» в виде «образа адресата» занял место одного из пунктов анкеты речевого жанра, обязательного классификационного параметра [Шмелева, 1997].

В текстах разных коммуникативных сфер и разных жанров «фактор адресата» имеет разный вес. Это показала Н. Д. Арутюнова, отметив, что в нарративных произведениях художественной литературы автор постоянно нарушает максимы речевого поведения, связанные с ожиданиями адресата [Арутюнова, 1981, с. 366-367]. Автор как бы играет с читателем в коммуникативную игру, достигая за счет нарушения композиционных принципов эстетического эффекта [Там же].

Однако в научно-популярных текстах фактор адресата играет несколько иную роль. Мы уже писали, что научно-популярная субсфера научной сферы общения имеет очень нетривиальную коммуникативную миссию, которая реализуется в коммуникативную сверхзадачу автора-ученого – в идеале поменять фрагмент наивной картины мира неискушенного адресата на аналогичный фрагмент научной картины мира или хотя бы приблизить первую к последней [Ким, Ильина, 2019]. Поэтому в образ адресата научно-популярного текста обязательно входит присвоенная им наивная картина мира в отношении научного предмета статьи. Поскольку научная и наивная картины мира по определению противопоставлены, неискушенный читатель становится оппонентом автора-ученого. Однако оппонент этот незримый, «безмолвствующий», голос его по необходимости моделируется автором.

Тем не менее, автор не может прямо назначить неискушенного читателя дискуссионным антагонистом [Eemeren, Grootendorst, 2004]. В этом смысле ему сложнее, чем автору псевдонаучного текста, который избирает читателя своим союзником или, в худшем случае, потенциальным союзником, обращаемым в веру автора, а в качестве образа оппонента использует профессионального ученого², который в своих теориях противоречит здравому

² Ср.: «... в псевдонаучных текстах состав коммуникантов иной: если автор, не являясь ученым, все же представляет результаты своего “исследования”, то адресатами статей выступают два разных субъекта. Первый сходен с адресатом в научно-популярной сфере общения по социальным признакам, вторым же является лингвист, которому оппонирует автор. Наличие второго адресата в прагматических ситуациях исследуемых статей эксплицитно подтверждается небольшим количеством примеров: *Конечно, мне можно возразить, мол, где доказательства тому, что у славян были... письма с буквицей?* (М. Задорнов) (поскольку далее в качестве аргумента возможного оппонента автора приводится отсылка к научной, а не бытовой точке зрения: *Ведь официальная наука утверждает, что...); Полагаю, что если бы этрускологи за двести лет изучения этрусских надписей хотя бы раз обратили внимание на подобный факт ...* (В. Чудинов)» [Ильина, 2016, с. 47].

смыслу и не замечает очевидных фактов [Ильина, 2016, с. 47 и далее]. Поэтому, считаясь с фактором адресата в двух разных аспектах, прагматическом и картиномирном, автор научно-популярного текста использует самые разные приемы умолчания или смягчения режима дискуссии, чтобы подвергнуть критике картину мира читателя (картиномирный аспект), не оттолкнув при этом самого читателя нравоучением или научным снобизмом (прагматический аспект).

Рассмотрим некоторые языковые средства и некоторые приемы, которые позволяют автору не акцентировать внимание на фигуре читателя, отмечая неприемлемость его взглядов на научный предмет.

Собственно, за обозначение субъектов, которым в тексте и высказывании принадлежит авторство, как и за способ введения или обработки этой информации, отвечает категория модуса, именуемая авторизацией [Шмелева, 1994, с. 32-33; ср.: Золотова, 1973, с. 263-278]. «Авторизация предполагает квалификацию источника излагаемой информации; иначе говоря, автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать ее как свою или чужую, во-первых, и по способу ее получения, во-вторых. Что касается первого параметра квалификации, то в языке за стандарт принято изложение информации “от себя”, поэтому специальные показатели предусмотрены только для нестандартных случаев – изложения чужой информации, цитирования» [Шмелева, 1994, с. 32]. Важным в понимании организации текста в плане авторизации является введенное Т. В. Шмелевой представление об авторизационном ключе, согласно которому в начале текста явным образом или неявно устанавливается источник информации, которому приписывается информация до смены ключа [Там же]. Таким образом, текст разбит на отрезки, каждому из которых приписывается свой источник информации, и границы этих отрезков могут не совпадать с границами предложений и предикативных единиц.

Параллельно понятию авторизации, активно используемому в семантическом синтаксисе, в поэтике подверглось осмыслению явление, названное «точкой зрения». Суть его заключается в том, что повествование ведется не отвлеченно, а с некоторой позиции, которая может быть: 1) полностью авторской, 2) совмещена с позицией одного из героев; 3) сложным образом связана не с одним из героев, например, она может перемещаться от одного героя к другому или совмещаться с позицией нескольких героев (см., например: [Успенский, 1970, с. 47 и далее, 78 и далее, 94 и далее]; о точке зрения см. также [Байков, 1990] и др.).

Первой филологической работой, подводящей основания («систему координат») под понятие «точка зрения», является книга В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка», которая содержит рассуждения об «авторской» и «чужой» речи и их взаимодействии. Определяя реальность языка как «социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Волошинов, 1930, с. 97], автор детерминирует описание ситуации общения и коммуникантов социологическими параметрами (тип социальной связи, принадлежность к одной / разным социальным группам, соотношение иерархических рангов собеседников и пр.). В. Н. Волошинов говорит о линейном и живописном типе передачи чужой речи. Первый подразумевает, во-первых, четкие границы

между авторской и чужой речью, а во-вторых, стирание индивидуальных особенностей второй (преобладающим является предметное содержание, а не характер речи). Второй тип, напротив, предполагает сохранение индивидуальности чужой речи при размывании границ с авторской речью.

К научным текстам предъявляется требование четкости границ между авторской речью и цитированием, то есть здесь доминирует линейный тип передачи чужой речи. В научно-популярной же сфере такого строгого требования нет, поэтому здесь возможна реализация живописного типа, реализующего экспрессивную (воздействующую) функцию.

Первоначально понятие, которое впоследствии было названо точкой зрения, разрабатывалось преимущественно в отношении «образа автора» на материале художественной литературы. Первое различие внутри комплекса смыслов, обозначаемых этим термином, было проведено более чем за десять лет до публикации книги В. Н. Волошинова. Оно связано с актуализацией «чужой речи». Б. М. Эйхенбаум в манифесте «Как сделана “Шинель” Гоголя» выделяет два типа текстов по критерию их «организующего начала»: если в «примитивных» или комических новеллах им является сюжет, то в текстах сказового типа – рассказчик, его «живые речевые представления и речевые эмоции» [Эйхенбаум, 1919, с. 151-153]. Позднее, уже в рамках концепции, которой придерживался В. Н. Волошинов, М. М. Бахтин в книге «Проблемы творчества Достоевского» 1929 г. [Бахтин, 1994] переработал эту идею, выявив три типа прозаического слова: прямое интенциональное, объектное и условное. Основанием для выделения этих типов стали два взаимосвязанных параметра: (1) «речевой центр» («авторская» или «чужая» речь) и (2) объектность речи. Прямое интенциональное (авторское) слово рассчитано на «непосредственное предметное понимание», не представляя собой объекта изображения. Объектное или изображенное слово принадлежит другому говорящему, оно выражено в прямой речи и «является предметом интенции как характерное, типичное, колоритное слово». Слово третьего типа – условное – имеет два голоса: формально оно «авторское», но принадлежит повествователю или рассказчику, а автор прячется за чужой точкой зрения, накладывая на чужую предметную интенцию свою, отличную от нее. Примерами такого повествования М. М. Бахтин называет стилизацию, сказ и пародию [Бахтин, 1994, с. 399-405].

Понятие точки зрения из нарративной поэтики переместилось в лингвистику, где показало свою плодотворность (см., например: [Падучева, 2010]).

В научно-популярном тексте неявное выражение точки зрения позволяет решить проблему отделения реконструируемой наивной картины мира от ее потенциального носителя – неискушенного читателя.

Рассмотрим первые строки статьи А. Пиперски «Введение в индоевропеистику»: *На школьных уроках иногда упоминают, что русский, английский, французский, греческий и многие другие языки родственны и относятся к индоевропейской семье языков – но обычно не поясняется, что́ стоит за ярлыками «родственные языки» и «индоевропейская семья языков». Разве семьи и вообще родственные связи бывают не только у живых существ? //*

Оказывается, об отношениях родства для языков можно говорить благодаря тому, что языки постепенно изменяются во времени [Пиперски, 2015].

Автор сразу определяет границу научного взгляда на родство языков: она проходит где-то в школьном курсе, по-видимому, русского языка, в котором знание могут получить все носители русского языка (или их подавляющее большинство), однако знание о родстве русского и других индоевропейских языков получает не каждый (ср. *иногда упоминают*), и почти никто не получает знание о том, что означает это родство языков (ср.: *обычно не поясняется*). Риторический вопрос отражает наивную точку зрения на язык: 'Семьи и вообще родственные связи бывают только у живых существ'. Точка зрения «наивного оппонента» вводится системой средств, из которых ни одно не вводит явно эту позицию:

1) с помощью сложной пресуппозиции: автор, который начинает рассказ о родстве языков, не может считать, что у языков не может быть родства;

2) с помощью нулевых показателей адресата в предыдущей фразе. Очевидно, что адресат научно-популярной статьи учился в школе. Таким образом, он входит в состав тех, кто получал информацию на школьных уроках, то есть был адресатом речи, которую производили учителя русского языка. Конструктивно *на школьных уроках упоминают* является неопределенно-личной структурой, то есть субъект упоминания множествен и неопределён; такому, а не обобщенно-личному пониманию способствует употребление временного местоимения *иногда*. Но при этом, что более важно, у глагола *упоминать* вообще отсутствует адресатная валентность, что означает неопределенность или даже обобщенность адресата упоминания родства языков. Глагол *пояснять* употреблен в страдательном залоге и при нем также ослаблена субъектная валентность, однако и в этом случае валентность адресата факультативна и, как правило, не заполняется. Таким образом, автор вводит в текст в качестве персонажа рядового носителя языка, но делает это имплицитно, путем использования глаголов *упоминать* и *пояснять* с наличествующей семантической валентностью адресата речи, но отсутствующей или крайне ослабленной синтаксической валентностью, требующей незаполнения соответствующей синтаксической позиции. Соответственно, переход «точки зрения» от автора-ученого к неопределенному неискушенному читателю является неявным, скрытым.

Вводное слово *оказывается* тоже моделирует наивную точку зрения путем сложной пресуппозиции: для автора информация о том, что именно долгосрочная языковая динамика позволяет говорить о языках в терминах родства, не является абсолютно новой (пресуппозиция вводного слова *оказывается*), абсолютно новой эта информация становится для неискушенного читателя.

Таким образом, имплицитность, в том числе скрытая смена точки зрения помогает автору неявным образом ввести в текст фигуру читателя-оппонента, который не знает о родстве языков или не понимает, в чем смысл этой метафоры.

Еще одним приемом неявной смены точки зрения является использование конструкций с противопоставлением. Противопоставление, выраженное союзами *но* и *а*, предполагает «обманутое ожидание» [Урысон, 2015]. Сопоставительная конструкция с парным союзом *не-*

а демонстрирует явно противопоставленную информацию, два прямо противоположных суждения. В некоторых случаях эта противоположность связана с разными точками зрения на один и тот же предмет. Приведем пример из расшифровки лекции О. А. Донских «Язык – это ложь». Как и почему человечество научилось врать»: *Проблема изучения другого языка состоит не в запоминании слов, а в необходимости начать думать на нем. Когда предлагают выучить «английский язык за месяц», понятно, что речь идет об уровне goodbye и how are you. Но английский язык – это другой способ мышления, и одновременно на двух языках мыслить нельзя. Вот почему переводчики Google и Яндекс так плохо работают, ведь они переводят все более-менее близко к тексту, а настоящий перевод – это другой нарратив на другом языке* [Донских, 2015]. Отрицание, с одной стороны, само по себе является сигналом нарушения следующего ожидания: ‘Проблема изучения другого языка состоит в запоминании слов’. Это ожидание логично приписать «незримому оппоненту»: расхожим является мнение, что изучение языка – это освоение его лексики. В этом случае «обманутое ожидание» компенсируется информацией, которая идет после союза *а*: ‘Проблема изучения другого языка состоит в необходимости начать думать на нем’. Автор с помощью сопоставительной конструкции *не–а* полемизирует с оппонентом-читателем, так же, как и автор предыдущей статьи, не называя его. В дальнейшем он разворачивает дискуссию, используя союзы *но* и *а*: *(Но) английский язык – это другой способ мышления, и одновременно на двух языках мыслить нельзя; (...а) настоящий перевод – это другой нарратив на другом языке.*

Употребление сопоставительной конструкции *не–а* далеко не всегда является полемическим приемом: например, мы находим в уже знакомой нам статье А. Пиперски употребление оборота с союзом *не–а* без полемического наполнения: *Например, в IX веке выходцы из Норвегии заселили Исландию. Язык у тех, кто поселился на острове, изменялся иначе, чем у тех, кто остался на континенте, и постепенно оказалось, что есть не один язык, а два родственных, произошедших из одного источника, – исландский и норвежский* [Пиперски, 2015]. В данном случае «обманутое ожидание» связано не с адресатом статьи, а с невыраженным условным наблюдателем – современником событий, что отражается прежде всего во временном плане, выражаемом глаголом *оказаться* в форме прошедшего времени.

Интересна субъектная организация научно-популярного текста и на уровне референции языковых выражений, обозначающих участников коммуникации (прагматической ситуации³).

³ Хотим использовать более строгое понятие для обозначения ситуации, в которой создается и воспринимается речевое произведение. Обычно бывает достаточно употребить термин *коммуникативная* или *речевая ситуация*, однако для текстов художественной литературы, публицистики или иных нарративных текстов важно зафиксировать именно речевую ситуацию в реальности общения, в которой происходит коммуникация. В строгом смысле это прагматическая ситуация – для языкового выражения ситуация, в которой (вос)произведено и воспринято это языковое выражение. Так, известное письмо Татьяны Лариной Евгению Онегину произведено в коммуникации Александра Сергеевича Пушкина с его читателями. Коммуникативная ситуация «А. С. Пушкин – роман “Евгений Онегин” – читатели» и есть прагматическая ситуация.

Средства выражения субъектности в русском языке представлены очень широко: это и лексические средства (например, номинации типа *человек*, *ученый* и т. п.), и морфологические (категория лица, местоимение как специализированная часть речи, грамматические формы глагола и пр.), и синтаксические (например, определенно- / неопределенно- / безличность высказывания).

Если говорить об обозначении лиц, связанных с прагматической ситуацией, то на первый план выходят местоимения 1 и 2 лица *я / мы* и *ты / вы* и соответствующие им глагольные формы, поскольку сама семантика категории лица связана с отношением субъекта к прагматической ситуации (говорящий – слушающий – лицо, не участвующее в прагматической ситуации). Однако стройность способов выражения этой категории осложняется тем, что референт личных местоимений (и производных лично-притяжательных) может широко варьироваться, включая транспозиции, иначе переносные значения, лица [Ким, 2006; ср. также: Химик, 1990; Санников 2001 и др.].

В научно-популярном тексте этот способ выражения субъектности приобретает некоторую специфику. Происходит это по двум разным причинам.

Во-первых, научно-популярная статья имеет, как правило, монологический характер. Исключение составляют интервью, адаптированные к жанру статьи, где у ученого есть настоящий собеседник – интервьюер (впрочем, он не является полноценным адресатом ни в самом диалоге, т.к. интервью дается для дальнейшей публикации, ни в итоговой статье), а также тексты или фрагменты текстов, где читателю как бы дается возможность совершить действие. Такие статьи встречаются нечасто, в качестве примера можно привести статьи А. Пиперски «Введение в индоевропеистику» [Пиперски, 2015] и А. Ефимова «История истории: Поклоно ѿ Онѳима» [Ефимов, 2016]. В первой статье автор, чтобы показать, как формировался и как работает метод реконструкции языков, дает читателю ряд задач (например, *Попробуйте теперь ответить на вопрос: как на современном немецком языке выглядит слово «вошь», если по-древневерхненемецки оно выглядело как lūs?*), а затем либо дает ответ как бы от лица читателя (*Без сомнения, вы легко дали ответ: Laus*), либо указывает на действия читателя (*Вы не допустили мысли, что, может быть, в одних словах оно переходит в аи, в других – в е, а в третьих – в о; А пока вы пробуете образовать немецкое слово «вши», которое по-древневерхненемецки звучало как lūsī...*). Во второй статье автор задает читателю загадку, обнаруженную учеными на берестяной грамоте (*Отгадайте загадку: «Есть город между небом и землей, а к нему едет посол без пути, сам немой, везет грамоту неписанную». Вы пока подумайте...*), а затем рассказывает об истории открытия и исследования этих грамот, время от времени возвращаясь к загадке (*Надпись – та самая загадка, которую мы вам предложили в самом начале. Еще не отгадали?; Ну как, не догадались еще?*) и в конце статьи давая ответ к ней (*Ах да, загадка. «Город между небом и землей» – это Ноев ковчег...*).

Такие статьи и фрагменты статей являются скорее исключением, чем правилом: «по умолчанию» научно-популярные статьи монологичны и, будучи стилистически приближены к публицистике и даже художественной литературе, обладают нарративным характером, противоположным диалогичности.

Во-вторых, предметность текста добавляет еще одно дополнительное измерение: личные местоимения, их производные и соответствующие глагольные формы отсылают не только к роли человека в прагматической ситуации, но и к его позиции по отношению к предмету обсуждения – в нашем случае к русскому языку. Автор-ученый может занимать две таких позиции: носитель языка и его исследователь; читатель и автор-журналист – только позицию носителя языка, однако автор-журналист, как правило, носитель более компетентный, чем читатель. Таким образом, референт личных местоимений 1 и 2 лица в научно-популярном лингвистическом тексте может занимать следующие позиции по отношению к прагматической ситуации и по отношению к языку (см.: табл. 1).

Таблица 1

Возможные позиции личных местоимений
и форм глаголов 1 и 2 л. по отношению к прагматической ситуации и к языку
в научно-популярной лингвистической статье

Лицо/число глагола или личного местоимения	Роль референта в прагматической ситуации	Позиция референта по отношению к языку
1 лицо единственного числа	автор	1) исследователь языка, 2) носитель языка
2 лицо единственного числа	обобщенное: автор и не участники прагматической ситуации	обобщенное ⁴ : исследователи языка
	автор, читатель и не участники прагматической ситуации	обобщенное: носители языка
2 лицо множественного числа (единичный референт)	читатель	носитель языка
	автор и не участники прагматической ситуации	обобщенное: исследователи языка
	автор, читатель и не участники прагматической ситуации	обобщенное: носители языка

⁴ Поскольку научно-популярная сфера общения в своей ядерной разновидности (в противоположность таким периферийным разновидностям, как, например, рассказ о научном предмете, адресованный друзьям автора) предполагает уважительную коммуникацию незнакомых взрослых людей, формы 2 лица единственного числа в прямом значении в таких текстах не должны встречаться.

Лицо/число глагола или личного местоимения	Роль референта в прагматической ситуации	Позиция референта по отношению к языку
1 лицо множественного числа	автор («авторское <i>мы</i> »)	исследователь языка
	автор и не участники прагматической ситуации (эксклюзив)	исследователи языка
	автор и читатель (инклюзив)	носители языка
	автор, читатель и не участники прагматической ситуации (инклюзив)	носители языка
	читатели и не участники прагматической ситуации (псевдоэксклюзив)	носители языка
2 лицо множественного числа	читатели	носители языка
	читатели и не участники прагматической ситуации	носители языка

Интересная динамическая ситуация появления «незримого оппонента» на уровне референции местоимения *мы* наблюдается в отрывке статьи журналиста А. Бариновой «Оттенки синего»: *Говоря о безоблачном небе, мы, не задумываясь, представляем его голубым. Пушкинский старик жил со своею старухой «у самого синего моря»; голубой и синий входят в число цветов радуги ... Эти цвета кажутся нам привычной частью окружающего мира, однако так было не всегда* [Баринова, 2015].

При чтении первого высказывания понятно, что местоимение *мы* отсылает к носителям языка (об этом свидетельствует, в частности, глагол речи *говоря*), и референт этого местоимения включает автора, адресата (читатели) и других носителей языка, не участвующих в прагматической ситуации. Второе высказывание укрепляет первое впечатление об отношении референта местоимения *мы* к русскому языку, поскольку в нем содержатся отсылки к прецедентным текстам, которые входят, по мнению автора, в «культурный багаж» всех или почти всех носителей русского языка. Первая часть третьего высказывания (*Эти цвета кажутся нам привычной частью окружающего мира*) написана в том же «референтном ключе»⁵ (с тем же референтом местоимения *мы*, что и в первых двух высказываниях), однако вторая часть меняет этот ключ. Прежде всего, об этом свидетельствует уступительный союз *однако*. Его употребление означает, что последующая часть высказывания содержит

⁵ См. понятия модусного и авторизационного ключа текста в работе [Шмелева, 1994, с. 32].

информацию, которая вступает в противоречие с содержанием первой части предложения⁶. Информация эта «от автора». Это означает, что автор полемизирует с субъектом, обозначенным местоимением *мы*. Противоречие затрагивает референцию местоимения *мы*. До второй предикативной части третьего предложения, начинающейся союзом *однако*, *мы* воспринималось как инклюзив, референт которого включает автора, читателя и не участников прагматической ситуации. Однако, поскольку в первой части последнего предложения выражение *нам кажется* представляет собой модус авторизации, автор возражает множественному субъекту, включающему автора, то есть возражает и себе.

Это противоречие может быть снято, по крайней мере, двумя путями.

Первый из них – динамическое изменение референта местоимения *мы*, которое происходит в третьем предложении. В первых двух предложениях имеем полноценный инклюзив, включающий автора и читателя. В третьем предложении, чтобы не было конфликта в авторизации частей, мы можем интерпретировать употребление *мы* как псевдоинклюзив, исключая автора (ср. интерпретацию выражений типа *Как мы себя чувствуем?* в [Апресян, 1986; Храковский, Володин, 1986; Санников, 2001 и др.]).

Изменение объема референта указанных языковых выражений в процессе чтения текста отражено в табл. 2.

Таблица 2

Динамика объема референта языкового выражения
в начале и в конце фрагмента статьи А. Бариновой «Оттенки синего»

Языковое выражение	Референт в первом-втором предложениях	Референт в третьем предложении
<i>Мы</i> + глагольная форма 1 л. мн. ч., <i>нам</i> (<i>привычной</i>) 0 ₄ ⁷	автор, читатели, другие носители русского языка (инклюзив)	читатели, другие носители русского языка (псевдоинклюзив)

Второе возможное решение представляет собой усложнение авторизационной структуры научно-популярного текста. Мы можем допустить наличие разных авторизационных уровней текста подобно наличию разных уровней авторизации в художественном тексте, где прагматический автор репрезентируется на более низком уровне

⁶ Кроме того, использование этого союза дает интересный эффект: если до его прочтения слово *кажутся* понимается читателем в значении 'иметь какой-либо вид, производить какое-либо впечатление', не подразумевающим обязательную ложность этого впечатления, то после его прочтения ложность создаваемого впечатления становится ясной. Завершающая часть высказывания *так было не всегда* полемизирует с содержанием, имплицитным в прилагательном *привычной*, значение которого подразумевает стабильность признака, о котором идет речь.

⁷ Субъект точки зрения, дательный падеж.

персонажей позицией нарратора. В личные и сюжетные отношения с героями вступает именно нарратор, в то время как прагматический автор взаимодействует с читателем. Нечто подобное вполне возможно представить в научно-популярном тексте: всеведущий автор-ученый или осведомленный журналист (как в анализируемом тексте) знает истинное положение вещей, а персонаж-рассказчик вместе с неискушенным читателем может придерживаться наивной картины мира.

Аналогичный прием используется в статье С. Тер-Минасовой «Великий и могучий или глобальный?» [Тер-Минасова, 2014]: по ходу изложения автор постоянно выступает «союзником» читателя, используя инклюзивное *мы*, а в других фрагментах текста, часто без явных показателей авторской точки зрения, представляет иное, более научное знание, противопоставляя его наивному и таким образом становясь в оппозицию читательскому мнению. Подкупает в позиции С. Тер-Минасовой то, что она отождествляет себя с неискушенным читателем вполне искренне, обсуждая общие сомнения и незнание, см., например: *Нам повезло. Мы современники великого взлёта научно-технического прогресса, подарившего небывалые, невообразимые и немыслимые средства общения, или коммуникации. Открылись колоссальные возможности делать всё вместе, всем человечеством: изучать, изобретать, учить, лечить, охранять природу, бороться с преступностью, торговать, строить... Вместе жить дружно в мире и счастье, о чём во все времена мечтали все народы. Началась эпоха глобализации, глобального, объединённого мира. Планета съёжилась до «глобальной деревни». // Но ... Первый взрыв (приступ?) эйфории уже закончился. Глобализация оказалась явлением противоречивым. И дело не только в том, что великими открытиями учёных воспользовался и криминальный мир (а Зло активнее Добра) и открылись новые высокотехнологичные виды грабежа, инсинуаций, борьбы за власть и т. п. На пути глобализации встал «человеческий фактор».*

Очевидно, что в представленном отрывке используется *мы* инклюзивное (автор, читатель и не участники прагматической ситуации). При этом во втором абзаце отрывка, который привычно начинается с «обманывающего ожидания» *но*, автор не противопоставляет «истинное знание» неверному мнению, а обнаруживает проблему, общую для читателя и автора.

Рассмотрим еще один пример тонкого выражения субъекта авторизации, которое связано с неочевидным референтом существительного и субстантивной группы во фрагменте статьи лингвиста Б. Иомдина «Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный?» [Иомдин, 2014]: *Многие образованные люди сейчас возмущаются обилием уменьшительных, особенно в речи официантов, продавцов или, например, парикмахеров: «Салатики нести?», «Вот эту модельку показать?», «Височки подровнять?» А между тем лингвисты знают, что многие слова, которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными, когда-то тоже были уменьшительными.*

Первый вопрос, возникающий при чтении этого фрагмента: кто такие *многие образованные люди*, кто входит в состав референта этой номинации? С одной стороны, исходя из специфики сферы общения, образованными людьми будут и автор, и адресат, и множество

других людей – носителей русского языка. Однако слово-квантификатор *многие* ограничивает референт: есть образованные люди, которые исключены из этого множества. В какое (или какие) из двух множеств входят автор и адресат?

Что касается автора, ответ на этот вопрос дает второе высказывание: референт существительного *лингвисты*, несомненно, включает сюда и автора статьи; противительный союз *а* и наречие *между тем* противопоставляют диктум этих двух высказываний ('обилие уменьшительных – плохо' и 'процесс превращения уменьшительных слов в нейтральные нормален для русского языка').

Адресат же входит, вероятнее всего, в число *образованных людей*, возмущающихся обилием уменьшительных. Во-первых, мало кто из читателей внутренне согласится отнести себя к необразованным людям. Во-вторых, несмотря на общую тенденцию к стилистической нейтрализации диминутивов, перечисленные слова в настоящее время еще не стали нейтральными, и их неуместное использование (с точки зрения нормативной стилистики современного русского языка) естественным образом вызывает раздражение у носителей языка, которые обращают внимания на формальную сторону речи.

Таким образом, референт выражения *многие образованные люди* включает в себя неискушенного читателя, а существительное *лингвисты* соотносится в том числе с автором статьи. Однако читателю далеко не просто понять, что автор именно с ним соотносит субъекта мнения 'обилие уменьшительных – плохо' и именно с ним вступает в полемику.

Итак, назначение научно-популярной сферы общения и коммуникативная цель жанра научно-популярной статьи вынуждают автора вести полемику с «безмолвствующим» неискушенным читателем, точка зрения которого по необходимости автором моделируется. При этом довольно четкое соотношение субъектной организации модуса и диктума научно-популярной статьи на темы русского языка, тонкости референции личных местоимений, существительных и субстантивных словосочетаний, а также незамещенных синтаксических позиций в сочетании с организацией системы точек зрения в научно-популярном тексте позволяют автору критиковать взгляды, образующие наивную картину мира читателя, не представляя в явной форме самого читателя своим оппонентом.

Список литературы / References

Арутюнова, Н. Д. (1981). Фактор адресата. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. № 4. С. 356-367.

Arutyunova, N. D. (1981). Addressee Factor. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. The series of Literature and Language*. Vol. 40. no. 4. pp. 356-367. (In Russ.)

Байков, В. Г. (1990). Антропоцентризм языка и поэтика точки зрения. *Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты*. Калинин. С. 4-24.

Baikov, V. G. (1990). Anthropocentrism of Language and Poetics of the Point of View. In *General stylistics: theoretical and applied aspects*. Kalinin. pp. 4-24. (In Russ.)

Баринаова, А. (2015). Оттенки синего. Когда мы научились различать новый цвет. *National Geographic*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/310041-ottenki-sinego-kogda-my-nauchilis-razlichat-novyy-tsvet/> (Дата обращения: 07.11.2020).

Barinova, A. (2015). Shades of blue. When we learned to distinguish a new color. *National Geographic*. [Online]. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/310041-ottenki-sinego-kogda-my-nauchilis-razlichat-novyy-tsvet/> (Accessed: 7 November 2020). (In Russ.)

Бахтин, М. М. (1994). *Проблемы творчества Достоевского*. Киев.

Bakhtin, M. M. (1994). *Problems of Dostoevsky's Works*. Kiev. (In Russ.)

Волошинов, В. Н. (1930). *Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке*. Л.

Voloshinov, V. N. (1930). *Marxism and the Philosophy of Language. The Main Problems of the Sociological Method in the Science of Language*. Leningrad. (In Russ.)

Гуревич, А. Я. (1990). *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. М.

Gurevich, A. Ya. (1990). *Medieval World: The Culture of the Silent Majority*. Moscow. (In Russ.)

Донских, О. (2016). «Язык – это ложь». Как и почему человечество научилось врать. *Земля. Хроники жизни*. [Электронный ресурс]. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2016-04-03-90758> (Дата обращения: 12.11.2020).

Donskikh, O. (2016). "Language is a lie." How and why humanity learned to lie. *Earth Chronicles of Life*. [Online]. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2016-04-03-90758> (Accessed: 12 November 2020). (In Russ.)

Ефимов, А. (2016). Поклоно ѿ Онѣима. *N+1*. [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/01/29/birchtree> (Дата обращения: 12.11.2020).

Efimov, A. (2016). Greeting from Onfim. *N+1*. [Online]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/01/29/birchtree> (Accessed: 12 November 2020). (In Russ.)

Ильина, Д. В. (2016). Субъектная организация научно-популярных и псевдонаучных статей лингвистической тематики. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 15. № 9: *Филология*. С. 42-52.

Ilyina, D. V. (2016). Subject Framing of Popular Scientific and Pseudoscientific Linguistic Articles. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Vol. 15. no. 9: *Philology*. pp. 42-52. (In Russ.)

Иомдин, Б. (2014). Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный? *Постнаука*. [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/faq/34828> (Дата обращения: 15.11.2020).

Iomdin, B. (2014). How do everyday language and official language interact? *Post-Science*. [Online]. URL: <http://postnauka.ru/faq/34828> (Accessed: 15 November 2020). (In Russ.)

Ким, И. Е. (2006). Личный дейксис и личная сфера. *Российский лингвистический ежегодник*. Вып. 1(8). С. 54-67.

Kim, I. E. (2006). Personal Deixis and Personal Sphere. *Russian Linguistic Yearbook*. Vol. 1(8). pp. 54-67. (In Russ.)

Ким, И. Е., Ильина, Д. В. (2019). Научно-популярная сфера общения: на границе двух картин мира. *Экология языка и коммуникативная практика*. № 4 (1). С. 58-69. DOI: 10.17516/2311-3499-077

Kim, I. E., Ilina, D. V. (2019). Popular Science Sphere of Communication: on the Boarder of Two Worldviews. *Ecology of Language and Communicative Practice*. no. 4(1). pp. 58-69. (In Russ.) DOI: 10.17516/2311-3499-077 (In Russ.)

Литвак, Б. Г. (1971). О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. *История и психология*. М. С. 199-214.

Litvak, B. G. (1971). On Some Features of the Psychology of Russian Serfs in the First Half of the Twentieth Century. In *History and Psychology*. Moscow. pp. 199-214. (In Russ.)

Лукин, П. В. (2000). *Народные представления о государственной власти в России XVII века*. М.

Lukin, P. V. (2000). *Popular Ideas about State Power in Russia of the 17th Century*. Moscow. (In Russ.)

Падучева, Е. В. (2010). *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива*. М.

Paducheva, E. V. (2010). *Semantic Research: Semantics of Time and Aspect In Russian; Semantics of Narrative*. Moscow. (In Russ.)

Пиперски, А. (2015). Введение в индоевропеистику. *Постнаука*. [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/longreads/48008> (Дата обращения: 18.11.2020).

Piperski, A. (2015). Indo-European linguistics in brief. *Post-Science*. [Online]. URL: <http://postnauka.ru/longreads/48008> (Accessed: 18 November 2020). (In Russ.)

Санников, В. З. (2001). О семантике категорий лица и числа (по данным языковой игры). *Традиционное и новое в русской грамматике*. Сб. статей памяти В. А. Белошапковой. М. С. 143-154.

Sannikov, V. Z. (2001). On the Semantics of the Category of Person and Number (According to the Language Game). In *Tradition and Novelty In Russian Grammar*. Collection of Articles in memoriam of V. A. Beloshapkova. Moscow. pp. 143-154. (In Russ.)

Санников, В. З. (1987). *Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис)*: дис. ... д-ра филол. наук. М.

Sannikov, V. Z. (1987). *Russian Coordinative Constructions (Semantics. Pragmatics. Syntax)*. Doctoral (Philology) Dissertation. Moscow. (In Russ.)

Тер-Минасова, С. Г. (2014). Великий и могучий или глобальный? *Наука и жизнь*. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/24859/> (Дата обращения: 15.11.2020).

Ter-Minasova, S. G. (2014). The great and mighty or global? *Science and Life*. no. 9. [Online]. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/24859/> (Accessed: 15 November 2020). (In Russ.)

Урысон, Е. В. (2015). Выбор союза *и* vs. *но/а* при сочинении двух предложений (уточнение понятий «ожидание» и «норма»). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог – 2015*. Сб. трудов Международной конференции. Вып. 14(21). В 2-х т. М. РГГУ. Т. 1. *Основная программа конференции*. С. 603–615. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2430/urysone.pdf>

Uryson, E. V. (2015). Choice of conjunction and vs. but / a when composing two sentences (clarification of the concepts of “expectation” and “norm”). In *Computational linguistics and intelligent technologies. Dialogue – 2015*. Collection of proceedings of the International Conference. Is. 14 (21). In 2 vols. Moscow. Russian State University for the Humanities. Vol. 1. *Main Conference Program*. pp. 603–615. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2430/urysone.pdf> (In Russ.)

Успенский, Б. А. (1970). *Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы*. М.

Uspenskiy, B. A. (1970). *Poetics of Composition: The Structure of Literary Text and Typology of Compositional Form*. Moscow. (In Russ.)

Химик, В. В. (1990). *Категория субъективности и ее выражение в русском языке*. Л.

Khimik, V. V. (1990). *Category of Subjectivity and its Expression in Russian Language*. Leningrad. (In Russ.)

Шмелева, Т. В. (1997). Модель речевого жанра. *Жанры речи*. Саратов. С. 88-99.

Shmeleva, T. V. (1997). Speech Genre Model. In *Speech Genres*. Saratov. pp. 88-99. (In Russ.)

Шмелева, Т. В. (1994). *Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык»*. 2-е изд. Красноярск.

Shmeleva, T. V. (1994). *Semantic syntax: Script of lectures in discipline "Modern Russian language"*. Krasnoyarsk. (In Russ.)

Эйхенбаум, Б. М. (1919). Как сделана «Шинель» Гоголя. *Поэтика: Сборники по теории поэтического языка*. Петроград. Вып. 3. С. 151-165.

Eykhenbaum, B. M. (1919). How Gogol's "Shinel" ("Overcoat") has been made. In *Poetics: Collections on the theory of poetic language*. Petrograd. Vol 3. pp. 151-165. (In Russ.)

Van Eemeren, F. H., Grootendorst, R. (2004). *A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach*. Cambridge. Cambridge University Press.

Сведения об авторах / Information about the authors

Ким Игорь Ефимович – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, профессор Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, e-mail: kim@philology.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Ильина Дарья Владимировна – ассистент, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, младший научный сотрудник, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: dviljina@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6191-5632>

Статья поступила в редакцию: 20.11.2020

После доработки: 28.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Kim Igor E. – Doctor of Philological Sciences, Docent, Chief Researcher of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva str., Novosibirsk, Professor of Novosibirsk State University, 2, Pirogova str., Novosibirsk, e-mail: kim@philology.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Ilina Daria V. – Assistant of Professor, Novosibirsk State University, 2, Pirogova str., Novosibirsk, Research Assistant of Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva str., Novosibirsk, e-mail: dviljina@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6191-5632>

The paper was submitted: 20.11.2020

Received after reworking: 28.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020

ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «Respublica literaria» публикует материалы по исследованиям в области философии и ее истории, социологии, права. Журнал входит в РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-78827 от 07 августа 2020 г. ISSN электронной версии: 2713-3125.

Публикациям в журнале присваивается DOI, материалы размещаются в системе eLibrary.

ПРИНЦИПЫ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Поступающие в журнал материалы проходят первичный отбор на соответствие:

- общим содержательным требованиям;
- требованиям к оформлению текста и библиографических ссылок;
- заявленным научным направлениям издания (философия, социология, право);
- проверяются системой Antiplagiat (к публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 75 %).

В случае прохождения первичного отбора статьи направляются на обязательное двойное слепое рецензирование.

Редакция берет на себя ответственность за подготовку статьи к публикации, её проверку системой Antiplagiat, обеспечение добросовестного рецензирования.

Решение о публикации или отклонении поступающих в журнал материалов принимается редакционной коллегией в соответствии с положением о рецензировании.

Рукописи, отклоненные редакцией по причине несоответствия требованиям к оформлению, не рецензируются.

Автор, направляя статью в редакцию:

- гарантирует, что в настоящее время она не рассматривается для публикации в другом издании, не размещалась в Интернете и не была опубликована ранее.
- подтверждает, что рукопись является оригинальной работой, не содержащей элементов плагиата и недобросовестного заимствования.
- должен уведомить Редакцию о наличии любых конфликтов интересов.
- должен чётко указать все источники, используемые в тексте.
- несет ответственность за подбор и достоверность сведений, изложенных в статье, цитат, статистических и социологических данных и т.д.
- должен сообщать о любых ошибках, которые обнаружит в своей рукописи после публикации.

- выражает свое согласие на публикацию статьи в журнале «**Respublica literaria**» и передачу ее текста третьим лицам (двойное слепое рецензирование носит обязательный характер) в форме договора.

Договор с автором будет отправлен редакцией после принятия статьи к публикации.

Адреса для отправки статьи:

Статьи следует направлять в электронном виде по адресам: respubliteraria@gmail.com, respubliteraria@yandex.ru.

Сайт журнала: <https://respublicaliteraria.ru>

https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=75340

Требования к оформлению статей

Редакция принимает статьи в форматах doc, docx, rtf. Для любых языков (древнегреческий, европейские и др.) используются только шрифты, соответствующие стандарту Unicode. Статьи должны быть представлены в электронном формате. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах (jpg, pdf), приложенных к письму.

1. Номер по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи (прописными буквами) на русском и английском языках (12 кеглем)

3. Информация об авторах на русском и английском: ФИО (полностью) (12 кеглем), место работы, город, электронный адрес (11 кеглем).

4. Аннотация (500 – 1000 знаков с пробелами на русском и английском языках, 10 кеглем) отделяется от текста статьи пропуском строки. Аннотация должна содержать следующие блоки: проблема, которую решает автор (цель статьи), подходы и методы, выводы, к которым автор пришел (или которые доказал). Все эти моменты должны быть последовательно и логично изложены. Кроме того, аннотация статьи не должна содержать излишнего теоретизирования, а, наоборот, отражать существенные моменты проведенного исследования.

5. Ключевые слова (5 – 10 на русском и английском языках, 10 кеглем).

Размер шрифта в сведениях об авторе – 11 кегль, в аннотации и ключевых словах – 10 кегль, в названии статьи и содержании – 12 кегль. Межстрочный интервал – одинарный, поля (все) – 2,0 см, абзацный отступ – 1 см. Перенос слов не допускается!

ПРИМЕР:

УДК 1(091)

**СПЕЦИФИКА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КОНЦЕПЦИЙ
В ЭЛЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЕ**

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск).
berestoviv@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в выявлении общих тезисов, предположительно разделяемых Парменидом и Зеноном Элейским. Для достижения этой цели мы показываем, что возможна альтернативная трактовка апории из 29 В 1 ДК, в которой речь идёт не о бесконечном делении протяжённого сущего, а о регрессе отношений произвольного типа, связывающих произвольного типа конститuenty сложного объекта. В этом случае апория доказывает невозможность сложного объекта любого типа, не только протяжённого объекта. Наконец, мы показываем, что, как проинтерпретированное указанным способом рассуждение Зенона, так и соответствующие доказательства единства сущего Парменидом в 28 В 8 ДК могут трактоваться как основывающиеся на холистическом допущении. Это даёт нам возможность утверждать, что Зенон был преемником Парменида не только в том смысле, что он косвенно доказывал тезис Парменида о единстве сущего, но также и в том смысле, что он использовал положение, которое мог подразумевать Парменид.

Ключевые слова: Парменид, Зенон Элейский, элейская школа, апории Зенона, единство сущего, проблема единого–многого, мощность континуума, непрерывность отрезка, ментальный холизм.

Для цитирования: Берестов, И. В. (2020). Специфика преемственности концепций в элейской философской школе. *Respublica Literaria*. Т. 1. №. 2. С. 28-51. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.28-51

**A FEATURE OF THE CONCEPTION INHERITANCE
IN THE ELEATIC SCHOOL OF PHILOSOPHY**

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
berestoviv@yandex.ru

Abstract. The purpose of the paper is to identify common theses supposedly shared by Parmenides and Zeno of Elea. In order to achieve this goal, we show that an alternative interpretation of the aporia from 29 B 1 DK is possible, in which we don't deal with an infinite division of an extended being, but we deal with a regression of relations of an arbitrary type. These relations are connecting an arbitrary type of constituents of a complex object. In this case, the aporia proves the impossibility of a complex object of any type, not just the impossibility of an extended object. Finally, we show that interpreted in this way Zeno's reasoning from 29 B 1 DK, and appropriately interpreted Parmenides' proofs of the unity of being in 28 B 8 DK can be treated as based on a holistic assumption. This enables us to assert that Zeno was the successor of Parmenides, not only in the sense that he was indirectly

proving Parmenides' thesis of the unity of being, but also in the sense that he was using a statement that Parmenides could imply.

Keywords: Parmenides, Zeno of Elea, the Eleatic School, Zeno's aporias, unity of being, One-Many Problem, the power of the continuum, continuity of line, mental holism.

For citation: Berestov, I. V. (2020). A Feature of the Conception Inheritance in the Eleatic School of Philosophy. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 28-51. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.28-51

6. Текст статьи (от 20000 до 40000 знаков) набирается шрифтами Times New Roman или Minion Pro.

Межстрочный интервал – одинарный, поля (все) – 2,0 см, абзацный отступ – 1 см. Перенос слов не допускается!

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в электронном виде.

Нумерация страниц сплошная, с 1-ой страницы, внизу по центру.

7. В конце статьи приводится **Список литературы / References**. Список не нумеруется. Библиографическое описание русскоязычных источников приводится на русском и английском языках (12 кегль). **Порядок расположения перевода русскоязычных источников! Их перевод ставится сразу после упоминаемого источника!**

ПРИМЕР:

Арутюнова, Н. Д. (1981). Фактор адресата. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. № 4. С. 356-367.

Arutyunova, N. D. (1981). Addressee Factor. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. The series of Literature and Language*. Vol. 40. no. 4. pp. 356-367. (In Russ.)

Липсий, Ю. (2005). Шесть книг политики или государственного учения, рассматривающие по преимуществу монархию. Пер. О. Э. Новиковой. *Новикова, О. Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547-1606)*. М. С. 315-386.

Lipsius, J. (2005). Six Books on Politics or Civil Doctrine. Transl. O. E. Novikova. In *Novikova, O. E. Politics and Ethics in the Age of Religious Wars: Justus Lipsius (1547-1606)*. Moscow. pp. 315-386. (In Russ.)

ОБЯЗАТЕЛЬНО! При составлении списка литературы необходимо сверить представленное библиографическое описание источника с его данными в оригинале. Особого внимания требует перевод названий отечественных журналов, поскольку наименование журнала может быть представлено в зарубежных базах как в транслитерации, так и в англоязычном варианте, **НЕСОВПАДАЮЩЕМ** с обычным переводом.

ПРИМЕРЫ:

Русскоязычное название	В англоязычном варианте
Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия	Vestnik Novosibirsk State University. Series: Philosophy.
Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение	RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия	RUDN Journal of Philosophy

8. После списка литературы приводятся **Сведения об авторе**: ФИО полностью, звание, ученая степень, должность и место работы (на русском и английском языках), электронный адрес, номер ORCID (<https://orcid.org/>) при наличии (12 кегль).

Также для убыстрения обратной связи просьба указать номер телефона. Он не будет включен в описание сведений об авторе в статье.

ПРИМЕР:

Сведения об авторе / Information about the author

Санжеников Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5789-6632>

Sanzhenakov Alexander – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8 Nikolaeva str., e-mail: sanzhenakov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-5789-6632>.

Справочник по переводу ученых степеней, званий, должностей на английский язык:
<https://englishleo.ru/vocabulary-faculty.php>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК К СТАТЬЯМ

Уведомляем, что журнал «Respublica literaria» использует Гарвардский стиль (Harvard Style) – name-date system.

Ссылка для справки: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>.

Внутритекстовые ссылки

• В ссылках на конкретный фрагмент текста документа указывают номер страницы. Например: [Иванов, 2020, с. 60].

• Если ссылка содержит сведения о нескольких работах, они разделяются знаком «точка с запятой».

Например: [Целищев, Хлебалин, 2020; Вольф, 2020].

[Branden et al., 1995; Uhrig, 2008; Watson & Wooden, 2009].

Если ссылка содержит сведения о двух авторах одной работы, указываются оба. Например: [Петров и Иванов, 2020; Lepkowski & Couper, 2002].

• Если ссылка содержит сведения о нескольких авторах одной работы, указывается [Петров и др., 2020] или [Milton et al., 1990, p. 34].

Обратите внимание, что “р. 34” означает, на какой странице был взят текст. Если указывается диапазон страниц, то принято писать “pp. 34-37” (Milton et al., 1990, pp. 34-37).

• Если приводятся несколько книг одного автора, вышедшие в один год, то после фамилии нужно указать (a, b, c и т.д.). Например: [Петров, 2017a; Петров, 2017b].

• Если авторы не указаны, в ссылке пишется только название работы: [Социология в России, 2017]; [European Commission, 2017].

• Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другому документу, то в начале ссылки приводят слова: «Цит. по:» (цитируется по), «Приводится по:», с указанием источника заимствования. Например: [Цит. по: Яшкичев, 2009].

Список литературы / References

Библиография составляется в алфавитном порядке, сначала идут названия на кириллице, затем на латинице. Порядковые номера не ставятся. Формат библиографического описания следующий:

Книга:

Фамилия автора, Инициалы. (Год издания). *Название книги курсивом*. Место издания. Издательство (по желанию и наличию информации).

Мадюкова, С. А., Попков, Ю. В. (2011). *Феномен социокультурного неотрадиционализма*. СПб.

Dorandi, T. (1991). *Filodemo, Storia dei filosofi: Platone e l' Accademia*. Naples. Bibliopolis.

Глава в книге или статья в сборнике:

Фамилия автора, Инициалы. (Год издания). Название статьи в сборнике или главы в коллективной монографии. “In” в англ. версии. Фамилия, инициалы редактора сборника либо монографии (ред.). *Название сборника либо монографии курсивом*. Место издания. Издательство (по желанию и наличию информации). Страницы.

Афонасин, Е. В. (2018). Философская биография: истоки жанра. *Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности*. Сб. науч. трудов Всероссийской научной конференции. Новосибирск. С. 57-59.

Troy, B. N. (2015). Harvard citation rules. In Williams, S.T. (ed.). *A guide to citation rules*. New York. NY Publishers. pp. 34-89.

Ссылка на сборник:

Фрагменты ранних стоиков. В 3-х томах. (1998–2010). Сост. А. А. Столяров. М.

Erbse, H. (ed.). (1995). *Theosophorum graecorum fragmenta*. Leipzig.

Ссылки на источники!

Вся библиография должна идти одним алфавитным списком, без разделения на источники и остальную литературу!

Обязательно указывается автор издания, переводчик или составитель, за исключением редких случаев, когда он не известен. Обратите внимание, что при наличии у каждого тома отдельного редактора, нужно указывать в соответствии с библиографическими данными. Необходимо указать переводчика текста, на который вы ссылаетесь.

Фрагменты ранних греческих философов. (1989). Пер. А. В. Лебедев. М.:Наука.

Brisson, L. (éd.). (2011). *Platon. Oeuvres complètes*. Paris.

Статья в журнале:

Фамилия автора, Инициалы. (Год издания). Название статьи. *Название периодического издания курсивом*. Том. Номер. Страницы. DOI (нужно указать, если у статьи имеется идентификационный номер)

Афонасин, Е. В. (2020). Теофраст о ветре. *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 14. №. 1. С. 215-225. DOI:10.25205/1995-4328-2020-14-1-215-225

Kingsley, P. (1995). Meetings with Magi. Iranian Themes among the Greeks, from Xanthus of Lydia to Plato's Academy. *Journal of the Royal Asiatic Society*. no. 5. pp. 173-209.

Ссылки на электронные ресурсы:

Фамилия, И. О. (год). Название. [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения)

Белоус, Н. А. (2007). Прагматическая реализация коммуникативных стратегий в конфликтном дискурсе. *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. № 4. [Электронный ресурс]. URL: www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (дата обращения: 15.12.2017).

Вольф, М. Н. (2018). Дискуссии об истории философии: XX век. *История и философия науки в эпоху перемен*. Сб. науч. статей. В 6 томах. Т. 5. [Электронный ресурс]. М. Изд-во «Русское общество истории и философии науки». С. 24-27. URL: <http://rshps.ru/books/congress2018t5.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).

Mitchell, J. A. (2017). *How and when to reference* [Online]. Available at: <https://www.howandwhentoreference.com/> (Accessed: 27 May 2017).

В списке литературы источники даются в алфавитном порядке, ссылки на публикации на иностранных языках приводят в списке после ссылок на русском языке.

Список литературы должен быть представлен на русском и английском языках. При переводе на английский язык русскоязычных источников нужно указывать в конце **(In Russ.)**

Афонасин, Е. В. (2020). Теофраст о ветре. *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 14. №. 1. С. 215-225. DOI:10.25205/1995-4328-2020-14-1-215-225

Afonasin, E. V. (2020). Theophrastus on the wind. *Schole. Philosophical antiquity and classical tradition*. Vol. 14. no. 1. pp. 215-225. DOI:10.25205/1995-4328-2020-14-1-215-225 (In Russ.)

Редакция также просит указывать в списке литературы **DOI** источников, если таковые имеются.

Библиографическое описание переводной литературы с английского языка обязательно должно содержать исходное название источника на родном языке. Пожалуйста, указывайте именно его.

Названия известных русскоязычных работ, неоднократно цитируемых, уже имеют устоявшийся перевод. Пожалуйста, указывайте именно его, иначе цитируемая Вами статья не будет учтена в международных базах цитирования.

Автоматическое форматирование сносок НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Пример оформления

УДК 1(091)

СВЕРХИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЛИ АПРОПРИАЦИЯ?

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН
rina.volf@gmail.com

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН
berestoviv@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются разные трактовки интерпретации, которые толкуют ее как универсальный метод гуманитарных наук. Особое внимание уделено трактовкам У. Эко и Э. Бэтти, которые хотя и не согласны между собой, однако противопоставляются философскому или аналитическому пониманию интерпретации, которое мы называем в статье апроприационистским. Присущий апроприационизму способ интерпретировать прошлое нередко грозит сверхинтерпретацией, за что он критикуется сторонниками контекстуализма. Мы анализируем интерпретацию через призму трех предложенных нами скептических аргументов, «концептуальный релятивизм», «горгианские умы», «часть и целое». Скептические аргументы часто используются в философии как дополнительный фильтр для проверки состоятельности тех или иных концепций, и хорошо видно, что контекстуалистская концепция интерпретации этот фильтр не проходит. Тезис, что апроприация действительно является сверхинтерпретацией, можно принять лишь с той оговоркой, что для строго философского способа рассуждения и изнутри апроприационизма другой вариант интерпретации будет несостоятелен.

Ключевые слова: интерпретация, сверхинтерпретация, скептические аргументы, апроприационизм.

Для цитирования: Вольф, М. Н., Берестов, И. В. (2020). Сверхинтерпретация или апроприация? *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С....

OVERINTERPRETATION OR APPROPRIATION?

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
rina.volf@gmail.com

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
berestoviv@yandex.ru

Abstract. The article discusses various approaches to interpretation, which understand it as a universal method of the humanities. Particular attention we paid to the interpretations in U. Eco and E. Betti, who, although do not agree with each other, however, are opposed both to the philosophic or analytic understanding of interpretation, which we call the appropriationist approach. The way of interpreting the past inherent in appropriationism often threatens with overinterpretation, for which it is criticized by adepts of contextualism. We analyze the interpretation through the prism of three skeptical arguments we offered, “conceptual relativism”, “Gorgianian’ minds”, “the part and the whole”. Skeptical arguments are often used in philosophy as an additional filter for testing the consistency of the concepts, and it is clearly seen that the contextualist concept of interpretation does not pass this filter. The thesis that appropriation is indeed a overinterpretation can be accepted under reserve that for a strictly philosophical way of reasoning and from within appropriationism, another version of interpretation is inconsistent.

Keywords: interpretation, overinterpretation, skeptical arguments, appropriationism.

For citation: Volf, M. N., Berestov, I. V. (2020). Overinterpretation or appropriation? *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. ...

В предыдущих работах, обсуждая контекстуалистский и апроприационистский подходы к изучению прошлого философии, а также отношение внутри этих подходов к интерпретации текста и контекста, мы прежде всего говорили о них как о методах философской интерпретации прошлого, о том, какую роль они играют для формировании отношения философии к ее истории в рамках самого же философского сообщества [Берестов и др., 2019].....

Список литературы / References

Берестов, И. В., Вольф, М. Н., Доманов, О. А. (2019). *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск.

Berestov, I. V., Volf, M. N., Domanov, O. A. (2019). *Analytic History of Philosophy: Methods and Inquiries*. Novosibirsk. (In Russ.)

Бетти, Э. (2011). *Герменевтика как общая методология наук о духе*. Пер. Е. В. Борисов. М.

Betti, E. (2011). *Hermeneutics as a General Methodology of the Spiritual Sciences*. E. V. Borisov (transl.). Moscow. (In Russ.)

Россиус, Ю. Г. (2015). Учение о ценностях в теории интерпретации Э. Бетти. *История философии*. Т. 20. С. 130-144.

Rossius, J. (2015). The doctrine of values in Emilio Betti’s theory of interpretation. *History of Philosophy*. Vol. 20. pp. 130-144. (In Russ.)

....

Сведения об авторах / Information about the authors

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, доцент, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>

Берестов Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: berestoviv@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>

Wolf Marina – Doctor of Philosophical Sciences, associate Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>.

Berestov Igor – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: berestoviv@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0782-761X>.